ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Г. Г. СЕМЕНОВ

НАСТУПАЕТ УДАРНАЯ

Георгий Гаврилович Семенов родился в 1908 году в семье садовника. Службу в Красной Армии начал в 1931 году. Был командиром взвода, командовал ротой. В 1941 году из Академии имени М. В. Фрунзе его направили на фронт. С первых дней и до конца Великой Отечественной войны — на оперативной работе в 3-й ударной армии, с которой дошел до Берлина. После войны окончил Академию Генерального штаба, работал в штабах Одесского, Воронежского и Прибалтийского округов. Ныне — заместитель начальника Академии Генерального штаба, кандидат военных наук, доцент. Член КПСС с 1940 года.

Г. Г. СЕМЕНОВ

НАСТУПАЕТ УДАРНАЯ

Георгий Гаврилович
СЕМЕНОВ

Генерал-лейтенант
Г. Г. СЕМЕНОВ

НАСТУПАЕТ УДАРНАЯ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
Москва — 1970

Литературная запись *В. Д.* **УСПЕНСКОГО**

Семенов Г. Г.

С30 Наступает ударная. М., Воениздат, 1970.
304 с., 4 накидки+вклейка. (Военные мемуары).
100 000 экз. 82 к.

От истоков Волги до Берлина прошла с боями 3-я ударная армия. Ее соединения штурмовали центральные кварталы вражеской столицы и водрузили над рейхстагом Знамя Победы.

Автор, находившийся на оперативной работе в штабе этой армии, хорошо знает, как вынашивались планы некоторых крупных операций, как эти операции разрабатывались, готовились и проводились. Он тепло пишет о своих фронтовых товарищах, о том, как росло и оттачивалось у штабных офицеров умение управлять войсками в сложных, быстро менявшихся условиях.

1-12-2-7
89-69

9(С)27

ДОРОГА НА ФРОНТ

1

Шел второй месяц Великой Отечественной войны. Быстро пустели аудитории Военной академии имени М. В. Фрунзе: слушатели один за другим получали назначение в действующую армию. Сначала отправились кавалеристы, затем авиаторы и артиллеристы. Дежурный по нашему общежитию в Хамовниках ежедневно вызывал по утрам несколько человек, которым надлежало явиться в строевой отдел.

Занятия на втором курсе «Б», где я учился, прекратились. По ночам, заслышав сигнал воздушной тревоги, мы бежали в главное здание академии на заранее отведенные места. Наша пожарная команда несла службу на шестом этаже.

Медленно наступал хмурый рассвет, начинался рабочий день. Многие слушатели, и я в том числе, уезжали на окраину города: мы руководили оборонительными работами на подступах к столице. Мой участок — территория одного из подмосковных совхозов, там возводился батальонный район обороны. С утра и до позднего вечера в две смены трудились женщины, девушки, подростки. На прибрежных кручах, устремив в небо тонкие стволы, стояли зенитные пушки. За рекой поблескивали в туманной дымке серебристые туши аэростатов воздушного заграждения.

Москва стала фронтовым городом. Москва воевала. А мы, кадровые командиры, томились в ожидании. Бороться с пожарами, строить укрепления москвичи могли и без нас. Наше место было на передовой. И когда 17 сен-

тября дежурный по общежитию среди других фамилий назвал мою, я искренне обрадовался.

В строевом отделе нам объявили: отъезд в одиннадцать. Иметь при себе личное оружие, шинель, походный чемодан. Лишние вещи и книги сдать на склад.

«Быстрым шагом успею еще попасть на Шаболовку, к знакомым, — сразу прикинул я. — Надо предупредить, что уезжаю. А главное — там может ждать меня письмо от жены».

Когда в 1939 году я поступил в академию, Лида с маленькой дочкой осталась у своей матери в Днепропетровске: в Москве было трудно с жильем. Но в конце концов мне удалось снять комнату на Шаболовке, мы с женой и дочуркой провели вместе счастливую весну. На лето жена снова уехала в Днепропетровск. В июле я послал ей большое письмо, томик стихов Симонова и свое стихотворение, навеянное войной. Ответа не получил. А через некоторое время стало известно: Днепропетровск захвачен фашистами...

И в этот раз на Шаболовке не оказалось хороших вестей. У хозяев квартиры — свое горе, получили извещение о гибели сына. Им явно было не до меня. Я заторопился в академию.

У главного входа, возле двух автобусов, собралась большая группа отъезжающих. Здесь были не только фрунзенцы, но и слушатели других академий. Всем нам — одно направление.

Автобусы выехали на Ленинградское шоссе. К ночи добрались до Калинина и разместились в гостинице «Селигер». Едва рассвело — двинулись дальше.

За Вышним Волочком началось бездорожье. Моросил дождь. Автобусы буксовали на размытых проселках.

Мокрые, грязные, усталые добрались мы до небольшой деревушки близ Валдая, где размещался отдел кадров Северо-Западного фронта.

Отступая под натиском фашистов, войска Северо-Западного фронта вели тяжелые оборонительные бои и понесли большие потери. Чтобы восстановить боеспособность соединений, Ставка срочно направила в район Валдая пополнение и оружие. В числе пополнения были и слушатели академий.

Вечером 19 сентября каждого из нас принял командующий войсками фронта генерал-лейтенант П. А. Курочкин. В его кабинете находился представитель Ставки армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис.

— Капитан Семенов прибыл в ваше распоряжение! — доложил я.

— До академии вы служили в частях связи, — сказал генерал Курочкин. — Мы решили назначить вас начальником связи дивизии. Справитесь?

— Постараюсь справиться и оправдать доверие.

— Хорошо, идите.

Утром в отделе кадров мне вручили предписание: отправиться в распоряжение командира 33-й стрелковой дивизии. Кроме меня в дивизию было послано еще десять офицеров. В том же автобусе мы поехали в район формирования.

В пути я ближе познакомился с несколькими новыми сослуживцами. Молчаливый капитан А. П. Крылов, назначенный начальником разведки дивизии, почти не выпускал изо рта папиросу. Он участвовал в боях у озера Хасан и был награжден орденом Красного Знамени.

Энергичному, подвижному капитану Е. А. Костинскому — слушателю академии химзащиты — предстояло вступить в должность начальника химической службы дивизии. Военный врач 3 ранга Н. М. Иваницкий ехал в дивизию командиром медсанбата.

Автобус медленно тащился по размытой дороге, с трудом обгоняя колонны людей и повозки с оружием. Среди попутчиков в машине оказался пожилой интендант, давно служивший в 33-й стрелковой дивизии. Человек он был знающий, словоохотливый, и мы с интересом слушали его.

Дивизия, как выяснилось, считалась одной из старейших в Красной Армии. Создали ее в 1922 году на Волге из частей, участвовавших в гражданской войне на Южном фронте.

Летом 1940 года дивизия вошла в состав 16-го корпуса 11-й армии и была переброшена на территорию Литвы, в район Мариамполя (ныне Капсукас), на границу с Германией.

Главный удар фашистских войск на каунасско-даугавпилсском направлении, где против 18 советских дивизий враг имел 34 соединения, пришелся и по 33-й стрелковой дивизии. Сдерживая напор гитлеровцев, она вела ожесто-

ченные бои, несла большие потери и вынуждена была отходить на северо-восток через Каунас, Ионаву, Себеж, Холм, Молвотицы.

Утром мы представились генерал-майору К. А. Железникову, командовавшему 33-й стрелковой дивизией с 1939 года. Одет он был в солдатскую шинель с петлицами защитного цвета. Выглядел усталым, но разговаривал спокойно, не повышая голоса. Чувствовалось, окружающие относятся к командиру дивизии с уважением.

Железников спросил каждого, откуда и на какую должность прибыл. Когда очередь дошла до меня, генерал сказал:

— Наш начальник связи капитан Тихонов, которого мы считали погибшим, недавно вышел из окружения. Он имеет некоторый опыт организации связи в боевых условиях. Для его замены нет никаких оснований. Вас мы можем назначить помощником начальника оперативного отделения штаба дивизии. Если не согласны, отправим в отдел кадров фронта.

Я не хотел расставаться с товарищами по академии, с новыми знакомыми, с которыми сблизился за время дальней дороги. Известно ведь, что легче начинать службу, когда есть с кем посоветоваться, на чье плечо опереться... Короче говоря, я получил назначение в оперативное отделение штаба дивизии.

Начальником оперативного отделения оказался майор М. П. Медведев — человек очень серьезный и очень спокойный. До войны он окончил военную академию, хорошо знал свое дело и заслуженно пользовался в штабе большим авторитетом. По штату отделению полагалось иметь трех помощников. Одним из них был грамотный, энергичный танкист старший лейтенант Н. В. Шульжицкий. Вторым — старший лейтенант И. С. Винокуров, у которого исполнительность самым причудливым образом сочеталась с рассеянностью. Третьим помощником стал я.

Начальника штаба не было. Его обязанности временно исполнял начальник артиллерии дивизии полковник Г. А. Александров, который, как и майор Медведев, с первого дня войны участвовал во всех боях дивизии. Александров прекрасно знал артиллерию, был награжден орде-

ном «Знак Почета», отличался постоянным присутствием духа и хорошим характером.

Комиссаром дивизии был в ту пору полковой комиссар И. И. Лыткин, комиссаром штаба дивизии — старший батальонный комиссар Н. С. Юрков. Оба успели повоевать, имели большой опыт политической работы. Мы, новички, с большим вниманием относились к каждому их слову.

В дивизию непрерывно шло пополнение: средний и младший комсостав, рядовые. Поступало оружие, различное имущество. Всю эту массу людей и вооружения необходимо было как можно быстрее распределить по частям и подразделениям, поставить каждого человека на свое место. Сложность заключалась в том, что все полки пришлось создавать практически заново. От дивизии сохранились (да и то не полностью) только управление, разведывательная рота, батальон связи, медико-санитарный батальон и некоторые тыловые подразделения.

Времени для формирования стрелковых полков было в обрез. Задачу эту дивизия выполнила за несколько суток.

К 21 сентября части дивизии заняли оборону на рубеже озер Березай и Шлино и приступили к инженерному оборудованию местности. Одновременно продолжалось укомплектование полков. Численность дивизии возросла до 12 тысяч человек.

Людей хватало, а вот с оружием было туго. Личный состав в основном получил самозарядные винтовки. В каждом стрелковом полку насчитывалось лишь 4 станковых пулемета, 40—45 ручных пулеметов и 20—25 автоматов. Еще хуже было с зенитными средствами, минометами, артиллерийскими орудиями. Дивизия располагала всего-навсего тремя зенитными пулеметами, тремя зенитными пушками, 18 минометами и 16 пушками образца 1902 года.

Из транспортных средств мы имели 618 лошадей и 167 автомашин.

Не хватало и средств связи, особенно радиостанций.

Все это я узнал, едва приступив к новым обязанностям. Дел сразу навалилось много. С группой работников штаба участвовал в выборе запасного командного пункта дивизии. Вел записи в журнале боевых действий, запущенные в связи с тяжелой обстановкой. Засиживаться в четырех стенах не пришлось. Мне поручили проверить,

как идут оборонительные работы. С этой целью побывал в 82-м и 73-м стрелковых полках, где осваивались на должностях начальников штабов мои товарищи по академии капитаны Д. М. Лелеков и М. И. Гольдберг.

Встреча была радостной. Расстались мы несколько дней назад, но за это время все как-то подтянулись, изменились даже внешне. Товарищи помогли мне быстро справиться с поручением.

Все наши полки занимали оборону, не имея соприкосновения с противником, и находились вне досягаемости огня его артиллерии. Поэтому работы на позициях велись днем, причем чередовались с занятиями по изучению оружия и с политической подготовкой. Люди постепенно осваивались в подразделениях, узнавали друг друга.

26 сентября к нам в штаб, разместившийся в деревне Бель, приехал новый командир дивизии полковник А. К. Макарьев.

Ветераны дивизии были огорчены, что генерал-майора Железникова понизили в должности: он получил полк в 27-й армии. Вызвано это было тем, что в сентябрьских боях дивизия понесла большие потери. В случившемся вряд ли был повинен Железников. Обстановка создалась тогда сложная, враг имел очень серьезное превосходство.

Через три месяца доброе имя генерала было восстановлено, ему снова доверили дивизию, которая потом успешно громила фашистов в составе нашей же армии.

Новый командир, Александр Константинович Макарьев, перед войной окончил Академию Генерального штаба. Он оказался человеком очень энергичным, обладал самостоятельными суждениями, но был, пожалуй, резковат.

Вместе с комиссаром Макарьев объехал полки, принял у себя начальников служб и отделений штаба, и сразу же оказался в курсе дел и событий, происходивших в дивизии.

2

29 сентября поступил приказ совершить марш к озеру Селигер, сменить там части 4-й дивизии народного ополчения и занять оборону в первом эшелоне 27-й армии. При этом особо надежно требовалось прикрыть район Турская, Заплавье — межозерное дефиле на левом фланге оборонительной полосы.

Немецкая воздушная разведка в связи с нелетной погодой не действовала, поэтому марш совершался в спокойной обстановке. К вечеру 1 октября наши полки вышли в назначенные районы.

На новом месте работники штаба сразу провели ряд рекогносцировок, наметили, с учетом рельефа местности, начертание позиций, чтобы части могли взяться за инженерное оборудование обороны. Строительный батальон НКВД, работавший на этом 40-километровом рубеже до нашего прихода, соорудил 110 дерево-земляных огневых точек, отрыл более 12 километров противотанкового рва, поставил 13 километров проволочного забора и установил свыше 2000 различных мин. Это облегчало нам оборудование местности. Однако полоса обороны была слишком велика, а огневых средств мы имели мало.

Основным препятствием для противника в полосе нашей дивизии было, естественно, озеро Селигер. Растянуть дивизию на таком широком фронте иначе было бы просто немыслимо.

Селигер — это две цепочки озер, связанных между собою сужениями, проливами и протоками. Одна цепочка тянется на 90 километров с севера на юг, другая пересекает ее с запада на восток, простираясь более чем на 50 километров. Глубины достигают пяти метров, а ширина в некоторых местах доходит до трех километров и более.

Расположено озеро среди отрогов Валдайской возвышенности. Места эти изумительно красивы. Не случайно их называют жемчужиной русской природы.

В этих краях начинает свой путь матушка Волга. В 20 километрах от деревни Свапуша, расположенной на западном побережье Селигера, среди лесных зарослей бьет из-под земли небольшой родничок. Над ним стоит бревенчатый домик. Здесь и рождается главная река России. Через реку Селижаровку Селигер пополняет Волгу своими водами.

Берега озера холмисты и местами довольно высоки. Недалеко от северной оконечности Селигера на 300 метров над уровнем моря поднялась гора Ореховна. Ее вершина — наивысшая точка Валдайской возвышенности. Почти рядом с этой высотой проходила правая разграничительная линия нашей дивизии. Немцы имели на горе свой командный пункт, позволявший просматривать местность на десятки километров.

Извилистость береговой линии и большое количество островов придавали озеру определенное своеобразие с военной точки зрения. Глубокие заливы и полуострова, далеко вдающиеся в воду, затрудняли организацию обороны на побережье, требовали дополнительных сил, чтобы выставить на эти участки надежное боевое охранение.

Значительная часть прилегающей территории была занята лесами, в которых преобладали ель и сосна. Через каждые два-три километра прямо у воды стояли небольшие деревни. Все население было на месте, уходить никто не хотел. Люди надеялись, что мы защитим их, не пустим фашиста дальше на восток.

Некоторым товарищам, прибывшим в дивизию вместе со мной, пришлось начинать работу, как говорится, с азов, с формирования и сколачивания подразделений. В гораздо лучшем положении оказался наш дивизионный разведчик Анатолий Поликарпович Крылов.

Дело в том, что в предыдущих боях сохранилось ядро разведывательной роты. Красноармейцы и командиры роты, отходившие от самой границы, не раз прорывавшиеся из вражеского кольца, воевали не только отважно, но и грамотно, хорошо владели своей трудной военной профессией.

Бойцы разведроты с гордостью называли себя бабанинцами, по фамилии своего командира — лейтенанта Бабанина.

Александр Афанасьевич Бабанин был человеком незаурядным. Родился он в 1915 году в Курской губернии. Отец Саши погиб на русско-германском фронте. Мать, воспитавшая четырех сыновей, умерла в 1934 году. Через три года ее младшего сына Александра призвали в Красную Армию и направили в Орловское бронетанковое училище.

Я не знаю, как началась для Бабанина война. К нам он прибыл из разведотряда 3-й танковой дивизии.

Сероглазый, улыбчивый, с крупными чертами лица, он казался на первый взгляд даже несколько флегматичным. Простотой, мягкостью, внутренним обаянием Бабанин быстро располагал к себе окружающих. В деле был тверд и решителен; а его собранности, умению быстро и правильно оценивать обстановку мог позавидовать любой.

Большой популярностью пользовался в дивизии и лейтенант Борис Михайлович Аврамов, командир одного из взводов разведроты. Отличительными чертами этого юноши-комсомольца являлись смелость и точный расчет. Высокий, ладно скроенный, лейтенант был сдержан, немногословен и не по возрасту суров. Разведчики доверяли ему, как и Бабанину, охотно шли с ним на любое задание.

Повезло не только капитану Крылову, принявшему под свое начало таких подчиненных. Повезло и самим разведчикам, получившим такого командира. Человек это был вдумчивый, неторопливый. Он отлично понимал, что такое ответственность за порученное дело, за судьбы людей. К сожалению, рана, полученная еще на озере Хасан, довольно часто напоминала о себе, и Крылов не всегда мог работать в полную силу.

Наша разведка, располагавшая такими кадрами, довольно скоро добилась успеха на новом рубеже. 7 октября группа лейтенанта Аврамова проникла в тыл врага. В результате успешного налета на небольшой отряд гитлеровцев, двигавшихся по лесной дороге из Боровского в Полесье, разведчики уничтожили пять вражеских солдат и захватили в плен унтер-офицера.

Недавно я получил письмо от своего старого знакомого, ныне полковника Н. И. Гутченко. Осенью 1941 года он, тогда еще совсем молодой переводчик, техник-интендант 2 ранга, служил в 82-м стрелковом полку. Гутченко-то и сообщил некоторые подробности этой успешной вылазки:

Вскоре после того, как мы заняли оборону на озере Селигер, пишет он, *ПНШ-1 82-го стрелкового полка капитан Пилипенко, бывший пограничник, прибывший в полк из академии Фрунзе, подготовил разведывательную группу для выхода в тыл противника, чтобы захватить «языка». Я тоже напросился, и он меня взял. Это была моя первая вылазка... Мы подходили к намеченному для засады району, когда заметили на опушке вдалеке какую-то группу, которая разворачивалась в боевой порядок. Капитан Пилипенко тоже скомандовал «К бою!». Но наш мнимый противник сориентировался быстрее и понял, что здесь недоразумение. Мы увидели вставшего во весь рост человека в танковом шлеме. Он махал руками. Оказалось, что это — лейтенант Аврамов. Он возвращался из разведки. Его группа несла тяжелораненого*

пленного. Увидев такое дело, я предложил Аврамову тут же допросить пленного на случай, если он не выдержит пути до штаба дивизии. Это был первый допрошенный мной немец, унтер-офицер Эрих Шарф. Я до сих пор отлично помню все обстоятельства. Когда кончился допрос и был составлен протокол, Аврамов попросил Пилипенко, чтобы тот отпустил меня в штаб дивизии, иначе там могут не поверить, скажут, что протокол «липа». Пилипенко, поколебавшись, отпустил меня. Пленный по дороге умер. Его голова лежала у меня на коленях (ехали на полуторке), и он все время просил пить.

Мы как раз проезжали мимо озера. Я попросил остановить машину. Кто-то из разведчиков принес котелок воды. Унтер-офицер стал жадно пить. Но как только сделал несколько глотков, голова его запрокинулась, глаза остановились, сильно расширились и будто остекленели. У меня на руках впервые умирал человек, хотя он и был врагом. У пленного была насквозь прострелена грудь, рана кровоточила, и полы моей новенькой шинели были в крови...

Командир дивизии полковник Макарьев и комиссар Лыткин выслушали нас с Аврамовым. Когда я доложил результаты допроса, Макарьев сказал начальнику разведки капитану Крылову Анатолию Поликарповичу, что, дескать, нам надо было бы иметь в штабе своего переводчика. Но по штату не было для дивизии такой должности, и меня решили прикомандировать к штабу дивизии за счет 82-го стрелкового полка. Так состоялся мой перевод.

Сведения, которые получил от пленного унтера переводчик Гутченко, оказались очень ценными для нашего штаба. Мы узнали, какие части противника находятся против нас, какова их численность и вооружение. Например, 3-й батальон 418-го пехотного полка состоял из трех пехотных рот, пулеметной роты и роты тяжелого оружия. В батальоне насчитывалось четыре орудия, четыре миномета и шесть станковых пулеметов. По тому времени это была немалая огневая сила. Да еще каждая пехотная рота при численности в 120 человек имела 12 ручных пулеметов.

Вывод напрашивался сам собой: по силам и средствам немецкий батальон резко превосходил любой стрелковый батальон нашей дивизии. Мы не ощущали этого только по-

тому, что обе стороны вели пока пассивную оборону. Решительно и успешно действовали лишь наши разведчики, ободренные первым успехом.

Пользуясь тем, что противник не создал сплошной линии обороны, а занимал только отдельные пункты, наши разведывательные группы (силой до взвода) почти ежедневно проникали в расположение гитлеровцев и устраивали засады на дорогах. Наши бойцы уничтожали мелкие группы солдат, повозки, автомашины, захватывали пленных, нарушали линии связи.

Немцы вынуждены были принять срочные меры, чтобы обезопасить свои тылы и пути сообщения. Например, командир все того же 418-го пехотного полка запретил солдатам появляться на дорогах в одиночку и мелкими группами, а обозам двигаться из гарнизона в гарнизон без усиленной охраны.

Чтобы приспособиться к новым условиям, нам тоже пришлось изменить тактику. Дивизия начала посылать в тыл врага более крупные разведывательные группы, силой до роты, и с пулеметами. Кроме того, для прикрытия отхода этих групп заранее подготавливался артиллерийский и минометный огонь по тем гарнизонам неприятеля, которые могли помешать возвращению наших разведчиков.

Командование дивизии уделяло огромное внимание деятельности разведки. Особенно — новый начальник штаба полковник И. С. Юдинцев.

Иван Семенович Юдинцев прибыл к нам с понижением. До этого он являлся начальником оперативного отдела штаба 34-й армии. Судьбу его решили неудачные бои, проходившие в районе Демянска в начале сентября.

Полковник Юдинцев имел хорошую подготовку в вопросах тактики и оперативного искусства, отлично знал работу штаба, смело доверял молодым командирам. В его характере удачно сочетались требовательность, вежливость и заботливое отношение к подчиненным. Новый начальник штаба не собирал нас для знакомства. Он вошел в коллектив постепенно, в ходе повседневных дел и забот. Но разведкой занялся буквально с первого дня. Сам подбирал разведчиков, заботился об их снабжении и вооружении, ничего не жалея для них. Приучал к этому и нас, работников штаба. Вместе с капитаном Крыловым Юдинцев ставил задание каждому командиру разведывательной группы.

Наш участок фронта считался пассивным. Но мы не сидели сложа руки. Отправляя в расположение фашистов группу за группой, дивизия держала противника в непрерывном напряжении. Он нес ощутимые потери. А мы получали ясное представление о силах и средствах гитлеровцев, действовавших против нас.

3

В конце октября командующий 27-й армией генерал-майор Берзарин дал полковнику Макарьеву предварительные указания на подготовку боевых действий. Дивизии предстояло частью сил форсировать озеро Селигер, очистить от противника западный берег, овладеть населенным пунктом Залесье и вести разведку в северо-западном направлении. Основными силами дивизия должна была прочно оборонять занимаемую полосу.

Операцию начали готовить без промедления. За короткий срок в прилегающих к озеру деревнях удалось собрать большое количество различных лодок (табельных переправочных средств дивизия не имела).

Вечером 28 октября из штаба армии поступил боевой приказ, подтверждавший указания командарма. Операцию назначили на 30 октября. Справа переходила в наступление частью сил 28-я стрелковая дивизия нашей армии с задачей овладеть Осинушкой. Левее продолжала обороняться 249-я стрелковая дивизия 22-й армии.

По нашим данным, Залесье было занято разведывательным отрядом 32-й пехотной дивизии противника. Небольшие группы немцев периодически заходили в населенные пункты, расположенные по западному берегу Селигера. К юго-западу от Залесья, в Заозерье и Тереховщине, располагался батальон 418-го полка 123-й пехотной дивизии гитлеровцев.

Полковник Макарьев решил привлечь к выполнению задачи по две стрелковые роты от каждого полка, а также саперные подразделения и пять артиллерийских батарей двухорудийного состава. Это решение легло в основу боевого приказа, который был разработан штабом и рано утром 29 октября подписан командиром дивизии. Делегаты связи немедленно отправились в полки. К приказу были

приложены распоряжения по инженерному обеспечению форсирования озера и план боя на двое суток, выполненный в виде таблицы.

В батальоны, выделенные для наступления, для контроля и оказания помощи были направлены на период боя работники штаба и политического отдела дивизии. На передовом командном пункте в Городце вместе с командиром дивизии находились майор Медведев и капитан Крылов.

В ночь на 30 октября подразделения 73-го и 164-го полков, под прикрытием разведки, преодолели на лодках Селигер и заняли исходное положение. Хотя над озером бушевал ветер, а люди не имели почти никакого опыта форсирования водных преград, переправа подразделений к утру в основном была закончена. И сразу развернулись бои за ближайшие населенные пункты.

К вечеру наши подразделения заняли пять деревень на подступах к Залесью. На другой день было продолжено наступление на само Залесье и Ельник. Через несколько часов оба эти пункта заняли две роты 164-го и одна рота 82-го стрелковых полков. Несколько деревень в тот же день захватили подразделения 73-го полка. Немцев вынудили отойти в северо-западном направлении на рубеж Жабье, Монаково.

Бои за Жабье и Монаково продолжались затем до 7 ноября. Подтянув резервы, гитлеровцы оказывали упорное сопротивление и пытались охватить фланги наступавших подразделений. В ночь на 7 ноября наши роты трижды ходили в атаку, но каждый раз, неся большие потери от огня противника, откатывались.

Поняв, что сил для развития успеха недостаточно, полковник Макарьев приказал в ночь на 8 ноября отвести подразделения дивизии в район Залесья, оставив в боевом охранении одну роту.

Противник 8 ноября произвел перегруппировку и двумя батальонами, при поддержке минометов и артиллерии, начал наступать на Залесье с северо-запада. Наши бойцы пять часов отбивали атаки. Введя новые резервы, гитлеровцы все же ворвались в Залесье и Ельник и вечером овладели ими.

Однако в Ельнике фашисты продержались недолго: их удалось выбить решительной ночной контратакой. А вот вернуть Залесье мы не смогли.

Утром 9 ноября активные действия дивизии прекратились. Вновь наступило затишье.

Каковы были итоги проведенной операции? Прежде всего, нам удалось занять несколько населенных пунктов и удержать плацдарм на западном берегу Селигера. Этот плацдарм явился в дальнейшем исходным районом для наступления целого соединения. 33-я стрелковая дивизия в своем новом составе впервые вела наступательные действия: подразделения, командиры и штабы получили некоторый боевой опыт.

Как раз во время этих боев со мной произошел случай, оставивший крепкую зарубку в памяти. Обстановка сложилась так, что в оперативном отделении на КП я остался один. Из штаба армии требовали информации о форсировании озера, о продвижении подразделений на западном берегу. С этим я справлялся без труда. Особенно интересовалось начальство сведениями о трофеях, но мне нечего было ответить: такие данные могли поступить из полков только с вечерней сводкой. А тут как раз в оперативное отделение заглянул на минутку инструктор политотдела, только что вернувшийся с западного берега Селигера. Он рассказал, что возле деревни Овинец видел не меньше 30 убитых гитлеровцев.

При очередном разговоре я сообщил в оперативный отдел армии об этих потерях противника, а вечером включил те же данные в дивизионную оперативную сводку.

Через несколько дней из штаба армии поступило распоряжение представить обмундирование убитых немецких солдат и офицеров. Однако поиски почти ничего не дали. От меня потребовали объяснений. Пришлось пережить весьма неприятные минуты...

В первых числах декабря у нас произошли некоторые изменения. Майор Медведев уехал учиться в Академию Генерального штаба. Временное исполнение обязанностей начальника оперативного отделения было возложено на меня.

Между тем зима полностью вступила в свои права, с каждым днем крепчали морозы. Усилились снегопады, закружили метели. К концу месяца высота снежного покрова достигла 50 сантиметров, а толщина льда — 60. Занесло дороги. Движение между полками и тылами дивизии

почти прекратилось. Трудно стало доставлять в части продовольствие и фураж.

В это тяжелое время дивизия получила приказ перегруппировать свои силы к левому флангу и занять оборону в полосе Голенек, Турская, Красуха. Правее сосредоточивалась 23-я стрелковая дивизия. Слева — 257-я дивизия, прибывшая из резерва армии. Командовал ею наш бывший начальник генерал-майор Железников.

25 декабря наш штаб переместился из деревни Новосел в новый район и разместился в блиндажах и землянках, там, где раньше находился командный пункт 82-го стрелкового полка. И в штабе и в полках люди понимали, что перемещение и сосредоточение войск — это верный предвестник близкого наступления.

Части дивизии занялись расчисткой дорог и прокладкой колонных путей в западном направлении. Во всех подразделениях готовились сани и лыжи. Однако лыж явно недоставало, на всю дивизию их было только триста пар. Не хватало и маскировочных халатов.

Противник активности не проявлял. Вероятно, 30-градусные морозы охладили пыл гитлеровцев.

К этому времени, к концу 1941 года, наша 33-я стрелковая дивизия представляла собою хорошо сколоченный и легко управляемый войсковой организм. В своем составе она имела более 10 тысяч человек, на вооружении которых, кроме винтовок, находились 400 автоматов, 126 ручных и 18 станковых пулеметов. Правда, артиллерии и минометов было еще маловато.

4

1 января 1942 года 33-я стрелковая дивизия вошла в состав 3-й ударной армии. Чувствовалось, что активные действия начнутся со дня на день. Но тогда мы еще не могли представить масштабы той операции, которая готовилась высшим командованием и в которой нам предстояло участвовать.

По решению Ставки на стыке Северо-Западного и Калининского фронтов была создана крупная группировка для наступления на торопецком направлении. В эту группировку вошли 3-я ударная армия под командованием генерал-лейтенанта М. А. Пуркаева, прибывшая из резерва,

и 4-я ударная армия под командованием генерал-полковника А. И. Еременко, преобразованная из 27-й армии. Обе армии были включены в состав Северо-Западного фронта.

В целом группировка состояла из восьми стрелковых дивизий, десяти стрелковых бригад, восемнадцати лыжных батальонов, четырех артиллерийских полков, пяти дивизионов РС, четырех танковых батальонов и двух смешанных авиадивизий. Силы по тому времени были немалые. Большинство этих соединений и частей прибыло из глубины страны.

Наше командование имело довольно ясное представление о противнике в полосе предполагаемых действий. Немецкие войска размещались здесь двумя группами. Одна — в районе Демянска — состояла из пяти дивизий. Вторая — в районе Селижарова — из трех дивизий. Промежуток между этими группами прикрывали, обороняясь на широком фронте, 123-я пехотная дивизия, а также смешанная кавалерийская бригада СС. Ближайшие резервы противника располагались в районах Молвотиц, Андреаполя и Луги.

На участке от Залесья (на западном берегу озера Селигер) до Селища (на южном берегу озера Волго), где намечался удар двух армий Северо-Западного фронта, немцы имели наименьшую плотность сил. Это позволило советскому командованию создать там значительное превосходство над противником.

Оборона врага состояла из отдельных узлов сопротивления и небольших гарнизонов в населенных пунктах.

Фашисты не ожидали на второстепенном направлении широких наступательных действий Красной Армии. Они намеревались удерживать занимаемый рубеж до весны наличными силами. Только в конце декабря, обнаружив сосредоточение наших войск, противник начал спешно перебрасывать резервы из Франции и Германии.

Нам предстояло действовать на лесисто-болотистой местности, почти полностью лишенной нормальных дорог.

У немцев в этих районах проходила разграничительная линия между группами армий «Север» и «Центр». У нас — между войсками Северо-Западного и Калининского фронтов.

Забегая вперед, скажу, что на этом направлении обе стороны в течение всей войны не искали решения крупных

стратегических задач — сказывались природные условия. Однако бои здесь по ожесточенности и упорству не отличались от тех, что велись на других направлениях.

Вечером 3 января полковник Юдинцев послал меня в Красуху, в штаб 3-й ударной армии, за боевым приказом.

Вероятно, с целью соблюдения секретности боевой приказ по армии, занимавший семь страниц, был написан от руки чернилами. Вместе с офицерами, прибывшими из других дивизий и бригад, я тут же взялся снимать копию с боевого приказа.

Перед 33-й стрелковой дивизией, усиленной 106-м дивизионом РС, 146-м танковым батальоном, 469-м саперным батальоном и 79-м лыжным батальоном, была поставлена задача: совместно с частями 257-й стрелковой дивизии окружить и уничтожить противника, занимавшего рубеж Болошово, Машугина Гора, Залучье. Главный удар предстояло нанести правым флангом севернее озера Щучье. К концу первого дня боев дивизия должна была выйти в район Баталовщина, Игнашевка, выбросив вперед подвижные группы лыжников. Ширина полосы наступления — 10 километров.

Справа 23-я стрелковая дивизия уничтожала противника в районе Заозерье, Ровень-Мосты. Слева 257-я стрелковая дивизия наступала в направлении Задубье, Гуща, Барутино.

Таким образом, в первом эшелоне 3-й ударной армии действовали три стрелковые дивизии, до сих пор находившиеся на фронте и имевшие боевой опыт. Во втором эшелоне наступали стрелковые бригады, прибывшие из тыла.

Командование дивизии и работники штаба тщательно проанализировали привезенный мной документ. Детально разобравшись в поставленной перед нами задаче, полковник Макарьев выслушал мнение начальника штаба, начальника артиллерии и военкома дивизии. Затем нанес на карту свое решение. В первом эшелоне действовали 164-й и 82-й стрелковые полки. Они, в частности, получили указание: не ввязываясь в борьбу за населенные пункты, находящиеся на переднем крае обороны противника, стремительно наступать в заданном направлении.

Против нас оборонялись подразделения 415-го пехотного полка гитлеровцев, усиленные охранным батальоном.

Получив наш приказ, части дивизии начали выдвигаться в исходные районы. Стрелковые подразделения выходили организованно: дороги были предварительно расчищены, личный состав имел хорошую подготовку, отлично поработала разведка. Хуже было с приданными частями. Танковый батальон и дивизион «катюш» застряли где-то в пути.

Такое же положение сложилось, вероятно, и в других дивизиях. Поздно вечером из штаба армии пришло распоряжение: 8 января боевых действий не начинать.

Понадобились еще почти сутки, чтобы все выделенные для наступления части прибыли на свои места. Лишь после этого мы получили боевое распоряжение штаба 3-й ударной, в котором указывалось: «Артподготовка — 8.30 9.1.42, начало наступления полков — 9.00 9.1.42».

Штаб дивизии перешел в район озера Жетонег и разместился в шалашах из лапника, построенных на снегу. Крепкий мороз обжигал руки и лицо. Густая белая дымка окутывала местность. Неподвижно застыли деревья, покрытые инеем. Наступила ночь, но спать никто не ложился.

Штабное оборудование нашего оперативного отделения уместилось в одном шалаше. Здесь была радиостанция РБ для связи с полками (ее перевозили на санях), телефонный аппарат, пишущая машинка, керосиновая лампа. Захватили мы с собой и два старых стола, необходимых для работы.

Ночью полковник Макарьев с группой офицеров уехал на наблюдательный пункт, устроенный в лесу на дереве. Полковник Юдинцев и остальные офицеры штаба остались в шалашах. Связь с полками и со штабом армии работала бесперебойно.

5

Утром 9 января наши части, при поддержке артиллерии и «катюш», перешли в общее наступление. Ожесточенный бой продолжался весь день. Противник оказывал огневое сопротивление из своих опорных пунктов Болошово, Гвоздово, Большой и Малый Частивец. К вечеру

3-й батальон 164-го стрелкового полка под командованием капитана И. Ф. Воробьева овладел деревней Болошово. Два других батальона этого полка продвигались лесом по пояс в снегу, не встречая немцев, и в сумерках вышли в район западнее озера Щучье, преодолев более 8 километров.

79-й лыжный батальон пересек дорогу в районе озера Щучье, правее 164-го полка, и начал наступление на Городище.

1-й и 2-й батальоны 82-го стрелкового полка овладели опорным пунктом противника Гвоздово и устремились по лесу в западном направлении. 3-й батальон этого полка, которым командовал мой друг капитан В. С. Лихотворик, в течение всего дня вел тяжелый бой за Большой и Малый Частивец.

73-й полк майора С. Я. Лободы продвигался за 164-м полком, составляя второй эшелон дивизии.

Отсутствие дорог, глубокий снег и сильный мороз замедляли темп наступления, задерживали артиллерию и танки, усложняли работу тылов.

К вечеру 11 января командный пункт дивизии полностью переместился в Баталовщину, ближе к полкам, действовавшим на направлении главного удара. Это очень затруднило нам связь со штабом армии.

Дело в том, что телеграфный провод из армии был протянут только до Машугиной Горы. По этому проводу и была установлена телефонная связь. Однако до Баталовщины, до КП дивизии, оставалось еще не менее 10 километров.

Автомобильная рация застряла где-то в снегу.

В такой обстановке начальник штаба армии генерал-майор Покровский разрешил нам переместить штаб дивизии из Болошово непосредственно к полковнику Макарьеву в Баталовщину. А меня Покровский приказал посадить у армейского провода. Средства передвижения должны были находиться рядом.

Вместе с одним офицером-связистом я выехал в Машугину Гору на санях, взяв с собой закодированную карту и армейскую переговорную таблицу. О прибытии доложил по телефону оперативному дежурному штаба армии. Через некоторое время мне позвонил сам начальник связи генерал И. И. Дудков и предупредил, чтобы никуда не отлучался.

Вскоре после полуночи дежурный телефонист доложил, что меня вызывают.

— Кто у телефона? — услышал я. — Ваша фамилия? Это говорит Пуркаев.

— Капитан Семенов, начальник оперативного отделения.

— Кадровый или из запаса?

— Кадровый.

— Имеете ли связь с Макарьевым?

— Нет.

— Какие у вас средства передвижения?

— Здесь, со мною, сани.

— Берите карту и слушайте задачу на двенадцатое января. — Генерал Пуркаев назвал рубеж, на который должны были выйти части нашей дивизии завтра к вечеру. — Передайте товарищам Макарьеву и Лыткину, — добавил командарм, — что за невыполнение задачи они пойдут под суд военного трибунала. А вас, если к утру не передадите им мой приказ, накажу еще строже. Все понятно?

Через десять минут мы со связистом оставили Машугину Гору и двинулись на санях в морозную ночь, не зная, где искать командира дивизии.

Полковника Макарьева я разыскал на рассвете. Вместе с ним находился и полковой комиссар Лыткин. Я дословно передал им распоряжение командарма, после чего отправился к Юдинцеву готовить приказания командирам полков.

Мой помощник, старший лейтенант Винокуров, быстро познакомил меня с обстановкой. В штабе дивизии было известно положение почти всех батальонов. Связь с полками поддерживалась только по радио, но работала устойчиво. Несмотря на непрерывное движение частей, мы имели возможность через каждые два-три часа получать от них необходимые сведения.

Штабы полков управляли батальонами также по радио. Надо сказать, что рации типа РБ были неплохими для своего времени. Дальность действия их невелика, но ведь и наступали мы тогда не очень быстро. Эти рации при умелом использовании вполне обеспечивали управление частями и подразделениями. Хуже обстояло дело со связью в звене штаб армии — штаб дивизии, где применялись более мощные автомобильные станции. Но виноваты были не радисты, а плохие дороги...

После завтрака мы с капитаном Крыловым верхом отправились по маршруту движения штаба дивизии. С нами ехали на санях радисты. Время от времени мы останавливались, запрашивали от полков обстановку, наносили ее на карту. Когда догонял нас начальник штаба — докладывали ему последние данные и, получив указания для передачи полкам, снова выдвигались вперед.

В Мамоновщине разведчики привели к нам из леса двух сильно обмороженных гитлеровцев — солдат противотанкового дивизиона 123-й пехотной дивизии. По словам пленных, их дивизион был разбит нашими частями, а его остатки пытались мелкими группами выйти по лесам на северо-запад.

Короткий зимний день близился к концу. Перед заходом солнца нас догнал газик-вездеход. В дивизии такая машина была только у полковника Макарьева. Но на этот раз приехал не он. Из машины вышли два незнакомых нам товарища в полушубках. Мы спрыгнули с лошадей и представились. Они назвали себя: Пуркаев и Тевченков. Спросили, имеем ли мы последние данные за дивизию. У меня на карте было нанесено положение 73-го и 164-го полков, а за 82-й полк были сведения, принятые час назад. Я доложил, что полки приближаются к рубежу, который был определен командармом в его приказе на сегодняшний день.

Пуркаев поинтересовался, где находится командир дивизии. Я назвал северо-западную окраину деревни Мамоновщина: там размещался КП. Пуркаев хотел было ехать дальше, но вдруг вспомнил:

— Ночью по телефону я с вами разговаривал?

— Да, со мной.

— Передали задачу командиру дивизии?

— Передал утром.

— Ну хорошо. А на резкость не обижайтесь, на войне всяко бывает, — улыбнулся он и сел в машину рядом с начальником политотдела армии дивизионным комиссаром Тевченковым. Они поехали к командиру дивизии.

Наступление продолжало развиваться. Ведя упорные бои, наши части 14 января овладели рядом населенных пунктов в 10 километрах южнее Молвотиц и вышли на дорогу Молвотицы — Холм. На всем нашем пути полыхали пожары: поспешно отступавшие фашисты беспощадно сжигали деревни.

Вечером штаб дивизии двинулся на новое место — в деревню Афаносово. На одном из перекрестков дорог мы чуть не столкнулись с группой гитлеровцев численностью человек двести, отходивших по нашим тылам.

В штабной колонне — десять саней и небольшая охрана. Мы мгновенно изготовились к бою, но немцы прошли мимо, не обратив на нас внимания. Сами мы нападать не решились. Слишком неравными были силы.

Двух солдат, отставших от своей группы, нам удалось захватить в плен. Тут-то и выяснилось, что остатки 416-го пехотного полка отходят в район Молвотиц. Для разгрома этой группы поблизости, к сожалению, не оказалось наших войск, и ей удалось ускользнуть.

Наступая в юго-западном направлении и почти не встречая организованного сопротивления, дивизия к утру 15 января вышла главными силами в район Благодать, Долгуша, Рунницы. Темп преследования возрос: мы двигались теперь по дороге Молвотицы — Холм, которую фашисты поддерживали в хорошем состоянии.

Однако по мере продвижения вперед увеличивались и трудности. Из-за отсутствия горючего отстали танковый батальон, дивизион РС и артиллерийский полк усиления на мехтяге. Тяжелое положение создалось с подвозом продовольствия и боеприпасов.

6

16 января командование Северо-Западного фронта поставило перед войсками 3-й ударной армии новую задачу. Точнее сказать — не одну, а целых три.

На правом фланге армия должна была овладеть опорными пунктами противника Ватолино и Молвотицы.

В центре — подвижными отрядами 33-й дивизии занять 19 января город Холм.

На левом фланге — продолжать наступление на юго-запад, в сторону Великих Лук.

Фронт 3-й ударной, достигший к тому времени 100 километров, расширялся. Силы армии дробились на три части, каждой из которых предстояло действовать на самостоятельном направлении.

Вряд ли такое решение можно было считать удачным. Но задача была поставлена и ее требовалось выполнять.

О начале нового этапа операции в нашей дивизии узнали с большим опозданием. Основной командный пункт армии находился в Мамоновщине, в 80 километрах от нас. Фактически мы были почти отрезаны от него бездорожьем и не имели никакой связи.

Наконец в штабе армии нашли способ доставить нам распоряжение командарма. Мы получили его днем 18 января, когда, по мысли командующего фронтом, 33-я дивизия должна была уже вести бой за Холм, с тем чтобы 19 января полностью овладеть городом.

Сроки, указанные в приказе, были давно уже не реальными. Но, руководствуясь сутью распоряжения, мы сразу начали подготовку частей дивизии к выполнению новой задачи.

Командир дивизии решил: 19 января полки должны совершить 30-километровый марш, выйти в район Холма, окружить его и, нанося удар с запада и северо-запада, в ночь на 20 января овладеть городом.

По данным разведки, Холм был занят вражеским гарнизоном численностью свыше 1000 человек. Кроме того, до 500 человек было в отрядах, прикрывавших подступы к городу с востока. Когда капитан Крылов доложил об этом полковнику Макарьеву, тот в резкой форме выразил несогласие, полагая, что оценка противника слишком завышена. Он даже упрекнул Крылова и меня в том, что мы, хоть и учились в академии, не всегда правильно разбираемся в обстановке и допускаем ошибки. Однако дальнейший ход дела подтвердил справедливость доклада начальника разведки.

Готовя боевой приказ, мы стремились предусмотреть события завтрашнего дня и поставить частям наиболее реальные задачи как по времени, так и по силам. Предварительно начальники штабов полков были предупреждены о подготовке частей к маршу.

К тому времени, когда был готов приказ, всех командиров полков вызвали в штаб дивизии. Полковник Макарьев поставил им задачи по карте и определил порядок взаимодействия между частями при штурме города. Тут же командирам полков вручили боевой приказ с приложенным к нему листом кальки, на которой была нанесена задача каждого полка.

Аппарат управления дивизии сработал в этот раз точно и быстро. Задачу вовремя довели до всех исполните-

лей. В час ночи 19 января части уже выступили по намеченному маршруту.

Двинулся с места и наш штаб.

Ночь выдалась темная и морозная. Капитан Крылов и я ехали со своими радистами на санях за командиром дивизии. А он, следуя за 164-м полком, периодически делал остановки, проверяя, как движутся части и подразделения.

В 9 часов утра начался бой нашего передового отряда — 2-го батальона 73-го полка — за населенные пункты Наход и Гороховку, что в 10 километрах восточнее Холма.

164-й полк майора В. В. Алтухова и 82-й — майора Д. М. Симакина, не задерживаясь, свернули с дороги влево и продолжали двигаться в намеченные районы.

Бой возле деревни Наход длился более трех часов. Немцы впервые за период нашего наступления бросили для поддержки своих частей бомбардировочную авиацию. Но, несмотря на это, они понесли большие потери и вынуждены были спешно отойти, оставив обоз.

Поздно вечером 19 января полковник Макарьев с группой офицеров прибыл в населенный пункт Лосиная Голова, в 5 километрах к юго-востоку от Холма, где было намечено развернуть командный пункт дивизии.

Холм — старинный городок на Псковщине. Раскинулся он на невысокой возвышенности и почти со всех сторон окружен болотами. На десятки километров простираются вокруг него совершенно непроходимые участки.

Река Ловать делит город на две неравные части. Восточная, бóльшая часть, лежит на высоком берегу. Западная — на низком.

Холм — узел дорог. Этим в значительной степени определилось его военное значение. Город занимал ключевое положение на нашем направлении. Для советских войск Холм запирал путь на юго-запад. Для немцев потеря города влекла за собой неминуемый отход к Локне, на линию железной дороги Дно — Великие Луки. Вражеское командование придавало Холму особое значение, и наша дивизия встретила здесь упорное сопротивление.

На рассвете 21 января подразделения 164-го и 73-го полков ворвались на окраины города и начали продвигаться к реке. Развернулись ожесточенные уличные

бои. Особенно успешно действовал 73-й полк, наступавший с юго-запада. Немцы трижды переходили в контратаку против него и трижды откатывались, неся большие потери. За сутки полк овладел шестью кварталами, захватил около 70 автомашин с продовольствием и вооружением.

82-й полк вел бой на южной окраине. Противник отражал его атаки массированным огнем.

Цепляясь за каждый дом, гитлеровцы оказывали все возраставшее сопротивление: им некуда было отступать, гарнизон фактически оказался в окружении. Все выходы из города находились в наших руках.

То и дело над боевыми порядками 33-й дивизии появлялись немецкие самолеты. Гитлеровцы не жалели бомб. А опустошив люки, вели огонь из бортового оружия.

Несмотря на это, два наших полка, наступавших с запада, продолжали упорно атаковать. Они полностью очистили западную часть Холма, захватили мост через реку. Дальнейшее продвижение было остановлено сильным пулеметным огнем с восточного берега.

Действия наших войск могли быть и более успешными. Как выяснилось впоследствии, командование фронта планировало нанести удар одновременно силами партизан и регулярных частей. Причем народные мстители получили распоряжение своевременно и сделали все, что от них требовалось. Но беда в том, что удары получились разрозненными. Смелые атаки партизан начались раньше, чем мы подошли к городу.

А обстановка между тем быстро усложнялась. Гитлеровцы чувствовали, что теряют Холм, и срочно принимали решительные меры. Разведка сообщала о приближении к городу вражеских пехотных частей.

21 января разведывательная рота старшего лейтенанта Бабанина выдвинулась километров на десять юго-западнее Холма по дороге, ведущей к станции Локня. Это был наиболее вероятный путь, по которому противник мог подбросить резервы.

На возвышенности возле маленького хутора разведчики устроили засаду. Через несколько часов на большаке появилась машина с отделением немецких солдат. Нападение разведчиков явилось для них полной неожиданностью. Трех фашистов бабанинцы захватили в плен, остальных перебили.

Пленные показали, что принадлежат к 386-му полку

218-й пехотной дивизии, спешно переброшенной на самолетах из Дании. Отделение вело разведку, следом двигался авангард, а затем все силы полка.

Бабанин рассудил правильно: надо задержать врага, выиграть время для доставки полученных сведений в штаб дивизии, чтобы наше командование смогло принять необходимые меры. Разведчики приготовились к стычке.

Через полчаса на дорогу выскочил грузовик с противотанковым орудием на прицепе. Следом шла машина с пехотой. Бабанинцы не дали врагу опомниться, открыли шквальный огонь. Забросав машины гранатами, разведчики полностью уничтожили противника в рукопашной и захватили исправную пушку со снарядами.

Вскоре показалась крупная автоколонна. Бабанинцы открыли огонь из трофейной пушки по головной автомашине, а из пулеметов и винтовок — по пехоте. Начался затяжной бой.

Противника удалось задержать почти на три часа. За это время командир дивизии успел выдвинуть в район Куземкино один батальон из 73-го полка.

Разведчики отошли только после приказа полковника Макарьева. Правда, отряд понес значительные потери, пятнадцать человек было убито. Командир отряда Бабанин, получивший ранение, оставался со своими людьми до конца боя. Крепко досталось фашистам: они потеряли не менее 75 солдат и офицеров.

Допрос пленных, захваченных разведчиками, еще раз подтвердил, что гитлеровцы будут оборонять Холм до последней возможности. Уже в тот момент против нас действовали кроме известных частей противника не менее двух полков 218-й пехотной дивизии, о которой раньше мы даже не слышали. Логично было предполагать, что в самое ближайшее время подоспеют и другие части этой дивизии.

7

22 января 3-я и 4-я ударные армии были переданы в состав Калининского фронта, хотя задачи их остались прежние.

Стремясь скорее завершить разгром вражеского гарнизона, наши полки, несмотря на нехватку боеприпасов, настойчиво штурмовали восточную часть города. Второй батальон 73-го полка продолжал отражать непрекращающие-

ся попытки немцев прорваться в город извне. Наша воздушная разведка сообщала о движении колонн противника по дороге от Локни на Холм.

Вечером 23 января к нам прибыл 146-й танковый батальон, имевший в своем составе 13 танков, из них два Т-34, а остальные Т-60. Дивизион РС выставил на огневые позиции только три установки. Другие отстали в пути по различным причинам. Прибывшие части сразу включились в боевые действия. Однако малочисленность танков, неисправность материальной части, а также отсутствие горючего лишали их возможности оказать существенную помощь пехоте. Основным средством подавления противника по-прежнему оставался 44-й артполк нашей дивизии, хотя и он использовался не в полную силу: мало было снарядов.

Чтобы разгромить немецкий гарнизон, требовалось сделать кольцо окружения более плотным, не допуская притока в Холм новых вражеских сил. И разумеется, вести более решительную борьбу в самом городе. Однако никаких армейских резервов непосредственно за 33-й дивизией не было, и рассчитывать на их помощь не приходилось. В этих условиях мы возлагали все надежды на мужество, мастерство и смекалку бойцов и командиров.

Возле деревни Сопки наши разведчики обнаружили колонну противника численностью до 600 человек. Командование дивизии сразу поняло замысел противника. Поскольку дорога Холм — Локня была перерезана советскими войсками, немцы хотели подбросить осажденным подкрепление, обойдя город с северо-запада.

В дивизии был заранее подготовлен подвижный отряд из двухсот лыжников во главе с капитаном Г. П. Григорьевым. Материальную часть поставили на санки. Полковник Макарьев приказал немедленно выдвинуть этот отряд в деревню Кокачево, что в 12 километрах к северу от Холма, чтобы организовать там засаду и уничтожить колонну противника.

Наши бойцы прибыли в Кокачево, упредив гитлеровцев всего на час. В домах и дворах на окраине деревни расположилась разведрота, остальные лыжники замаскировались на опушке леса.

Дозоры, высланные к деревне Быки, предупредили о приближении гитлеровцев. Наши бойцы затаились в укрытиях. Голова вражеской колонны уже миновала крайние

дома деревни, когда по сигналу капитана Григорьева почти в упор ударили по фашистам пулеметы, автоматы, винтовки. Минометчики открыли огонь по обозу.

Взвилась красная ракета. Забросав противника гранатами, наши бойцы решительно атаковали его. Разведрота напала на голову колонны, а та часть отряда, которая располагалась на опушке, нанесла удар по флангу и тылу. Колонна была наголову разбита. Одних только пленных захватили 47 человек.

И все же, несмотря на частные успехи, общая обстановка складывалась не в нашу пользу. Дивизия вела борьбу на два фронта. Натиск врага извне нарастал. В этих условиях полковник Макарьев принял решение сосредоточить все силы 73-го полка в районе деревни Куземкино для борьбы с прибывающими резервами противника.

Выполняя приказ, полк передал позиции в западной части города 164-му полку и занял оборону возле Куземкино фронтом на запад.

Но и это правильное решение не спасло положения. 27 января немцы снова перешли в наступление, бросив на Куземкино до полка пехоты с десятью танками. Гитлеровцев поддерживал сильный огонь артиллерии и минометов. Ожесточенный бой продолжался весь день. Несмотря на сопротивление 73-го полка, немцам удалось обойти Куземкино и ворваться в Холм с севера. Они атаковали с тыла наши подразделения на окраине города. Два батальона 164-го полка вынуждены были оставить западную часть Холма.

В отражении атак противника самое активное участие принимал 44-й артиллерийский полк под командованием майора Соболева. Артиллеристы стреляли по наступавшим фашистам прямой наводкой.

В этих боях было убито и ранено около 400 солдат и офицеров противника. Но и наши потери были значительны. В трех стрелковых батальонах 73-го полка осталось в строю только 218 человек. В батальонах 164-го полка — 312 человек. Отражая атаки, геройски погиб комбат капитан М. Г. Цалкаламадзе. Был ранен комбат капитан И. Ф. Воробьев.

Немалые потери понес и 82-й полк. Он потерял командира 1-го батальона старшего лейтенанта Попова, многих других бойцов и командиров.

Прорвавшись в Холм, немцы в то же время не прекратили атак против Куземкино, пытаясь расчистить себе путь в город. Напор гитлеровцев ослабел только 31 января, когда на дорогу Холм — Локня вышла возле деревни Сопки 45-я стрелковая бригада. Но к этому времени город почти полностью находился в руках противника.

Попытка взять Холм с ходу силами одной дивизии успехом не увенчалась. У нас просто не хватило для этого сил.

Всю зиму снабжение наших войск в районе Холма оставляло желать лучшего. Трудности с горючим и боеприпасами не могли не сказаться на эффективности наших атак. Были перебои и в питании личного состава.

У окруженного вражеского гарнизона с питанием обстояло тоже неважно. Но немцев выручала авиация. Транспортные самолеты Ю-52 почти ежедневно доставляли в Холм продовольствие, боеприпасы, вооружение. Обратными рейсами они увозили раненых.

Обычно «юнкерсы» подходили к городу на малых высотах. Но у нас в дивизии, как назло, не было средств для борьбы с ними, если не считать четыре зенитных и два крупнокалиберных пулемета.

Но вот, 6 февраля, наши артиллеристы обстреляли аэродром с закрытых позиций. Из двух приземлившихся самолетов один был подбит снарядом, а другой, не разгрузившись, поднялся и улетел. Так мы нащупали эффективное средство для борьбы с транспортной авиацией. Но стрельба артиллерии с закрытых позиций требовала большого расхода снарядов. Мы не могли позволить себе такую роскошь.

Однако выход нашелся. По предложению начальника артиллерии дивизии полковника Г. А. Александрова две 76-миллиметровые пушки в разобранном виде были отправлены на санях через лес. Под руководством командира батареи старшего лейтенанта Г. С. Подковыркина их установили в зарослях кустарника восточнее аэродрома. Артиллеристы изготовились для стрельбы по самолетам прямой наводкой. Чтобы прикрыть орудия от возможного нападения, был выделен взвод пехоты. Телефонную связь с огневыми позициями на расстоянии шести километров поддерживали по колючей проволоке. Задачу старшему

лейтенанту Подковыркину поставил лично командир дивизии. На каждое орудие выдали по 12 снарядов.

Через два дня Подковыркин доложил о первом подбитом самолете. Затем о следующих. К концу месяца количество подбитых на аэродроме «юнкерсов» достигло двенадцати. За успешное выполнение задания старшего лейтенанта Подковыркина наградили орденом Красного Знамени, а затем послали на учебу.

Таким образом, основную роль в борьбе с транспортной авиацией противника сыграла полевая артиллерия дивизии.

И все же успехи нашей артиллерии не могли повлиять решающим образом на снабжение вражеского гарнизона. Немцы пользовались не только транспортными самолетами. Они регулярно сбрасывали продовольствие и боеприпасы на специальных парашютах. Кроме того, для перевозки людей и грузов использовали большие планеры.

8

На фронте часто бывало так: только привыкнешь к своим командирам и начальникам, только сдружишься с товарищами — и, глядь, перемены.

Много перемен произошло в дивизии в период боев за Холм. 10 марта мы распрощались с полковником А. К. Макарьевым, который убыл в распоряжение командующего 3-й ударной армией. Дивизию принял Иван Семенович Юдинцев. Мы радовались тому, что нам назначили командира не со стороны, что не нужно будет осваиваться с методами и требованиями нового человека, ломать налаженный ритм. Штабную работу Иван Семенович тоже знал досконально.

Полковник Юдинцев, коренной волжанин, был высок ростом, крепок, вынослив. Он пользовался большим уважением бойцов и командиров. Бывая в полках и в разведроте, Юдинцев любил потолковать с красноармейцами и с сержантами, понимал их нужды и настроения, внимательно выслушивал каждого, кто к нему обращался, независимо от звания и служебного положения...

В марте я пережил особенно горькую утрату. Погиб мой боевой товарищ — начальник химической службы дивизии майор Е. А. Костинский. Энергичный, жизнерадостный человек, он стал жертвой нелепой случайности. Взо-

рвалась мина, которую он собирался наполнить самовоспламеняющейся жидкостью (такие мины использовались для поджога деревянных строений).

Немного позже был откомандирован в распоряжение отдела кадров фронта старший лейтенант Шульжицкий, а через несколько месяцев я узнал, что он погиб под Ржевом.

С большим сожалением расстался я и с Анатолием Поликарповичем Крыловым. Он был хорошим человеком, умным и деятельным командиром. В период напряженных боев он прекрасно руководил разведкой всей дивизии. Благодаря Крылову мы имели достоверные сведения о противнике, несколько раз пресекали его попытки прорваться в город.

Анатолию Поликарповичу присвоили звание майора, наградили орденом Красной Звезды. Служить бы ему да служить, но подвело здоровье. Обострилась болезнь желудка, и его отправили во фронтовой госпиталь.

Произошли изменения и в моей службе. Вскоре после того как полковник Юдинцев стал командовать дивизией, он предупредил, что решается вопрос о моем назначении начальником штаба дивизии. К тому времени мне присвоили звание майора.

Приказ о назначении поступил 20 апреля. Товарищи поздравили меня. Приятно было сознавать, что доверили важную работу. Но увеличивалась и ответственность. Достаточной теоретической подготовки для новой должности я не имел. До многого надо было доходить опытом, практикой, набивая синяки и шишки.

Пришлось столкнуться и с такими моментами, о существовании которых я раньше не подозревал. Если штаб целиком — это мыслящий центр соединения, оформляющий и претворяющий в жизнь решения командира (а иногда и подсказывающий эти решения), то начальник штаба является еще и своего рода амортизатором между отдельными руководящими товарищами, сглаживает их резкость, находит компромиссные решения.

Занятый текущими делами, я постоянно думал, как укомплектовать отделения штаба людьми грамотными, работоспособными, любящими свое дело. Подбор штабных офицеров — вопрос очень тонкий и сложный. Кроме определенных знаний и способностей они должны иметь и командирские качества. И не в меньшей, а, пожалуй, даже

в большей степени, чем те офицеры, которые занимают строевые должности. Командир-единоначальник располагает большой властью, большими возможностями, чтобы добиться выполнения своего замысла. А штабной офицер, от которого зависит многое, такой власти не имеет. Его оружие — это логическое мышление, точность, оперативность, умение доказывать и убеждать.

По опыту я знаю: там, где командир соединения полностью доверяет начальнику штаба, где царят взаимное уважение и взаимная помощь, — там дела идут хорошо. Командир и начальник штаба, особенно в боевой обстановке, обязаны действовать слитно, составляя как бы одно лицо. Распоряжение начальника штаба должно иметь для командиров полков такое же значение, такую же силу, как приказ командира. Если этого нет, если начальник штаба и командир не прониклись взаимопониманием и уважением, — значит, одного из них надо менять. Силой, резким нажимом тут ничего не сделаешь. Назначая людей на новые должности, следует обязательно учитывать их личные особенности, их характеры...

Просматривая однажды документы, присланные из частей, я обратил внимание на боевые донесения и сводки, поступившие из 164-го стрелкового полка. Эти документы отличались четкостью изложения и глубиной анализа. Вызвал начальника штаба полка И. С. Винокурова:

— Кто у вас пишет донесения?

— Мой помощник по разведке старший лейтенант Семенов, — последовал ответ.

Я попросил подробней охарактеризовать моего однофамильца. Винокуров весьма положительно отозвался о нем.

В это время у нас была свободна должность помощника начальника оперативного отделения штаба дивизии. И вскоре в штабе появился второй Семенов. Один большой, а другой — маленький, как различали нас связисты при вызовах по телефону.

В своем выборе я не ошибся. Александр Ефимович Семенов оказался человеком серьезным и вдумчивым, очень добросовестно относившимся к работе. Когда уехал майор Ивановский, капитан Семенов принял должность начальника оперативного отделения. Здесь он был полностью на своем месте.

Примерно таким же путем пришел в оперативное отделение штаба бывший начальник химической службы

73-го полка старший лейтенант А. М. Сахно. Инженер по образованию, он быстро освоил свои новые обязанности и стал хорошим помощником капитану Семенову. Начальник химической службы армии пытался возвратить Сахно на прежнюю должность, но по нашей просьбе командующий армией разрешил оставить его в штабе.

9

Перед дивизией была поставлена задача — путем последовательного захвата оборонительных объектов противника выйти на восточный берег реки Ловать. Наши полки к этому времени понесли значительные потери, наступательные возможности их резко сократились. Во всей дивизии насчитывалось немногим больше 4000 человек.

Днем и ночью продолжались непрерывные уличные бои за отдельные дома, окопы, блиндажи и дзоты. Нередко вспыхивали рукопашные, в дело шли ручные гранаты, штыки и приклады. Наши штурмовые отряды в марте овладели девятью каменными домами, кладбищем и двумя кварталами в северо-восточной части города.

Штаб дивизии большое внимание уделял не только наступательным действиям, но и укреплению занимаемых рубежей. Работа на наших позициях велась обычно в ночное время.

25 марта части 33-й сменили 391-ю стрелковую дивизию, которая с февраля также участвовала в борьбе за Холм. Полоса наших действий значительно увеличилась, однако задача осталась прежняя — выход на восточный берег Ловати. Бои продолжались, хотя не приносили существенных результатов.

Сопротивление противника не ослабевало. Немцы вели большие оборонительные работы. Несмотря на огромные потери, они не намеревались оставлять Холм.

Осажденным гарнизоном бессменно командовал генерал Шерер, получивший лично от Гитлера задачу удерживать город во что бы то ни стало. Во всех подразделениях противника был зачитан приказ фюрера следующего содержания: «Борцы Холма! Еще немного времени до часа освобождения. Держитесь храбро! Холм имеет величайшее и решающее значение для предстоящего наступления».

И гитлеровцы держались, надеясь на помощь извне.

Утром 3 мая, по настоянию командира дивизии полковника Юдинцева, наши полки, после короткой артподготов-

ки, атаковали позиции противника. Встреченные организованным огнем, наши части успеха не имели и к вечеру вынуждены были отойти на исходные рубежи. Повторная атака на следующий день тоже кончилась безрезультатно. Бой стал затихать. И вдруг в 18 часов наблюдатели доложили: на участке левого соседа, после массированного удара авиации и артиллерии, полк вражеской пехоты с танками прорвался с запада в деревню Куземкино и устремился к Холму. В ночь на 5 мая немцы продолжали расширять прорыв. К утру в город прошло свыше 1000 человек и 35 танков.

С раннего утра авиация противника группами по 20—25 бомбардировщиков нанесла несколько ударов по боевым порядкам 3-й гвардейской стрелковой бригады (бывшая 75-я бригада) севернее Куземкино и по 164-му полку нашей дивизии. Одновременно немецкая пехота при поддержке артиллерии повела наступление из Куземкино на Холм. В результате подразделения гвардейской бригады были оттеснены к северу. Дорога на Холм оказалась в руках противника.

Борьба за Холм, продолжавшаяся с небольшими перерывами почти пять месяцев, закончилась. Наши войска на этом участке фронта перешли к обороне. Наступило лето. Полки приводили себя в порядок, пополнялись личным составом и техникой.

Получив звание генерал-майора, уехал от нас Иван Семенович Юдинцев. Его назначили начальником штаба 3-й ударной армии.

Наш прославленный разведчик А. А. Бабанин, ставший майором, командовал теперь учебным батальоном и готовился принять 164-й стрелковый полк. Разведывательную роту Бабанин оставил со спокойной душой, подготовив себе надежную смену. Дивизионные разведчики под началом опытного, расчетливого капитана Аврамова и истребительный отряд бесстрашного капитана Григорьева продолжали непрерывно тревожить фашистов.

Гитлеровцы не проявляли особой активности. И это было понятно. Они тоже приводили себя в порядок, готовясь к новым боям.

ШТАБ УДАРНОЙ АРМИИ

1

В конце сентября 1942 года часто выпадали теплые солнечные дни. Иногда налетал ветер, срывая пожухшую листву. В такое вот яркое ветреное утро командир дивизии получил указание: откомандировать подполковника Семенова для прохождения дальнейшей службы в оперативный отдел 3-й ударной армии.

Грустно было прощаться с товарищами, но что поделаешь! Сложил в повозку свои немудреные пожитки и отправился по назначению.

Штаб армии размещался в деревне Ярмишенки. Приехав туда, я сразу представился генерал-майору Юдинцеву. Было приятно, что Иван Семенович принял меня как старого знакомого, расспросил о делах и людях дивизии. Затем вкратце обрисовал мои обязанности, коснулся характера предстоящей работы. Адъютант Юдинцева проводил меня к начальнику оперативного отдела штаба армии полковнику И. И. Серебрякову.

На следующий день я прошел по деревне с одним из офицеров штаба армии, познакомился с размещением полевого управления. Посмотрел, где находится узел связи. Все отделы и управления довольно комфортабельно располагались в домах, которые ночью освещались электричеством. В деревне стояла непривычная тишина. Лишь вражеский самолет-разведчик, пролетевший высоко в небе, напомнил о близости фронта.

Как и положено, я представился командованию.

3-й ударной армией в тот период командовал генерал-майор К. Н. Галицкий. Человек опытный, находившийся на фронте с первых дней войны, он отличался незауряд-

ной силой воли, настойчивостью, был хорошим организатором. Под стать командующему был и член Военного совета генерал-майор А. И. Литвинов, много лет отдавший партийно-политической работе, принимавший участие в боях под Москвой.

Войска 3-й ударной армии состояли из шести дивизий и трех бригад. Вместе с немногочисленными частями усиления они оборонялись на рубеже, достигавшем по фронту 150 километров. При этом все соединения находились в первом эшелоне. Штаб армии располагался в 40 километрах от линии соприкосновения с противником. В течение всего лета войска занимались укреплением позиций и разведкой. В полосе обороны армии гитлеровцы имели сравнительно небольшие силы и активных действий не предпринимали.

Это не означало, однако, что на фронте царило полное затишье. На отдельных участках ежедневно происходили какие-нибудь изменения. Все эти изменения необходимо было указывать в докладах оперативного отдела командованию армии и в донесениях, представляемых в штаб Калининского фронта.

Мне было поручено докладывать каждое утро командарму, члену Военного совета и начальнику штаба обстановку перед фронтом армии за прошедшую ночь.

На сбор и изучение сведений уходило очень много времени. Я еще не знал телефонных позывных соединений, фамилий их командиров и начальников штабов, незнакомы для меня были названия многих населенных пунктов. И наконец, я имел лишь смутное представление о вражеской группировке, противостоявшей 3-й ударной. Мне предстояло быстро уяснить и запомнить очень много самых различных данных, цифр и наименований.

В дивизии, как правило, ширина полосы обороны не превышала 20 километров, там можно было следить за обстановкой даже по звуку. На КП дивизии мы слышали пулеметную стрельбу, не говоря уже об артиллерии и минометах. А в штабе армии, чтобы узнать, каково положение на фронте, требовалось вести переговоры с начальниками штабов дивизий и бригад, систематически изучать поступающие от них донесения, сводки, копии приказов.

Я привык к работе конкретной, приносящей ощутимые плоды. А тут были телефонные разговоры да бесконечные бумаги. Но дело не только в этом. На новом месте я ли-

шился самостоятельности, которую имел в дивизии. Там я был начальником, а здесь — лишь одним из работников. Правда, армейский штаб — ступень более высокая, но побороть себя было все же трудно. На одном из докладов генералу Юдинцеву я сказал, что работа в штабе армии не приносит мне удовлетворения, и попросил отправить обратно.

— Нет, — ответил генерал, — никуда вы не поедете! Вы просто не освоили еще своих обязанностей. Вникнете, узнаете новое дело — и появится интерес. Рекомендую освободиться от расслабляющих настроений.

Я понял, что из штаба армии мне не уйти, и больше этого вопроса не поднимал, хотя ошибок и неприятностей первое время было достаточно. Однажды мы, например, подготовили в оперативном отделе карту для генерала Галицкого, нанеся на нее положение всех соединений и частей армии. Делали все внимательно и скрупулезно. А Галицкий обнаружил на карте ряд неточностей и указал на них начальнику отдела полковнику Серебрякову. Тот возвратился очень расстроенный, собрал всех офицеров и передал нам вполне справедливые упреки командующего. Оказалось, некоторые офицеры не знали точного положения наших частей потому, что их не знакомили с оперативными сводками, которые, как правило, с опозданием поступали в отдел. Я учел это обстоятельство и решил обязательно знакомить офицеров со всеми необходимыми документами.

Вспоминается и такой случай. Вскоре после моего приезда к нам в оперативный отдел пришел начальник штаба инженерных войск армии военный инженер 1 ранга А. А. Федорович. Он предложил мне пойти с ним к генералу Галицкому и доложить план оперативных заграждений в полосе армии, разработанный офицерами инженерного отдела совместно с офицерами-операторами.

К плану, составленному на большой карте, прилагалась подробная объяснительная записка с указанием опасных направлений и заграждений, которые должны быть установлены в случае наступления противника. Не изучив тщательно этот документ, я отправился вместе с Федоровичем к командарму.

Генерал Галицкий, отдохнувший после обеда, спокойно, не торопясь, начал рассматривать план. Он читал вслух объяснительную записку, а мы, расстелив карту на столе,

искали населенные пункты, которые последовательно называл командующий. И, увы, путались, находили не сразу. Генерал понял, что мы сами план хорошо не знаем. Отодвинув от себя бумаги, командарм сделал нам строгое внушение и приказал доложить о нашей неподготовленности своим непосредственным начальникам.

2

Постепенно, шаг за шагом, я знакомился с новыми обязанностями, с людьми, со сложным и многогранным армейским механизмом.

Штаб армии состоял из нескольких отделов, в том числе оперативного, разведывательного и укомплектования. Кроме того, к штабу относились комендатура, финансовая часть и административно-хозяйственное отделение.

Главным по значению был, разумеется, оперативный отдел. Он занимался планированием боевых действий, разработкой приказов и распоряжений, доводил их до командиров соединений, поддерживал связь со штабами соединений и соседних армий, представлял в вышестоящий штаб донесения о текущей обстановке, а также осуществлял контроль за тем, как выполняют войска армии приказы и распоряжения. Забот и хлопот у операторов всегда было достаточно.

Возглавлял отдел полковник И. И. Серебряков, прибывший на эту должность с должности командира дивизии. Человек он был немолодой, но опыта штабной работы не имел, в действиях его чувствовалась неуверенность. Это отрицательно сказывалось на взаимоотношениях Серебрякова с командующим и начальником штаба армии.

Вторым по значимости являлся разведывательный отдел. Он организовывал разведку во всей полосе армии. Основные сведения о противнике поступали главным образом из штабов дивизий и бригад, которые вели разведку своими силами, но по общему армейскому плану. Кроме того, периодически поступали данные о противнике из штаба фронта и из штабов соседних армий. Все эти сведения систематизировались и оценивались в разведывательном отделе, докладывались командованию армии и отправлялись подчиненным штабам в виде декадных итоговых сводок с оценкой противостоящей группировки про-

тивника. Отделом руководил опытный и энергичный разведчик подполковник И. Я. Сухацкий, хорошо знавший свое дело и пользовавшийся авторитетом у командующего и начальника штаба армии.

Отдел укомплектования занимался учетом личного состава, организовывал прием и распределение прибывавшего пополнения, учитывал потери. Этот же отдел занимался и укомплектованием войск лошадьми. Начальником отдела был опытный кадровый командир полковник В. К. Гусев.

Как ни странно, отдел связи по штату в состав штаба не входил. Наравне с другими специальными службами он был подчинен непосредственно командарму. В действительности же руководство отделом связи полностью осуществлял начальник штаба армии. Мы поддерживали со связистами самый тесный контакт. Начальником связи армии был знающий и энергичный генерал И. И. Дудков.

Однако возвращусь к отделу, в котором началась моя новая служба. Оперативный отдел состоял из трех отделений: оперативного, дислокации войск, гидрометеослужбы. Я был назначен начальником оперативного отделения и одновременно являлся заместителем начальника оперативного отдела. В моем подчинении находилось пятнадцать человек: три старших помощника, шесть помощников, три офицера связи, чертежник и две машинистки. Этот небольшой коллектив выполнял основную часть всей работы.

В то время когда я вживался в новую должность, в оперативном отделении имелось два направления: холмское и великолукское. На каждое направление было выделено по два офицера — начальник и помощник.

Начальником холмского направления был майор Г. Г. Галимов, прибывший в штаб армии в конце августа с должности начальника оперативного отделения стрелковой бригады. Башкир по национальности, он имел прямой и горячий характер, к порученному делу относился с большой ответственностью.

Гани Галимович Галимов был человеком в какой-то степени легендарным. В 1938 году он командовал ротой в 32-й стрелковой дивизии, принимал участие в боях у озера Хасан. И не просто участвовал, а совершил подвиг, о котором много писали в ту пору. Он уничтожил ручной

гранатой вражеский пулемет. А когда в Галимова полетели японские гранаты, ловил их и швырял обратно, в неприятельские окопы. Для этого надо было иметь не только сноровку, расчет, но и огромную силу воли.

После хасанских событий Галимов был награжден орденом Красного Знамени. О нем пели песни. Одна из них, написанная известным композитором А. Новиковым, начиналась так:

Орудийный гром гремел в долинах,
Грохотали танки по лесам,
Комсомолец лейтенант Галимов
Вел отряд на озеро Хасан...

В другой песне, на слова поэта С. Алымова, говорилось:

Наш Галимов, он, ребята,
Всех отвагой потрясал:
На лету ловил гранаты
И обратно их бросал!

Мы с Галимовым были коллеги — он прибыл на фронт из Академии имени М. В. Фрунзе. Участвовал во многих боях, был награжден еще одним орденом. Вполне естественно, что среди офицеров оперативного отделения майор Галимов пользовался авторитетом и уважением.

Начальник великолукского направления майор И. Ф. Топоров тоже перед войной поступил в Академию имени М. В. Фрунзе, получил хорошую специальную подготовку. Он отличался аккуратностью, трудолюбием, имел спокойный, ровный характер и как нельзя лучше соответствовал своей должности.

Работа направленца была весьма разнообразной, она требовала инициативы, самостоятельности и постоянного знания самых последних событий на фронте. Направленцы часто длительное время находились в частях и подразделениях на переднем крае. Проверяли состояние оборонительных сооружений, организацию системы ружейно-пулеметного и артиллерийского огня, укомплектованность подразделений личным составом. Изучали местность и поведение противника. Они знали наизусть систему связи на своем направлении, расположение командных и наблюдательных пунктов соединений, фамилии командиров, начальников штабов и многое, многое другое.

Иван Феоктистович Топоров так вспоминает о начале своей работы в штабе армии:

Сразу же по прибытии в оперативный отдел я получил задание нанести на карту войска правого фланга армии и в дальнейшем вести это направление. Задание такое я выполнял впервые. До этого мне приходилось оценивать обстановку за батальон, полк, реже — за дивизию, а здесь вдруг несколько дивизий, и на настоящей войне. Эта задача поставила меня в весьма затруднительное положение... Пришлось много трудиться, иногда даже впустую, прежде чем овладел тонкостями оперативной работы в боевой обстановке... Для того чтобы быть оператором-направленцем, надо, прежде всего, полюбить это дело. Уметь предвидеть требования и даже замыслы старшего начальника; уметь доложить главное, существенное, не размениваясь на мелочи и второстепенные детали. Очень важно, чтобы направленец всегда располагал всеми необходимыми сведениями и чувствовал импульс боевой жизни войск своего направления.

Можно уверенно сказать, что наши направленцы любили свое дело и успешно справлялись с ним.

Особое внимание в оперативном отделении уделялось своевременной отправке информации в штаб фронта. Этой работой занимался подполковник М. И. Черныш вместе с одним из офицеров. Черныш имел опыт штабной работы и научился хорошо составлять боевые донесения и оперативные сводки. Общительность и жизнерадостность не мешали ему быть весьма пунктуальным и требовательным к себе при подготовке документов. Другие офицеры отделения следовали примеру Черныша, беря за образец те документы, которые были разработаны им.

От офицера-информатора требуется большая внимательность, точность и аккуратность. Эти качества нужны штабному офицеру на любой работе, но для информатора они просто необходимы. Прежде всего, надо правдиво и объективно излагать в документах положение своих войск и войск противника. Малейшая неточность, допущенная в докладе, может привести к неприятным последствиям.

Информатор должен был внимательно следить за всеми изменениями на фронте, правильно оценивать как отдельные боевые эпизоды, так и всю обстановку за армию в целом. Если оценка обстановки, выводы и предложения, изложенные в проекте донесения, не совпадали с оценкой и выводами старшего начальника, требовалось дополнительное время на переделку документа, задерживалась

отправка его в штаб фронта, что вызывало нервозность в работе и упреки начальников.

Основанием для подготовки донесений и других документов в штаб фронта обычно являлись донесения и сводки соединений, поступавшие в установленные сроки. Запаздывание этих документов приводило к потере их ценности: сведения, содержащиеся в них, быстро старели, переставали соответствовать истинному положению дел.

Большую роль в штабе играли офицеры связи, от которых зависела своевременная доставка письменных приказов и распоряжений командирам соединений. У нас установилась такая практика: от каждой дивизии и бригады мы имели при оперативном отделе армии нештатного офицера связи, располагавшего автомашиной. Все эти офицеры подчинялись нашему старшему офицеру связи майору К. В. Ванчикову. Насколько мне помнится, до войны он служил в пограничных частях в Закавказье. В оперативный отдел Ванчиков пришел летом 1942 года с должности командира минометного дивизиона. Майор Ванчиков был человеком очень скромным и дисциплинированным, отличался исполнительностью, требовательностью и щепетильной честностью.

Благодаря заботам Ванчикова служба офицеров связи у нас находилась в отличном состоянии.

Как правило, в оперативный отдел армии подбирались грамотные, морально устойчивые офицеры, имевшие боевой опыт, проявившие себя на штабной работе. Иначе не могло и быть: каждому из них приходилось выполнять в войсках самые различные поручения и задания командования. От офицеров-операторов требовалась строжайшая личная дисциплина и организованность, исполнительность и аккуратность, инициатива и смелость, полное знание обстановки и состояния войск.

Работы у офицеров оперативного отделения было много, а людей всегда не хватало. Часть офицеров периодически находилась в войсках, участвуя в различных проверках, выполняя отдельные поручения. Необходимость послать офицера-оператора с тем или иным заданием возникала порой внезапно, независимо от времени суток. На сборы давалось несколько минут. Нередко задачу ставил лично командующий армией. Ответственность офицера в таких случаях резко возрастала.

Значительного напряжения требовало также несение

оперативного дежурства. Наиболее трудное для дежурства время приходилось на вторую половину ночи, когда на несколько часов затихала беспокойная жизнь штаба. В этот период все доклады и запросы по обстановке шли непосредственно к оперативному дежурному, который должен был следить за деятельностью войск своих и противника, быть в курсе задач, поставленных войскам армии на следующий день. В беспрерывных телефонных переговорах быстро пролетала ночь. Наступал рассвет, и снова весь штаб был на ногах. Оперативный дежурный встречал утро с чувством облегчения. Часть ответственности снималась теперь с его плеч.

Занятый работой, я не замечал, как идет время. Наступил праздник — двадцать пятая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Накануне в полдень из штаба была отправлена телеграмма командиру 44-й лыжной бригады: «Передислоцировать части бригады в район севернее Великих Лук». Выступление было назначено на вечер 6 ноября. Генерал Галицкий сам предупредил командира бригады по телефону о предстоящем перемещении и добавил: «Ждите приказа». Командир бригады ждал телеграммы.

Вечером Военный совет армии пригласил на ужин руководящий состав полевого управления. Был зачитан праздничный приказ, затем командующий армией в небольшой речи подвел итоги нашей работы, оценил деятельность каждого управления и отдела. При этом он, не стесняясь, называл тех начальников, которым необходимо было улучшить свое отношение к порученному делу. Обо мне не сказал ни хорошего, ни плохого. Слишком мало времени находился я на новой должности.

После официальной части начался ужин. Произносили тосты, слышались добрые пожелания, царило обычное в таких случаях оживление. В самый разгар ужина настроение мое было неожиданно испорчено: командир лыжной бригады сообщил по телефону, что все еще не получил приказа о выступлении на новое место...

На следующий день мы провели тщательное расследование. Виновные были наказаны. Но не в этом суть. Надо было наводить порядок, и в первую очередь в оперативном отделе. Прохождение телеграмм, в которых ставились боевые задачи соединениям, отныне бралось нами под особый контроль.

3

Осенью 1942 года на великолукском направлении оборонялись 257-я и 28-я стрелковые дивизии, 31-я стрелковая, 184-я танковая бригады и два отдельных артиллерийских полка. Естественно, что при наличии таких сил ни о каком наступлении не могло быть речи. Однако начиная с 10 ноября сюда стали прибывать по указанию Ставки соединения и части из Резерва Верховного Главнокомандования и с других участков Калининского фронта. В 3-ю ударную армию поступило управление 5-го гвардейского стрелкового корпуса, 5 стрелковых дивизий, 5 отдельных танковых полков, 7 артиллерийских полков, 9 полков гвардейских минометов. Кроме того, прибыл 2-й механизированный корпус в составе трех механизированных и двух танковых бригад. Это были большие силы, особенно если учесть, что главные события развертывались в то время в районе Сталинграда, куда направлялись основные резервы.

Одновременно с сосредоточением войск в армии развернулась подготовка наступления. В середине ноября генерал Галицкий выехал в штаб фронта доложить генерал-лейтенанту Пуркаеву свое предварительное решение. Особых возражений оно там не встретило, и в дальнейшем, при разработке плана великолукской операции, это решение командарма было принято за основу.

Наш штаб, управления и отделы родов войск и служб переместились ближе к району предстоящих боевых действий, расположились в блиндажах и землянках в густом лесу в 15 километрах к юго-востоку от Великих Лук.

Объем работы в штабе армии резко возрос. Офицеры-направленцы встречали прибывающие соединения и части, знакомились с их состоянием, устанавливали контакты с командирами и штабами соединений. Связисты усиленно готовили линии связи. У них было особенно много дел. Все соединения, кроме тех, что входили в состав 5-го гвардейского стрелкового и 2-го механизированного корпусов, подчинялись непосредственно командующему армией. Это обстоятельство усложняло поддержание бесперебойной устойчивой связи.

Мы располагали далеко не полными сведениями о характере обороны противника, хотя знали состав и размещение его сил на каждом направлении. Требовались но-

вые данные. Для ведения разведки использовались только те части и подразделения, которые оборонялись здесь и раньше. Но их осталось немного, и провести разведку на всем фронте предстоявшего наступления оказалось делом нелегким. Привлечь же для таких целей разведывательные подразделения прибывающих частей было рискованно. Мы могли преждевременно раскрыть противнику нашу подготовку. Вот почему за день до общего наступления было решено провести разведку боем силами передовых отрядов, выделив по одному полку от каждой дивизии.

Какова же была общая обстановка на великолукском направлении в тот период, когда наша армия готовилась к решительным действиям?

Противник, не имея войск для создания сплошного фронта, сосредоточивал свои усилия на защите наиболее важных участков. Район Великих Лук обороняли части 83-й пехотной дивизии и один охранный батальон. Дивизией этой командовал генерал-лейтенант Шерер, который удержал город Холм и был награжден за это рыцарским крестом с дубовыми листьями.

Южное направление на участке Ступино, Мартьяново, Поречье прикрывалось двумя отдельными батальонами.

Промежуток между двумя основными группировками и район севернее Великих Лук обеспечивался незначительными силами. Здесь противник имел лишь небольшие гарнизоны в населенных пунктах.

В районе города Новосокольники располагался резерв гитлеровцев: 3-я горнострелковая дивизия и полк шестиствольных минометов. Северо-восточнее Невеля сосредоточивалась 20-я моторизованная дивизия. В район Могилки, Полибино против левого фланга нашей армии немцы подтягивали 291-ю пехотную дивизию.

Кроме того, в район Насва (к северо-востоку от Великих Лук) срочно перебрасывались с холмского направления части 8-й танковой дивизии. Прибывший из Витебска в Новосокольники штаб 59-го армейского корпуса должен был объединить действия всех этих вражеских войск.

Противник готовил и совершенствовал свою оборону целый год. На ближних подступах к Великим Лукам она состояла из двух рубежей. Первый проходил в двух-трех километрах от города. Второй рубеж включал окраины города и примыкающие к ним населенные пункты. Многие здания были приспособлены к длительной обороне. В том

числе такие массивные прочные строения, как крепость, железнодорожный вокзал, школы, церкви, монастырь, большие каменные дома.

Наиболее слабыми местами у немцев были участки фронта южнее и северо-западнее Великих Лук. А непосредственно в городе — подступы с запада.

Местность в районе Великих Лук представляет собой сильно всхолмленную равнину, покрытую лесами и озерами. В зимних условиях здесь можно было использовать соединения и части всех родов войск. Зато севернее города простиралась сильно заболоченная и покрытая густым лесом пойма реки Ловать, затруднявшая маневрирование войсками. Сама река, протекающая через город с юга на север, имеет среднюю глубину 1—1,5 метра и ширину 25—30 метров. В тот период она была покрыта льдом и не являлась серьезным препятствием.

Великие Луки — это крупный узел дорог. Еще в давние времена здесь проходил знаменитый путь из варяг в греки. Древняя крепость много раз защищала дальние подступы к Пскову и Новгороду.

До революции город был небольшой. Но после Октября в Великих Луках стала быстро расти промышленность, город превратился в крупный административно-хозяйственный центр.

Мы предполагали, что противник окажет здесь нашим войскам самое упорное сопротивление.

Готовя операцию, генерал Галицкий решил нанести по врагу два встречных удара. Главный — на 12-километровом участке из района южнее Великих Лук силами 5-го гвардейского стрелкового корпуса: 357-я стрелковая, 9-я и 46-я гвардейские стрелковые дивизии. Они должны были двигаться в северо-западном направлении на Остриань, обходя город с юга. Второй удар наносила 381-я стрелковая дивизия. Из района севернее Великих Лук ей предстояло наступать навстречу 5-му гвардейскому корпусу.

Эти войска получили задачу окружить и уничтожить великолукский гарнизон противника. Одновременно другие соединения армии наступали на внешнем фронте окружения, чтобы выйти в район города Новосокольники.

Разработкой плана операции руководил генерал Юдинцев. Помню, Иван Семенович вызвал меня во второй половине дня. Генерал сидел за столом, склонясь над картой с нанесенными стрелами, сходившимися западнее Великих

Лук. Вместе с начальником штаба артиллерии он уточнял группировку и задачи артиллерии. Мне Юдинцев велел взять несколько листов чистой бумаги, разграфить их и быть готовым записывать его указания.

Впервые в жизни я видел карту, на которой были выражены предстоящие боевые действия целой армии. С большим вниманием и, пожалуй, чрезмерной осторожностью приступил я к работе.

Простым карандашом я записывал в план то, что диктовал Юдинцев. Постепенно вырисовывалась плановая таблица боя. Слева направо в отдельных колонках указывались действия родов войск: пехоты, артиллерии, танков, авиации. Затем — сигналы управления и взаимодействия.

Сверху вниз перечислялись периоды операции, представлявшие три этапа.

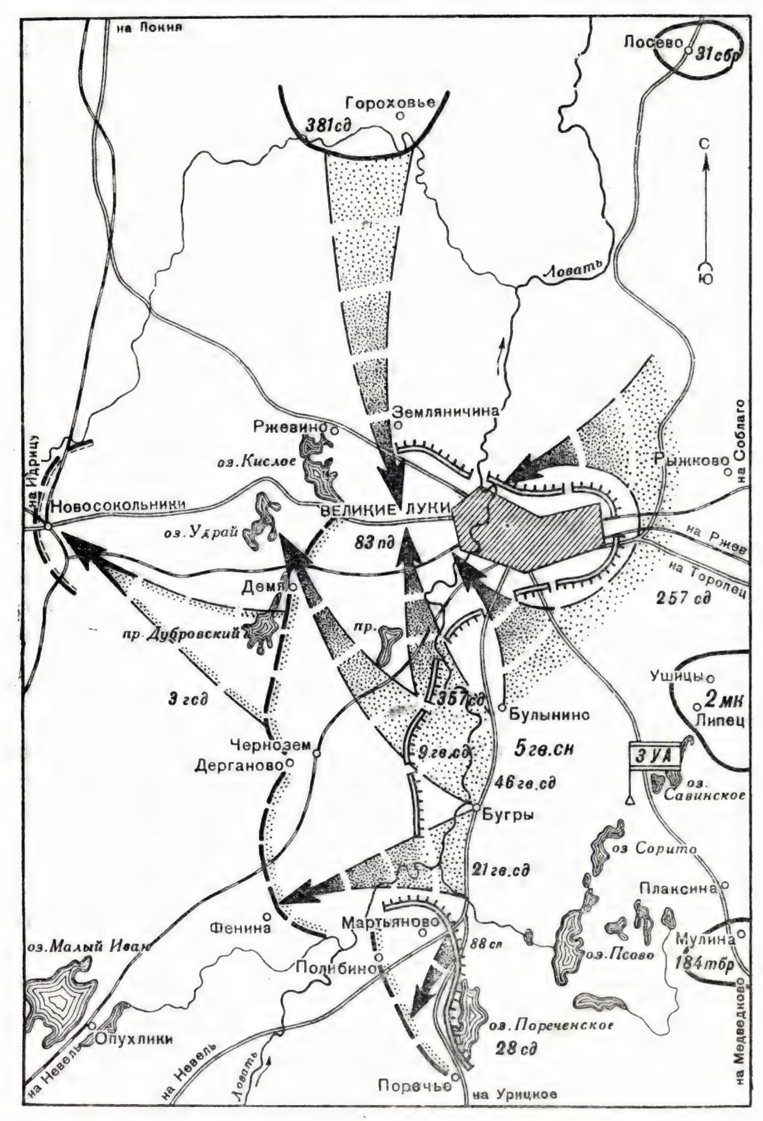
Первый этап предусматривал выход войск армии в выжидательные районы за два дня до наступления.

Второй этап включал занятие войсками исходных позиций и вскрытие переднего края обороны противника за день до общего наступления. Один полк от каждой дивизии, наступавшей в первом эшелоне, боем устанавливал начертание переднего края вражеской обороны южнее Великих Лук. Основные силы дивизий в это время занимали исходное положение для атаки.

Третий этап определял общее наступление пехоты, танков и артиллерии при активной поддержке авиации.

Наступление в плане операции рассматривалось как единый, непрерывный процесс. Указывались лишь ближайшие задачи соединений и частей усиления, а также поддерживающих сил и средств. К плану прилагалась карта с нанесенным решением командарма и ряд других документов, касавшихся различных родов войск и служб. Документы эти разрабатывались соответствующими начальниками.

За несколько дней до наступления к нам, на командный пункт армии, приехал генерал армии Г. К. Жуков. Вечером офицеры штаба были приглашены к командарму. За столом сидели Жуков, Галицкий и Литвинов. Перед ними лежала карта с решением на наступление. Начальник штаба армии не спеша, обстоятельно докладывал план операции. Генерал Жуков слушал внимательно, несколько раз задавал уточняющие вопросы начальнику разведки

Решение на разгром великолукской группировки противника (ноябрь 1942 года)

подполковнику И. Я. Сухацкому и командующему артиллерией генералу И. С. Стрельбицкому.

Жуков внес в план некоторые изменения. По нашему замыслу 5-й гвардейский корпус имел задачу: выйдя на рубеж Меленка, Остриань, озеро Дергановское, частью сил прикрыться со стороны города Новосокольники, обеспечив тем самым наступление 2-го механизированного корпуса. Основными силами гвардейский корпус вместе с 257-й дивизией должен был овладеть городом Великие Луки. Однако генерал Жуков предложил нацелить на Великие Луки только правофланговую дивизию корпуса, а остальные — 9-ю и 46-ю — после выхода на рубеж ближайшей задачи подготовить для наступления на Новосокольники.

Кроме того, Жуков посоветовал поставить 21-ю гвардейскую дивизию в первый эшелон армии, чтобы она наступала южнее 5-го гвардейского стрелкового корпуса. По прежнему плану эта дивизия, будучи в резерве, занимала оборону за левым флангом армии и подготавливала контратаки в нескольких направлениях. Ввод 21-й дивизии в первый эшелон расширял участок прорыва и увеличивал начальную силу удара.

Уточнена была и задача 28-й стрелковой дивизии. Теперь она наступала не в центре своей полосы, как намечалось ранее, а на своем правом фланге, в тесном взаимодействии с 21-й дивизией.

План операции был переписан мною заново, с учетом замечаний генерала армии Г. К. Жукова. Соответствующие изменения были внесены в боевой приказ и в другие документы. На черновике первого варианта, который находится теперь в архиве, генерал Юдинцев написал: «Оп.— Особо важно. Хранить вместе с планом операции, как начальный план работ по уничтожению противника в районе Великих Лук».

В окончательном виде решение на операцию выглядело так. 5-й гвардейский стрелковый корпус генерала А. П. Белобородова наносил главный удар из района южнее Великих Лук в северо-западном направлении с ближайшей задачей овладеть рубежом озеро Кислое, Остриань, Демя, озеро Дергановское. В дальнейшем основные силы корпуса должны были развивать успех на Новосокольники, а части 357-й дивизии обойти Великие Луки с юго-запада и уничтожить противника в городе.

381-я стрелковая дивизия генерала Б. С. Маслова, на-

носившая удар навстречу гвардейскому корпусу с северо-востока, должна была овладеть рубежом Китово, Ржевино, Земляничина, а затем наступать на Великие Луки с северо-запада.

257-я стрелковая дивизия полковника А. А. Дьяконова продолжала обороняться на южных, восточных и северных подступах к городу; в то же время фланговыми частями ей предстояло обойти Великие Луки с северо-востока и юго-востока.

21-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Д. В. Михайлова, наступавшая левее гвардейского корпуса на более широком фронте, чем другие дивизии, имела задачу овладеть рубежом Фенина, Полибино.

28-я стрелковая дивизия генерала С. А. Князькова частью сил должна была (во взаимодействии с 21-й дивизией) окружить и уничтожить противника в районе Ступино, Мартьяново и выйти на рубеж Балаболкина, Зимник.

Обеспечение правого фланга ударной группировки возлагалось на 31-ю стрелковую бригаду. Находясь в 25 километрах к северо-востоку от Великих Лук, она готовилась нанести контратаки по противнику. Левый фланг армии обеспечивался 184-й танковой бригадой, готовившей контратаки совместно с одним полком 28-й дивизии, находившимся в резерве командарма.

2-й механизированный корпус генерала И. П. Корчагина к 24 ноября сосредоточился в 15 километрах юго-восточнее Великих Лук. Бригадам корпуса, совершившим 400-километровый марш по разбитым осенним дорогам и израсходовавшим значительную часть моторесурсов, требовалось некоторое время, чтобы восстановить материальную часть.

Механизированный корпус составлял резерв 3-й ударной армии и предназначался для парирования возможных ударов противника из района Великих Лук. А в случае необходимости — для развития успеха в направлении города Новосокольники.

Как видно из замысла операции, перед войсками армии ставилась сравнительно ограниченная цель — разгромить великолукскую группировку противника. Территория, на которой планировалось развернуть активные действия, по фронту составляла менее 50 километров, а в глубину (с выходом в район Новосокольники) не превышала 35 километров. Для нанесения ударов по врагу были избраны

наиболее слабые участки его обороны. Кстати сказать, эти участки были меньше других изучены нашей разведкой.

Фактически силы армии были выстроены в один эшелон. Механизированный корпус составлял резерв и не мог быть использован как второй эшелон армии. Это обстоятельство в известной степени отразилось в дальнейшем на ходе боевых действий.

4

С каждым днем сильнее чувствовалось дыхание зимы. Во второй половине ноября похолодало и выпал снег. Это увеличило трудности при маскировке войск в районах сосредоточения. На наше счастье, погода стояла нелетная, вести воздушную разведку противник не мог.

24 ноября передовые полки четырех дивизий, действовавших на главном направлении, начали разведку боем. Артиллерия поддерживала их. Однако наши подразделения наступали вяло и нерешительно. Не зная, какими силами и средствами располагает противник, бойцы шли вперед неохотно, с опаской. За весь день они лишь приблизились к переднему краю немецкой обороны, но вклиниться в нее не сумели. Подразделения залегли под плотным, хорошо организованным огнем гитлеровцев.

Разведка боем не принесла ожидаемых результатов: система вражеского огня, его огневые точки были выявлены далеко не полностью. Артиллеристы не получили нужных данных и, естественно, не смогли потом действовать с достаточной эффективностью.

С утра 25 ноября в наступление двинулись основные силы 3-й ударной армии. Встречая упорное сопротивление, дивизии 5-го гвардейского стрелкового корпуса медленно шли вперед. Заняв несколько населенных пунктов, они за сутки продвинулись на отдельных направлениях до двух-трех километров. Враг отступал к железнодорожной линии Великие Луки — Опухлики, ведя сдерживающие бои. На некоторых участках он пытался контратаками восстановить утраченное положение.

Броска вперед не получилось. Но наступление наше продолжало развиваться. 357-я стрелковая дивизия, преодолевая ожесточенное сопротивление, к утру 28 ноября выбила немцев из деревни Мордовище и перерезала железную дорогу западнее Великих Лук, ведущую в Новосо-

кольники. К этому времени 9-я гвардейская стрелковая дивизия, взаимодействуя с соседями, окружила группировку противника в районе Ширипина. Частью сил эта дивизия тоже вышла на железную дорогу восточнее станции Остриань. Продвинувшись на семь километров, гвардейцы вместе с передовыми частями 381-й стрелковой дивизии замкнули кольцо окружения вокруг великолукского гарнизона.

Столь же успешно, хотя и медленно, действовали и другие части и соединения. Трудно, очень трудно было войскам прогрызать разветвленную, хорошо оснащенную оборону гитлеровцев. Вот как это происходило, например, на участке, где наступала 28-я стрелковая дивизия.

Эта дивизия была сформирована на севере весной 1942 года. Командному и политическому составу, коммунистам и комсомольцам пришлось много поработать над сколачиванием соединения. И поработали они не зря. В дивизии была установлена строгая дисциплина, бойцы получили хорошую выучку.

Когда началось наступление, на долю 88-го стрелкового полка 28-й дивизии выпала одна из самых трудных задач: штурмом взять Ступинскую высоту. Изрытая в три яруса траншеями и ходами сообщения, с площадками для пулеметов и противотанковых орудий, высота эта являлась настоящим бастионом, контролировавшим на многие километры всю прилегающую местность. У подножия высоты и по ее склонам были установлены сплошные минные поля и многочисленные спирали колючей проволоки.

Командир 88-го полка подполковник И. С. Лихобабин знал, насколько трудным будет предстоящий штурм. Он заранее и тщательно готовил его.

В ночь перед атакой полковые саперы во главе со старшим лейтенантом Некукаевым под покровом темноты проникли к минным полям и проволочным заграждениям противника, проделали проходы для пехоты. Это позволило нашим бойцам почти без потерь совершить первый бросок и вклиниться во вражескую оборону. Однако немцы отчаянно сопротивлялись. В окопах, траншеях и ходах сообщения вспыхивали рукопашные схватки. Каждый шаг завоевывался огнем и кровью. Уже почти половина высоты находилась в руках роты капитана Копылова, когда враг подтянул подкрепление и попытался выбить из захваченных траншей наших бойцов.

Капитан Копылов, собрав вокруг себя группу в 25 человек, несколько часов отражал натиск фашистов. Он держался до тех пор, пока на помощь ему пробился отряд автоматчиков. Теперь наши бойцы снова начали теснить гитлеровцев. Постепенно Ступинская высота была почти полностью очищена от противника. В траншеях и ходах сообщения осталось не менее 200 вражеских трупов.

Между тем два других батальона 88-го полка продвинулись на запад и перехватили дороги, идущие к высоте. Но даже и после этого гитлеровцы не смирились с утратой ключевой позиции. Ночью враг перебросил на автомашинах в деревню Полибино подразделения 90-го полка 20-й моторизованной дивизии. Развернувшись, эти подразделения сразу пошли в атаку, поддержанные артиллерией и авиацией.

Противнику удалось несколько потеснить наши подразделения, но вернуть Ступинскую высоту он не смог. С нашей стороны было введено в бой несколько танков английского производства, типа «Валентайн». Увы, едва эти легко уязвимые машины прошли передний край, как почти все были подбиты и сожжены. Два уцелевших танка пришлось зарыть в землю и использовать как огневые точки.

Бой принимал затяжной характер. Враг очень упорно оборонял узел дорог в деревне Сеньково. Немцы понимали, что с потерей Сеньково исчезнет последняя надежда восстановить прежние позиции.

Деревню удалось захватить решительной ночной атакой. Стремясь во что бы то ни стало вернуть этот пункт, противник рано утром бросил в бой подразделения 10-го полка 1-й бригады СС. Наши солдаты и офицеры впервые увидели психическую атаку. Пьяные эсэсовцы шли на Сеньково рядами, в полный рост. Наступая по ровному заснеженному полю, они даже не сочли нужным вывернуть лыжные куртки белой стороной наружу, как это обычно делалось для маскировки.

Наши стрелки и пулеметчики не растерялись. Подпустив атакующих на выгодную дистанцию, ударили по ним из всех видов оружия. После отражения трех атак, следовавших одна за другой, противник оставил на поле боя сотни трупов. Из всех наступавших уцелело лишь два солдата, да и те сдались в плен.

Я рассказываю о делах 88-го полка, но такие же упор-

ные бои части нашей армии вели за каждую позицию, за каждый населенный пункт.

Для развития наступления на главном направлении генерал-майор Галицкий решил ввести в прорыв 18-ю механизированную бригаду. Она должна была в ночь на 28 ноября сосредоточиться в лесу близ Сурагино (в 15 километрах юго-западнее Великих Лук) и направить усиленный передовой отряд для захвата города Новосокольники.

Выполняя приказ, бригада с боем вышла в указанный район. Однако ее усиленный батальон, выдвигавшийся на Новосокольники, натолкнулся на сильное сопротивление. Командир бригады ввел в бой все свои силы. В 16 часов 29 ноября бригаде удалось подойти с юго-востока к железнодорожному узлу Новосокольники. Но атака с ходу успеха не имела. Противник успел организовать сопротивление на заранее укрепленных подступах к городу. А бригада была слишком слаба, чтобы прорвать вражеский рубеж и занять город: она понесла весьма значительные потери.

Несколько иначе развивались события северо-западнее Великих Лук. 381-я дивизия в первый день наступления, почти не встречая противника, овладела рубежом Горватка, Ржевино, перехватив дорогу Великие Луки — Насва. Командир дивизии полковник Б. С. Маслов направил один полк с танковым батальоном на Великие Луки, а двумя полками развернул наступление на Новосокольники. 28 ноября эти полки достигли рубежа Гвоздово, Курово, в 10 километрах от Новосокольников.

В этот период в штаб армии поступили сведения о выдвижении из района Насвы на Великие Луки 8-й немецкой танковой дивизии. Навстречу ей была тотчас направлена 31-я стрелковая бригада, находившаяся в армейском резерве. Она получила задачу выйти в район Сопки, Тулубьево, занять там оборону и не допустить прорыва противника к Великим Лукам с северо-запада. Туда же были посланы еще две бригады с холмского направления.

Нарастала угроза и левому флангу армии со стороны Невеля, где появилась свежая 291-я пехотная дивизия противника. Чтобы задержать эту дивизию, генерал Галицкий решил выдвинуть на рубеж Воркулево, Данченки один полк 28-й стрелковой дивизии и 184-ю танковую бригаду. По распоряжению командующего Калининским фронтом на это направление подтягивались 45-я лыжная

бригада и два полка 360-й дивизии из соседней 4-й ударной армии.

Боевые действия продолжали развиваться с нарастающей силой. Обе стороны вводили в бой резервы. Трудности не уменьшались. Но главное было уже сделано: оборона противника юго-западнее Великих Лук прорвана, группировка в районе Ширипина изолирована от других войск, немецкий гарнизон в городе почти полностью окружен.

Вечером 28 ноября в специальном сообщении Информбюро, переданном по радио, говорилось, что в районе Великих Лук наши войска на днях перешли в наступление и, прорвав фронт противника на протяжении 30 километров, продвинулись в глубину от 12 до 30 километров. В результате успешных боев перерезаны железные дороги Великие Луки — Невель и Великие Луки — Новосокольники.

Нам было очень радостно и приятно услышать это сообщение. Оно подняло боевой дух бойцов и командиров.

К этому времени было уже известно о грандиозном сражении, развернувшемся в районе Сталинграда. Мы понимали, что своими атаками оттягиваем часть вражеских сил, не даем противнику возможности свободно маневрировать резервами.

Вечером 29 ноября 18-я механизированная бригада завязала бой непосредственно за Новосокольники. Несколько ее танков прорвались на окраину, но были подбиты огнем противотанковых орудий. Израсходовав почти все боеприпасы, бригада вынуждена была перейти к обороне на юго-восточных подступах к городу.

1259-й полк 381-й стрелковой дивизии, наступавший на Новосокольники с рубежа Шушулино, Федотково, вел бой на северо-восточных подступах. Действия полка, не согласованные с механизированной бригадой, тоже не дали положительных результатов.

Командующий армией наращивал нашу группировку в районе Новосокольников. Туда был направлен 1261-й полк 381-й дивизии. Из состава 2-го механизированного корпуса была выдвинута 34-я механизированная бригада с танковым полком. Объединить действия всех этих сил было поручено командиру механизированного корпуса генерал-майору И. П. Корчагину.

Общая атака наших войск на Новосокольники была предпринята утром 3 декабря. Но войска действовали разрозненно и не очень решительно. Достигнуть успеха не удалось.

Между тем трудная обстановка складывалась на участке 31-й стрелковой бригады, где действовала 8-я танковая дивизия противника. Часть наших сил была снята с новосокольнического направления. Оставшихся войск для захвата города было явно недостаточно. Поэтому наступление на Новосокольники было прекращено, войска перешли к обороне на восточных подступах к городу.

Одновременно с боями у Новосокольников велась ликвидация окруженного противника в районе Ширипина.

Особенно много неприятностей доставила нам 8-я танковая дивизия противника. Она вела наступательные бои, стремясь прорваться к Великим Лукам с северо-запада. 4 декабря немцы овладели населенными пунктами Ряднево и Тимохны. Положение осложнилось еще больше: до Великих Лук врагу осталось пройти около 10 километров.

В этот напряженный момент на опасном участке находился старший помощник начальника оперативного отдела армии подполковник Г. Г. Галимов. Он докладывал впоследствии о том, как умело руководил своими батальонами командир 31-й бригады полковник А. В. Якушев, как стойко сражались бойцы. Бригаду своевременно поддержали подразделения противотанковой артиллерии, прибывшие из резерва армии. Несмотря на большое численное превосходство врага, стрелковые батальоны и артиллеристы самоотверженно отбивали атаки танков и мотопехоты противника. Лишь несколько немецких танков прорвалось через наши боевые порядки. Хотя бригада за день понесла значительные потери, она все же смогла удержать за собою ключевые позиции.

По решению командарма в этот район были срочно направлены вновь прибывшая 26-я стрелковая бригада и 36-я танковая бригада из механизированного корпуса. Переброшенный из-под Новосокольников 1261-й полк получил задачу атаковать противника в направлении Ряднево и воспрепятствовать дальнейшему продвижению врага на Великие Луки. В то же время по одному полку от 381-й и 357-й стрелковых дивизий заняли оборону на

рубеже Земляничина, Ильино, Малое Алешкино для прикрытия Великих Лук с северо-запада.

Эти меры были приняты как нельзя кстати. Продвижение противника было приостановлено. К 10 декабря удалось отбросить немцев назад и овладеть несколькими населенными пунктами, в том числе деревнями Ряднево и Тимохны. 8-я танковая дивизия противника, понеся большие потери, вынуждена была перейти к обороне.

Не менее напряженные бои велись в этот период и на левом фланге армии: там со стороны Невеля наступали части вражеской 291-й пехотной дивизии. Выдвинутый в район Воркулево, Данченки 235-й стрелковый полк, усиленный танками и подразделениями 699-го истребительно-противотанкового полка, с ходу атаковал на марше колонну 506-го немецкого пехотного полка и нанес ему значительный урон.

По мере подхода вражеских сил на этом участке в борьбу с ними были включены и другие полки нашей 28-й стрелковой дивизии. Ожесточенные стычки продолжались в течение трех дней. В конечном счете немцев удалось задержать, они понесли существенные потери. В дальнейшем бои приняли затяжной характер и положение стабилизировалось.

Я уже говорил, что еще 29 ноября части 9-й гвардейской стрелковой дивизии совместно с одним полком 357-й дивизии окружили в районе Ширипино юго-западнее Великих Лук немецкую группировку, состоявшую из остатков 251-го и 257-го пехотных полков, 343-го и 344-го охранных батальонов и дивизиона шестиствольных минометов. Ликвидация этой группировки была возложена на командира 9-й гвардейской дивизии генерал-майора И. В. Простякова. Наступление здесь началось в ночь на 3 декабря и продолжалось весь следующий день. Наши части действовали смело и решительно. Результаты не замедлили сказаться. Ширипинская группировка была уничтожена.

Бои под Великими Луками отличались исключительным упорством. За период с 25 ноября по 10 декабря фашисты потеряли около 30 тысяч солдат и офицеров. Но в плен удалось взять только 195 гитлеровцев. Огнем нашей артиллерии и бомбоштурмовыми ударами авиации было уничтожено 40 артиллерийских и 30 минометных

батарей, много пулеметов и другого вооружения. В качестве трофеев мы захватили 66 орудий, 58 минометов, 18 танков, 15 радиостанций, 42 автомашины, 40 вагонов с различным имуществом.

Армия в основном выполнила свою задачу, хотя нам не удалось ликвидировать великолукский гарнизон противника и взять город Новосокольники. Причин этого можно назвать несколько. К началу наступления на направлении главного удара мы имели превосходство над противником в силах и средствах. Но многие соединения и части прибыли в армию перед самой операцией и поэтому слабо знали противостоящего противника. Наступать они начали медленно, осторожно. Из-за отсутствия в армии вторых эшелонов вскоре после прорыва обороны противника все войска оказались втянутыми в бои. Дальнейшее наращивание усилий армии возможно было только за счет резервов извне.

Побригадное использование 2-го механизированного корпуса привело к тому, что это сравнительно крупное подвижное соединение не оказало заметного влияния на ход событий. Результаты действий корпуса могли получиться более значительными, если бы его основные силы были направлены на захват города Новосокольники в первые дни операции.

Попытки немцев прорваться к окруженному великолукскому гарнизону с северо-запада потерпели неудачу. Враг перенес свои усилия в район Жарки, Разинки, в 20 километрах к юго-западу от города. При этом он преследовал все ту же цель — пробиться к своим осажденным войскам. Напряженные бои развернулись теперь на ограниченном участке.

С утра 11 декабря после мощной артиллерийской подготовки 291-я пехотная дивизия с танками перешла в наступление на фронте менее шести километров. В последующие дни атаки повторялись с возрастающей силой. К 14 декабря противнику удалось потеснить части 9-й гвардейской стрелковой дивизии и занять населенный пункт Громово.

Заблаговременно выдвинутая в этот район 19-я гвардейская стрелковая дивизия на следующий день нанесла удар по противнику, вновь овладела деревней Громово и

вместе с 9-й гвардейской дивизией приостановила его наступление.

Гитлеровцы поспешно усиливали свою группировку, перебросив на это направление 20-ю моторизованную дивизию. Затем, 19 декабря, две вражеские дивизии с 50 танками вновь атаковали наши позиции на том же участке.

Командование армии направило туда все, что имело под руками. На угрожаемое направление в разное время были выдвинуты дополнительно 100-я стрелковая бригада и 249-я стрелковая дивизия. Однако противник, невзирая на большие потери, рвался вперед. Атаки следовали одна за другой. Только за 23 декабря части армии отбили семь атак и уничтожили более 20 танков. Немцы во что бы то ни стало стремились сохранить инициативу и хотя бы узким клином пробиться к городу.

24 декабря были введены в сражение 44-я и 45-я лыжные бригады и 360-я стрелковая дивизия. Наступление их вылилось в ряд встречных боев, доходивших до рукопашных схваток.

Особенно сильными были атаки 30 и 31 декабря. Однако и в этих боях, несмотря на поддержку танков и авиации, гитлеровцы успеха не добились. Вероятно, поэтому 4 января они ввели в бой еще одну, 205-ю пехотную, дивизию, переброшенную из-под Велижа. Наши части вынуждены были оставить несколько населенных пунктов.

7 января фашисты усилили свои войска 331-й пехотной дивизией, прибывшей с запада. Одновременно немецкое командование, стремясь помочь своей ударной группировке, еще раз предприняло попытку прорвать наш фронт северо-восточнее Новосокольников. Врагу удалось немного потеснить наши части, но затем он был остановлен.

Тем временем положение на подступах к городу все более обострялось. 8 января немцы пересекли железную дорогу Великие Луки — Новосокольники, бои переместились в район севернее этой дороги.

9 января к нам начали прибывать из фронтового резерва части 32-й стрелковой дивизии. Ее авангардный 113-й стрелковый полк вместе с 184-й танковой бригадой вступил в бой, не ожидая подхода остальных сил дивизии. Враг временно был задержан, но положение все же продолжало оставаться очень напряженным: передовые части гитлеровцев находились всего в четырех-пяти кило-

метрах западнее Великих Лук. Фельдмаршал фон Клюге, как это было установлено по показаниям пленных, распорядился любой ценой 10 января деблокировать окруженный гарнизон города.

10—12 января гитлеровцы еще немного продвинулись к Великим Лукам, но затем были остановлены окончательно. План противника прорваться к окруженным был сорван.

За месяц кровопролитных боев немцы, введя последовательно на узком участке фронта четыре дивизии, смогли вклиниться в оперативное построение войск армии на глубину до 15 километров (средний темп — 500 метров в сутки). Это поставило противника в крайне невыгодное положение: узкий клин не только простреливался насквозь нашим пулеметным огнем, но и находился под непрерывной угрозой ударов советских войск с флангов.

5

До сих пор речь шла о событиях, развернувшихся вблизи окруженного вражеского гарнизона. Посмотрим теперь, что происходило в этот период в самом городе.

Еще 9 декабря генерал Галицкий принял решение взять Великие Луки штурмом и выделил для этой цели три дивизии. 257-я и 357-я дивизии наносили удар с запада. 7-я стрелковая дивизия, прибывшая к нам в составе эстонского корпуса, должна была атаковать на второстепенном направлении, отвлекая часть вражеских сил.

В войсках развернулась подготовка к наступлению. Формировались штурмовые отряды, в состав которых включались пехотинцы, саперы, химики, орудия сопровождения и танки. Для перемещения пехоты на поле боя за танками саперы построили специальные сани в виде треугольников с двойными стенками, между которыми засыпался песок с камнями. Эти сани должны были буксировать танки, входившие в состав штурмовых отрядов. В каждом батальоне готовился один усиленный взвод, предназначенный для ночных действий.

Наиболее успешно шла подготовительная работа в 257-й дивизии полковника Дьяконова. В ней было создано пять штурмовых отрядов, численностью по сто человек каждый. С отрядами проводились тренировочные занятия на местности, аналогичной той, на которой предстояло действовать.

Артиллерийская подготовка должна была длиться 2 часа 15 минут. Из этого времени два часа отводилось на разрушение оборонительных сооружений и уничтожение огневых точек противника, расположенных на окраинах города. Авиация в ночь перед штурмом наносила удар по противнику в центральной и восточной частях Великих Лук, а днем подавляла оборону немцев на юго-западной окраине, в районе крепости и по обоим берегам Ловати.

Наступило 12 декабря, однако из-за сплошного тумана штурм пришлось отложить. На следующий день туман не уменьшился. Войска, вторые сутки находившиеся в исходном положении, измучились ожиданием. Командующий решил: надо наступать. В середине дня войскам был дан приказ начать штурм.

Из-за тумана авиация действовать не могла. Огонь артиллерии и минометов в условиях ограниченной видимости оказался не особенно эффективным. Поднявшаяся в атаку пехота была встречена сильным огнем и на некоторых направлениях сразу залегла на снегу.

Только 257-й стрелковой дивизии удалось ворваться в северо-западную часть города. Штурмовые отряды этой дивизии, продвигаясь с боем по улицам, поздно вечером вышли на западный берег Ловати. Дальнейшее наступление отрядов было остановлено огнем противника с восточного берега.

Левофланговый полк 357-й стрелковой дивизии, используя успех соседа и обойдя крепость с севера, также пробился к реке. Остальные полки этой дивизии вели огневой бой, оставшись в исходном положении. 7-я эстонская стрелковая дивизия тоже не имела успеха.

Вечером генерал армии Г. К. Жуков, находившийся у нас на командном пункте, потребовал показать ему боевой приказ и плановую таблицу штурма города. Он предполагал, что 257-й и 357-й дивизиям не была поставлена задача атаковать оборону противника на восточном берегу реки. Поэтому, мол, они, выйдя к реке, не стали наступать дальше.

Начальник штаба генерал Юдинцев позвонил мне по телефону и приказал побыстрее принести указанные документы. Докладывал он их Жукову в присутствии генерала Галицкого. В плановой таблице названным выше дивизиям было указано: «форсировать реку, разгромить

противника на восточном берегу и овладеть кварталами города, прилегающими к реке».

Генерал Жуков внимательно прочитал все копии высланных в дивизии выписок из боевого приказа и плановой таблицы штурма. Инцидент был исчерпан. Предполагаемая оплошность штаба армии, а по существу — оперативного отдела, не подтвердилась, и мы вздохнули с облегчением.

14—16 декабря бои в Великих Луках продолжались с неослабевающей настойчивостью. В результате 257-я дивизия полностью овладела северо-западной частью города. 357-я дивизия всеми полками блокировала крепость в юго-западной части, а 7-я эстонская дивизия заняла несколько населенных пунктов и подошла вплотную к юго-восточной окраине города.

Стремясь избежать лишнего кровопролития, советское командование решило вступить в переговоры с окруженными немцами, дать им шанс на спасение.

Парламентерами были выделены два молодых смелых офицера: переводчик старший лейтенант М. Д. Шишкин и артиллерист лейтенант И. В. Смирнов. Им было приказано вручить пакет начальнику немецкого гарнизона Великих Лук подполковнику фон Засу.

15 декабря оба парламентера, одетые с иголочки, после соответствующего инструктажа направились к вражеским траншеям. Навстречу им вышли немецкие солдаты. Раздвинули рогатки, сделали проход в проволоке. В траншее их встретил офицер, проводил в землянку, где парламентерам завязали глаза. С переднего края их долго вели по разрушенному городу.

Лейтенант Смирнов говорил впоследствии, что повязка прилегала к глазам не очень плотно и земля под ногами была видна. Парламентеры миновали железнодорожные пути, затем спустились в блиндаж.

Нашим офицерам развязали глаза. Перед ними за небольшим столиком сидел фашистский майор. Вокруг стояло несколько немцев.

Солдаты, конвоировавшие парламентеров, удалились.

Старший лейтенант Шишкин, представившись, сообщил, что советское командование приказало ему вручить пакет с условиями переговоров о капитуляции. Майор отвел рукой протянутый ему пакет и сказал:

— Господа офицеры! Я — солдат, и вы солдаты. Вы

выполняете приказ своего командования, я — своего. Ни о какой капитуляции не может быть речи. Таков приказ фюрера.

Фашистский майор поднялся из-за стола, подчеркивая, что разговор окончен. Слегка кивнув, он добавил, обращаясь к одному из немцев:

— Проводить господ офицеров без единого выстрела.

Засунув пакет за борт полушубка, старший лейтенант Шишкин попросил разрешения закурить. Майор, утвердительно кивнув, ушел в соседнее помещение. Наши парламентеры, отказавшись от протянутых им немецких сигарет, достали свой «Казбек» и, наскоро затянувшись несколько раз, заявили, что готовы следовать обратно. Им снова завязали глаза и проводили до переднего края. Через проволоку их пропустили в прежнем месте.

Шишкин и Смирнов еще не достигли наших окопов, как сзади хлестнул немецкий ручной пулемет. Парламентерам пришлось изрядно померзнуть, укрывшись от огня в небольшой балочке. Они дождались, пока стихла стрельба с обеих сторон и появилась возможность добраться до своей траншеи.

Доложив генералу Галицкому о выполнении задания, Шишкин и Смирнов тут же приняли из его рук награду: каждому — орден Красного Знамени. Командующий приказал как следует накормить их и дать водки, чтобы согрелись.

Отклонив предложение о капитуляции, командование немецкого гарнизона само определило свою дальнейшую судьбу.

Как известно читателю, в эти дни к юго-западу от Великих Лук шли ожесточенные бои с вражеской группировкой, стремившейся прорваться к городу. Исключительно напряженная обстановка требовала скорее разгромить окруженный гарнизон. Для этого в город были направлены 47-я механизированная бригада и 249-я эстонская стрелковая дивизия.

С 25 декабря уже пять соединений 3-й ударной армии продолжали штурм Великих Лук. При этом наибольших успехов достигла 257-я дивизия, овладевшая северной половиной центральной части города. 47-я механизированная бригада прорвала укрепления противника на юж-

ной окраине и тоже продвинулась к центру. Только четыре квартала отделяли части 47-й бригады от частей 257-й дивизии, наступавших навстречу друг другу. Остальные соединения продвигались вперед медленно, отвоевывая у противника дом за домом.

31 декабря разгорелись самые жестокие бои. Вражеская группировка, теснимая с трех сторон, оказалась под угрозой расчленения. Наши полки полностью овладели центром Великих Лук. Только две изолированные группировки немцев — одна в восточной части города, а другая в крепости — продолжали оказывать упорное сопротивление. Лишь 16 января были ликвидированы эти опорные пункты. В этот день 357-я стрелковая дивизия штурмом овладела крепостью, а 7-я эстонская стрелковая дивизия пленила в Алиградово начальника гарнизона фон Заса с его штабом.

За время Великолукской наступательной операции было захвачено 4000 пленных, 113 орудий, 29 шестиствольных и 58 обычных минометов, 20 танков и самоходных орудий, большое количество других трофеев.

Для 3-й ударной армии бои за Великие Луки явились большой школой, отточившей и закалившей мастерство личного состава, и особенно — командиров всех степеней.

За участие в Великолукской операции многие товарищи в штабе армии были награждены орденами и медалями. Мне вручили орден Красного Знамени. Командующему армией К. Н. Галицкому было присвоено звание генерал-лейтенанта.

6

В период борьбы за Великие Луки наш штаб, и в частности оперативный отдел, работал с большим напряжением. Обстановка на фронте быстро менялась, состав армии непрерывно увеличивался. Каждые два-три дня прибывали новые соединения из резерва и из других армий Калининского фронта. Только в декабре в 3-ю ударную армию были включены четыре дивизии и пять бригад. В том числе две дивизии 9-го эстонского стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор Л. А. Пэрн.

Дивизии и бригады, не входившие в состав корпусов, подчинялись напрямую командующему армией и его штабу. Управлять войсками в таких условиях было трудно.

По организации и численности штаб армии и находившиеся в его распоряжении средства связи не были рассчитаны на руководство столь большим оперативным объединением. Ведь на завершающем этапе операции у нас в армии было 16 дивизий и 18 различных бригад, не считая многочисленных частей усиления. Из этого количества только 14 соединений входило в состав четырех корпусов, три из которых вели активные действия в районе Великих Лук, а один — 2-й гвардейский стрелковый корпус — продолжал обороняться на холмском направлении. Два десятка соединений замыкались непосредственно на штаб армии.

Особенно тяжело было нам поддерживать со всеми корпусами, дивизиями и бригадами непрерывную связь, ставить им своевременно задачи, согласовывать и всесторонне обеспечивать их действия, а главное — постоянно знать обстановку в полосе каждого соединения. Мне и теперь трудно представить, как наши немногочисленные части и подразделения связи смогли успешно справиться со своими обязанностями в той чрезвычайно сложной обстановке.

Большая заслуга в этом нелегком деле принадлежала начальнику связи армии генерал-майору И. И. Дудкову, человеку опытному и энергичному, который в своей работе опирался на офицеров, прекрасно знавших возложенные на них обязанности.

Радиосвязь в масштабе армии возглавлял старший помощник начальника отдела связи подполковник Н. Н. Руденков, умный и хладнокровный офицер, имевший большой практический стаж. Проводной связью занимался инженер-подполковник Г. Р. Хрущев, обладавший хорошей специальной подготовкой и уделявший много внимания строительству линий связи. Но он был тяжел на подъем, не любил ездить в подразделения и ниже армейского батальона связи, как говорят, не спускался.

Серьезный участок работы был возложен на плечи инженер-майора Агриппины Яковлевны Лисиц, прибывшей к нам в армию в период Великолукской операции. Она была старшим помощником начальника отдела связи по снабжению и отвечала за обеспечение всех соединений и частей армии имуществом связи и соответствующими материалами. Лисиц окончила Московский институт инженеров связи и работала в одной из проектных органи-

заций столицы. В первый же день войны, попрощавшись с сыном, уехала на фронт.

Агриппина Яковлевна оказалась знающим, серьезным работником, быстро завоевала авторитет и уважение не только в штабе, но и среди начальников связи соединений. У нее было хорошее правило: не обещать того, чего не можешь сделать, а если пообещала — обязательно выполнить.

В армию приходили части и соединения с ограниченными средствами связи. То немногочисленное имущество, которое они имели, не всегда было в исправности, зачастую давно не ремонтировалось. Агриппина Яковлевна не жалела ни сил, ни энергии, чтобы навести порядок с имуществом связи. Организовывала ремонт, собирала трофейную технику, выбивала новую аппаратуру у фронтовых снабженцев.

Бесперебойная связь штаба армии с войсками во многом зависела от незаметной на первый взгляд работы таких тружеников войны, как телефонисты, телеграфисты, радисты и строители постоянных линий. В нашем полку связи были великолепные мастера, отлично знавшие технику, много лет проработавшие по своей специальности еще до войны, в гражданских условиях.

Связисты — воины скромной профессии. Их героизм проявляется в упорной, постоянной работе, требующей большого напряжения, а порой и самоотверженности. Днем и ночью они начеку. Ведь любое, даже кратковременное прекращение связи с какой-либо дивизией или бригадой могло вызвать тяжелые осложнения, напрасные жертвы. Поэтому независимо от времени суток и состояния погоды принимались срочные меры по выявлению причин неисправности и их устранению. Распутица, ночная тьма, пурга — все это не имело значения. Связь должна была поддерживаться в любых условиях.

Нельзя не вспомнить добрым словом наших неутомимых телефонисток Катю Цареву, Галю Бондаренко, Клаву Печенкину и Лизу Симакову, дежуривших в период великолукских боев на коммутаторе армейского узла связи. Они обладали замечательной памятью, знали наизусть позывные всех дивизий и бригад, их командиров, комиссаров и начальников штабов. Хорошо разбираясь в схеме действующей связи, девушки быстро находили обходные пути при нарушениях связи на основных направлениях.

Они знали, кого из командования и работников штаба армии надо обеспечивать связью в первую очередь, учитывали даже особенности характера каждого начальника.

В напряженные периоды боя, когда линии связи были перегружены, с разрешения генерала Юдинцева в блиндаже у оперативного дежурного устанавливали телефонные наушники, которые позволяли слушать доклады, поступавшие из войск, переговоры генерала Галицкого и других начальников с командирами и штабами соединений. Это давало возможность офицерам-направленцам и офицерам-информаторам оперативного отдела быть в курсе событий и работать без нервозности.

Боевые действия армии развертывались на ограниченном пространстве. У нас не было необходимости перемещать в ходе операции командный пункт. Он оставался на одном и том же месте, в лесу юго-западнее Великих Лук. Это обстоятельство в известной степени способствовало устойчивой связи с войсками и облегчало управление ими.

Связь с соединениями осуществлялась по телефону, телеграфу, по радио и подвижными средствами. Радио использовалось только при полном прекращении проводной связи. Основная роль в доставке командирам дивизий и бригад письменных боевых приказов возлагалась на офицеров связи. Им, как правило, приходилось добираться до штабов своих соединений в ночное время, независимо от состояния дорог и погоды. Одним из смелых и исполнительных офицеров связи был старший лейтенант Артюхов — офицер 381-й стрелковой дивизии, всегда точно и в срок выполнявший задания. От 47-й механизированной бригады офицерами связи при штабе армии были два родных брата — два лейтенанта, очень похожие друг на друга. Фамилию их, к сожалению, не сохранила память. От 100-й стрелковой бригады — старший лейтенант Аябергенов, казах из Алма-Аты, имевший высшее математическое образование. Он отличался особой дисциплинированностью, точностью и аккуратностью.

В тот период в оперативном отделе кроме офицеров, о которых говорилось раньше, работали майоры И. П. Филиппов и Селиванов, капитаны А. К. Нестулин, Н. П. Брагинцев, В. С. Аразиан, Н. Н. Аинцев. Все они были переведены в отдел из дивизий и полков, имели опыт штабной работы в боевых условиях и успешно осваивали свои

обязанности в штабе армии. Им часто приходилось выезжать в войска с различными заданиями, нести по очереди оперативное дежурство и в то же время активно помогать начальникам направлений.

Каждый день был у нас до отказа загружен работой. Я вставал рано утром и сразу же связывался по телефону с начальниками штабов соединений. Затем, тоже по телефону, кратко докладывал командующему, начальнику штаба и члену Военного совета армии об основных событиях минувшей ночи.

К 6 часам капитан Брагинцев приносил на подпись начальнику отдела полковнику Серебрякову или мне первое донесение в штаб фронта с кратким изложением обстановки на утро текущего дня. Донесение отправляли на телеграф для передачи адресату.

Почти ежедневно к 8 часам в оперативном отделе готовилась рабочая карта для генерала Галицкого. На карту наносилось положение всех войск армии до полка включительно, а также все имевшиеся у нас данные о противнике.

На этой же карте в соответствии с решениями командиров соединений указывались задачи всех наступающих полков, бригад и дивизий. Кроме того, на карту наносилась кодировка для ведения переговоров по телефону.

Работа по подготовке карты командующему всегда велась в сжатые сроки, и, как правило, в ней участвовали все направленцы, информаторы и разведчики. Главное внимание при этом уделялось достоверности данных.

В течение дня еще два-три кратких донесения представлялись нами в штаб фронта. Подписывал их обычно генерал Юдинцев. Довольно часто, в самые сложные и неясные моменты боевых действий, меня вызывали из штаба фронта к аппарату Бодо и требовали доложить обстановку с указанием положения всех дивизий и бригад. Я брал свою рабочую карту, которую, кстати, не любил часто менять, и вместе с офицером-информатором отправлялся на телеграф. Обычно на другом конце провода находился начальник направления оперативного управления фронта, изредка — один из начальников отделов этого управления. Мы обменивались приветствиями, и я диктовал телеграфистке с карты положение войск армии справа налево, одновременно поясняя характер наших действий и действий противника.

Эти переговоры со штабом фронта много раз обеспечивали прекрасные бодистки Мария Рыжикова и Надежда Поповкина, хорошо знавшие свое дело: Рыжиковой еще до войны было присвоено звание мастера связи.

Наступал вечер. К 18 часам готовилось итоговое боевое донесение командующему Калининским фронтом за подписью командующего армией, члена Военного совета и начальника штаба. В этом донесении на двух-трех страницах излагались характер и результаты боевых действий сторон за текущий день, указывалось решение командарма на следующие сутки.

В 21—22 часа, после возвращения командующего из поездки в войска, у него в блиндаже проводилось небольшое совещание, на котором суммировались итоги за прошедший день. На совещании обычно присутствовали член Военного совета, начальник штаба, командующий артиллерией, начальник разведки, начальник оперативного отдела, представитель авиации, помощник командующего по бронетанковым и механизированным войскам, начальник инженерных войск армии и я. Генерал Галицкий в течение 20—30 минут заслушивал краткие доклады о состоянии войск, их материальном обеспечении, об ожидаемых действиях противника. Затем объявлялось по карте решение командарма на следующий день, указывались задачи соединениям, действовавшим на активных участках фронта. Суть решения я записывал в рабочую тетрадь, стараясь по возможности точнее зафиксировать задачи соединений и разграничительные линии между ними. Одновременно делал пометки на своей рабочей карте.

Сразу после совещания я отправлялся к себе в блиндаж оформлять решение и готовить телеграммы для соединений. В телеграммах ставилась общая задача трем-четырем соединениям, действовавшим на одном направлении.

Дважды в сутки мы по аппарату Бодо передавали в штаб фронта оперативные сводки. Первую к 6, а вторую к 18 часам. В сводках с наибольшей полнотой давалось положение всех частей и соединений армии за истекший период, а также делались выводы о противнике.

Все эти дела заканчивались далеко за полночь, и только тогда работники отдела отправлялись на отдых.

Наступал рассвет и все опять были на ногах. Так по-

вторялось изо дня в день. Работа требовала от каждого большого напряжения всех моральных и физических сил. Выполнять свои обязанности надо было не только быстро, но и безошибочно. Голова пухла от множества цифр и наименований, от различных указаний и распоряжений, которые нужно было оформить и довести до исполнителей.

Есть в штабах такие скромные должности, о которых многие и не знают. Но от того, насколько умело и точно работают люди, занимающие эти должности, зависит порой многое. Одним из таких людей был у нас чертежник сержант А. Р. Вампилов. Этот спокойный, рассудительный сибиряк до войны окончил строительный техникум, хорошо владел графикой и безукоризненно справлялся с доверенной ему работой. Из-под его рук выходили все рабочие карты для командующего, для начальника штаба и члена Военного совета армии, а также отчетные карты, которые периодически представлялись в штаб фронта. Работал Вампилов не спеша, аккуратно. В какой-то степени его «спасало» крепкое здоровье: иногда ему приходилось трудиться сутками без отдыха.

С давних пор известна пропорция: чем больше начальства, тем больше подчиненным забот и хлопот. В дни напряженных боев, когда противник проявлял особую активность, на командный пункт армии обычно приезжал командующий войсками фронта генерал-лейтенант Пуркаев. В таких случаях наш командарм Галицкий с начальником разведки, начальником оперативного отдела и командующим артиллерией армии отправлялся в расположение 5-го гвардейского стрелкового корпуса к генерал-майору Белобородову, где находился наш армейский наблюдательный пункт. Руководство как бы смещалось на одну ступень ближе к сражавшимся войскам.

В некоторых поездках мне приходилось сопровождать генерала Галицкого. Но чаще всего я оставался с начальником штаба армии на командном пункте и почти весь день сидел у него в блиндаже за его рабочей картой. Сюда передавались из соединений доклады об обстановке, поступали различные просьбы, сюда же командующий армией передавал свои новые распоряжения.

Периодически генерал Юдинцев докладывал генералу Пуркаеву о положении на активных участках. Через каждые два-три часа начальник штаба фронта или на-

чальник оперативного управления запрашивали нас по телефону ВЧ об изменениях в обстановке.

В наиболее ответственные периоды операции в блиндаже генерала Юдинцева неотлучно находился заместитель командующего 3-й воздушной армией генерал-майор авиации Н. Ф. Папивин, а иногда — генерал-лейтенант авиации Г. А. Ворожейкин. Обычно план действий авиации согласовывался накануне вечером. Определялись объекты и время для нанесения ударов, уточнялся передний край наших войск, после чего все эти данные передавались в соответствующие авиационные штабы. Заявки, поступившие из войск на вылет авиации в течение дня, отправлялись туда же. Представителей авиации со своими средствами связи в стрелковых дивизиях и корпусах тогда еще не было.

Довольно часто к нам на командный пункт на один-два дня приезжал представитель Ставки генерал армии Г. К. Жуков. Он внимательно выслушивал доклады о результатах боевых действий, подробно знакомился с состоянием соединений, тщательно изучал группировку противника, до деталей вникал в задачи, возлагавшиеся на соединения и части.

В период, когда немцы рвались к Великим Лукам, генерал Жуков почти безвыездно находился в нашей армии, следил за использованием прибывающих резервов, лично докладывал Верховному Главнокомандующему о ходе борьбы с прорывающейся к городу группировкой гитлеровцев. Советы и указания представителя Ставки приносили конкретную, ощутимую пользу.

Я писал о том, что немцы, собрав большие силы на одном участке, рвались к Великим Лукам на узком фронте, надеясь массированным кулаком раздробить нашу оборону, как это удавалось им делать в других местах. В этой ситуации по сложившимся у нас теоретическим представлениям наиболее целесообразно было направлять прибывающие резервы на фланги клина, чтобы не дать ему расшириться, чтобы попытаться срубить этот клин. Немцы уже привыкли к такому правилу и соответствующим образом обеспечивали свои фланги.

Генерал армии Жуков отказался под Великими Луками от подобного порядка, ставшего в какой-то мере шаблоном. Он требовал ставить вновь прибывающие дивизии перед самым острием клина. И это решение оказалось

наиболее верным. Ведь немцы действовали по своему проверенному правилу: они били и били в одну точку, упрямо прорываясь вперед там, где наметили. Но в этот раз перед ними вставали все новые и новые преграды. Фашисты прогрызали боевые порядки одной дивизии, а перед ними уже находилась другая. Острие клина затупилось: враг нес большие потери, его наступающая группировка заметно слабела. В конце концов противник вынужден был остановиться.

За ходом боев под Великими Луками внимательно следил не только представитель Ставки, но и Верховный Главнокомандующий. На юге страны шли напряженнейшие бои. Но Москва не забывала и о нас. Когда начался завершающий этап операции, по указанию Верховного к нам были направлены из резерва Ставки три стрелковые бригады. Они приняли участие в разгроме вклинившегося противника.

7

В конце января на фронте под Великими Луками смолкла артиллерийская канонада. Обе стороны нуждались в серьезном отдыхе и пополнении. Судя по многим признакам, затишье установилось на длительный срок.

Перейдя к позиционной борьбе, части нашей армии создали разветвленную систему оборонительных сооружений. Повсеместно была подготовлена сложная сеть траншей и ходов сообщения с одеждой крутостей там, где это требовалось. Благодаря этому подразделения могли маневрировать живой силой и огневыми средствами. Были тщательно оборудованы стрелковые ячейки, пулеметные гнезда, дзоты, наблюдательные пункты, укрытия, ниши для боеприпасов, блиндажи, а также огневые позиции артиллерии и минометов. Саперы возводили дзоты с бетонными колпаками. Увеличивая прочность сооружений, эти колпаки, однако, имели большой недостаток — плохую вентиляцию. После нескольких минут работы пулемета давали о себе знать пороховые газы. Солдаты не очень жаловали подобные сооружения.

Система оборонительных позиций дополнялась системой проволочных заграждений и минных полей. В тылу был создан второй рубеж обороны. Все это позволило

высвободить часть сил для боевой подготовки, свести до минимума потери от огня противника.

Местность в полосе армии была пересеченная, лесистая, со множеством высот самой разнообразной конфигурации. В таких условиях пришлось уделять особое и постоянное внимание организации системы огня. К тому же войска имели строгий приказ экономить боеприпасы. Артиллерия, например, открывала огонь только в самых необходимых случаях: при отражении активных действий противника, для обеспечения разведки, по хорошо разведанным целям и т. д.

Надо сказать, что к этому времени промышленность, эвакуированная в восточные районы страны, работала уже на полную мощность и в достаточном количестве обеспечивала войска боеприпасами всех видов. Но это не означало, что их можно было жечь как попало. Эшелоны со снарядами, патронами, минами непрерывным потоком шли на южное крыло фронта, где продолжались активные действия. А на второстепенных участках была введена строжайшая экономия.

У нас в штабе армии подготовили и разослали в части данные о стоимости боеприпасов всех видов — от автоматного и винтовочного патрона до снаряда крупного калибра. Политработники и командиры разъясняли в подразделениях, сколько стоит один залп каждой батареи, залп всех огневых средств роты, батальона, полка. Цифры получались внушительные и впечатляющие. В конце концов удалось значительно сократить бесцельную стрельбу.

Одновременно с этим велась большая работа по подготовке снайперов, отличных пулеметчиков. Для них боеприпасов не жалели.

Пользуясь затишьем, наши опытные штабные работники часто бывали в нижестоящих штабах, помогали молодым офицерам освоить новое для них дело. В штабах частей, как правило, было очень мало кадровых офицеров со специальной подготовкой. Основной костяк составляли те, кто был призван из запаса. Им довелось постигать грамоту штабной работы в боевой обстановке. Старшие товарищи учили их отрабатывать документы в соответствии с требованиями уставов и наставлений, раскрывали «тайны» нашей профессии. Справедливости ради надо сказать, что ученики были хорошие, да и обстановка

требовала не терять времени. Овладев азами, молодые офицеры стали особенно заботиться о внешнем оформлении документов, карт и схем. А штабы полков порой доходили в этом деле до щегольства, иногда даже в ущерб содержанию документов. Пришлось много раз повторять непреложную истину: при безусловной грамотности и правильном оформлении самым важным в любых материалах всегда остается их максимальная достоверность. Ведь за всякое приукрашивание, отступление от истины войска могли поплатиться жизнью людей.

Каждому штабному офицеру очень важно раз и навсегда усвоить, что высшая ценность (а если угодно, и красота!) штабного документа заключается прежде всего в его точности.

Бывая в частях и соединениях, я познакомился со многими способными офицерами, некоторых взял на заметку, чтобы при первой необходимости перевести к себе в оперативный отдел. Среди новых знакомых были люди по-настоящему талантливые, перспективные.

Например, Василий Михайлович Звонцов. Очень вежливый, интеллигентный человек, он до войны закончил Ленинградское художественное училище и поступил во Всероссийскую академию художеств. Увлекался графикой.

Свою фронтовую жизнь Василий Михайлович начал командиром минометного взвода, затем стал адъютантом минометного батальона и «пошел по штабной части» — за короткий срок вырос до начальника штаба 88-го стрелкового полка, того самого, который успешно штурмовал Ступинскую высоту.

Любопытное наблюдение: Звонцов утверждает, что в штабной работе ему очень помогала его гражданская специальность. Он говорит, что у художников сильно развита зрительная память — одно из ценных качеств для любого офицера. И действительно. Когда Звонцова перевели в оперативный отдел штаба армии на должность информатора, он, случалось, по памяти наносил на новую карту обстановку за всю армию, вплоть до каждого полка. Разумеется, потом он проверял себя по старой карте, но ошибок никогда не было.

Художник, как правило, хорошо читает карту, свободно переводя ее условное плоскостное изображение в объемно-пространственное. Эта же способность помогала Звонцову быстро ориентироваться на местности. По его

словам, изучая по карте район будущих действий, он настолько отчетливо рисовал в своем воображении рельеф, характер местности, что потом сам удивлялся точности совпадения воображаемого и действительного.

С утверждениями Звонцова можно согласиться. Тем более что я знаю еще аналогичный пример. Хорошим работником зарекомендовал себя в штабе армии Николай Павлович Брагинцев, тоже художник, сотрудничавший до войны в московских издательствах.

В свою очередь фронтовая жизнь, напряженная работа большого штаба не могли не отразиться на творческом формировании художника, не могли не повлиять на глубину его мышления, познания действительности. Прошло время, и я не удивился, а очень обрадовался, когда узнал, что демобилизованный подполковник Василий Михайлович Звонцов с отличной оценкой защитил в 1952 году диплом, названный им «По дорогам войны».

В частях и соединениях, во всех звеньях армейского организма развернулась напряженная боевая учеба. Повышали свои знания бойцы, командиры, политработники, технические специалисты. Проводилось много показательных учений и командирских занятий, руководили которыми генералы и наиболее опытные офицеры. Занятия строились с учетом уроков недавних боев, с прицелом на будущие наступательные действия.

При штабе армии состоялся сбор старшин стрелковых рот и специальных подразделений. Несколько занятий провел сам командарм, генерал Галицкий. Он особенно подчеркивал важную роль старшин в обеспечении боевой готовности войск.

Летом 1943 года усилилась опасность химического нападения со стороны противника. Мне было приказано провести штабные учения по химической защите.

Пришлось основательно подготовиться, прежде чем взяться за это дело. Прямо скажем, в ходе боев мы почти не вспоминали о химической службе. Штабные учения показали нашу слабость и несостоятельность в вопросах химзащиты. Начальники полковых штабов за множеством повседневных забот упустили из поля зрения этот участок. Понадобилось строго указать им на то, что мало помогают своим начхимам.

После штабных занятий положение с химической защитой начало выправляться. В ряде частей были оборудованы небольшие химические городки, где демонстрировались в действии все табельные средства химзащиты, производилось газоокуривание. В 88-м стрелковом полку и во многих других частях через химические городки был пропущен весь личный состав. Чтобы подчеркнуть важность и обязательность этого мероприятия, командный состав первым проходил все процедуры.

Майор Князев, офицер гидрометеослужбы нашего оперативного отдела, разработал интересный проект: соорудить на реке Ловать плотину. Он же взялся и руководить этой работой.

Возводили плотину в районе населенного пункта Старая Река, километрах в двух от переднего края, где Ловать круто поворачивала к востоку, в наш тыл. Русло здесь суживалось, строительные работы хорошо маскировались густым лесом. 5 июня 1943 года плотина была закрыта, начался подъем воды.

Выше плотины Ловать на протяжении многих километров была естественным рубежом, отделявшим нас от противника. Подъем воды в реке значительно усиливал рубеж, делал его труднодоступным. Это соответствовало целям нашей обороны, позволяло нам снять с переднего края часть сил.

Вода затопила более низкий западный берег, занятый немцами, что в известной мере дезорганизовало вражескую оборону. Противник в ряде мест был вынужден перенести первую траншею на менее выгодный рубеж. Разлив реки поставил в трудное положение гарнизон гитлеровского плацдарма на нашем берегу и заставил его оставить этот плацдарм.

За успешное осуществление своего замысла майор Князев был награжден орденом Красного Знамени.

Авиация противника, хотя и с опозданием, начала усиленно вести разведку в районе Старой Реки.

Когда плотина уже сыграла свою роль, ее прорвало напором воды после обильных дождей. На восстановительные работы были направлены армейские саперы и один стрелковый батальон. Темной ночью, когда работа шла полным ходом, противник обрушил на плотину

шквал артиллерийского огня и разрушил ее. Мы понесли значительные потери. Погиб и майор Князев.

Плотину решили больше не восстанавливать.

8

Период обороны — это, как правило, время различных комиссий, инспекций, проверок. Командующий и штаб армии должны были знать состояние всех соединений, уровень их боевой подготовки, степень оснащенности, способность к оборонительным и наступательным действиям. Одно дело — отчет на бумаге. А в реальной действительности все выглядит гораздо сложнее.

Для проверки дивизий штаб армии выделял группу офицеров из разных отделов, из штаба артиллерии, управления тыла, из других служб. В комиссию включались и политработники. Возглавлял ее, как правило, один из старших офицеров оперативного отдела. Срок работы 10—15 дней.

Каждый вечер комиссия сообщала командиру дивизии об обнаруженных недостатках в организации системы огня, о пробелах в оборудовании позиций, в организации наблюдения и связи, обеспеченности боеприпасами и продовольствием, боевой подготовке и т. д. Докладывалось также, что конкретно удалось устранить в ротах и батальонах. Это — очень существенная сторона дела. Члены комиссий старались оказать командирам и штабам частей всю возможную в данных условиях помощь. И не только советами, но и практическими мероприятиями.

Особо тщательно обследовалась и проверялась первая траншея и ее оборудование: пулеметные площадки, ниши, укрытия, ходы сообщения, блиндажи, маскировка, организация наблюдения, условия быта людей, питание, медицинское обеспечение.

Затем в назначенный день в дивизию прибывали командарм, член Военного совета, начальник политотдела, командующие родами войск, начальники служб.

В присутствии командира дивизии, командиров частей, старших офицеров штаба дивизии руководитель проверяющей группы докладывал факты и выводы о состоянии обороны и боевой готовности соединения. По ходу доклада командарм спрашивал командира дивизии, командующего артиллерией, начальника тыла, начальника меди-

цинской службы, почему тот или иной промах имеет место. При этом крепко доставалось начальникам служб, а иногда и командирам соединений.

Командарм назначал сроки устранения недостатков и повторной проверки. Тут же на месте он принимал конкретные решения: какую помощь кому оказать. Генерал Галицкий не любил откладывать дела в долгий ящик. Благодаря такому методу работы штаб армии детально знал состояние и боевую готовность каждого соединения, каждой части. Нам было известно, на что способен тот или иной командир или начальник, подчиненные им штабы.

Однако в этом полезном и важном деле имелись существенные издержки. Если бы только один орган занимался проверкой, все было бы хорошо. Но период затишья стремились использовать для инспектирования и различные инстанции других служб. Из полков поступали жалобы о нашествии всякого рода комиссий. На протяжении июня и июля в некоторых частях буквально не было дня без проверок. Порой случалось, что в полку работали две-три комиссии рядом. Проверяли все — от инженерных сооружений и организации огня до сдачи металлолома и борьбы с грызунами. Нужно ли это? Ведь каждая комиссия отрывала от основных обязанностей командиров разных степеней.

Особенно доставалось штабу, который непрерывно готовил карты, схемы, справки, сведения и прочие документы. Кроме того, комиссии требовали офицеров связи, посыльных, лошадей, размещения и питания. Все это ложилось дополнительным грузом на полковых офицеров, нарушало режим работы.

По-видимому, такое явление было повсеместным: в газете «Красная звезда» появилась большая статья в защиту проверяемых, озаглавленная «В полк прибыла комиссия». Мы сделали из этой статьи соответствующие выводы. Но сократить решительным образом поток комиссий было не в наших силах.

В дивизиях 3-й ударной армии довольно часто бывал командующий Калининским фронтом генерал-полковник А. И. Еременко. Мне неоднократно приходилось встречать его, сопровождать на КП армии и в дивизии.

Еременко приглашал меня в свою машину, по пути расспрашивал о жизни и боевой деятельности соединений. Он всегда требовал точного знания маршрута и расположения командных пунктов дивизий и бригад.

Если по дороге встречались воинские подразделения на марше или выполнявшие определенную работу, генерал Еременко останавливал машину, выходил, задавал бойцам и младшим командирам вопросы: откуда родом? давно ли на фронте? был ли в бою? есть ли ранения? награжден ли?

Тех, кто имел ранения, но не получал наград, генерал-полковник Еременко собственноручно одаривал часами, которые всегда носил при себе в портфеле его адъютант капитан Дураков.

Однажды, знакомясь вместе с генералом Галицким с обороной 100-й стрелковой бригады, Андрей Иванович Еременко встретил в одном из дзотов двух пулеметчиков — отца и сына. Случай, конечно, редкий. Поговорив с пулеметчиками, Еременко скомандовал:

— Капитан, двое часов!

Но у адъютанта оказались при себе только одни часы. Произошло замешательство. Адъютант командующего нашей армии капитан Кочерга быстро снял часы со своей руки и передал их Еременко. Оба пулеметчика, к удовольствию всех присутствующих, получили памятные подарки. Они заслужили этого. И отец и сын были хорошие солдаты.

Процесс роста и обновления руководящего состава на фронте происходил значительно быстрее, нежели в мирное время. В марте Ивана Семеновича Юдинцева назначили заместителем командующего 3-й ударной армией. Он уехал на вспомогательный пункт управления, находившийся в шести километрах северо-западнее Великих Лук. На должность начальника штаба армии прибыл генерал-майор М. М. Бусаров, проработавший у нас чуть более двух месяцев.

Его сменил генерал-майор Ф. А. Зуев, взятый с должности командира 33-й стрелковой дивизии. Работу штаба армии Зуев знал хорошо, так как до назначения в дивизию сам был начальником оперативного отдела в 3-й ударной. Однако вникать в детали обстановки он не любил.

Резкий и грубоватый, он не располагал к себе ни начальников, ни подчиненных. Это обстоятельство отрицательно сказывалось на деятельности штаба.

Излишне часто менялись и начальники оперативного отдела. За несколько месяцев — трое. При таких обстоятельствах даже я, сравнительно недавно переведенный в штаб армии, чувствовал себя старожилом.

По моему настоянию в оперативный отдел был назначен на должность старшего помощника кадровый офицер майор Б. В. Вишняков. Предварительно его представили начальнику штаба и командующему армией: вопрос решился только после их согласия.

Майор Вишняков пришел к нам с поста начальника оперативного отделения штаба 381-й стрелковой дивизии, которая участвовала в успешном отражении попыток противника прорваться в Великие Луки с северо-запада.

Человек справедливый, кристально честный и очень уравновешенный, майор Вишняков не выделялся ни строевой выправкой, ни внешней молодцеватостью, которые сразу бросаются в глаза и по которым иногда судят о людях. Ведь такие качества, как эрудиция, широта кругозора, ясный ум, далеко не всегда заметны с первого взгляда.

Мы поручили майору Вишнякову подготовку ежедневных итоговых боевых донесений и оперативных сводок. Он быстро освоился с этим делом.

Несмотря на частую смену начальников и некоторые другие недостатки, оперативный отдел 3-й ударной армии значительно окреп, накопил опыт работы. Особенно много дала нам операция под Великими Луками. Большинство наших офицеров впервые участвовали в таком крупном наступлении, и оно явилось хорошей школой, полезной наукой на будущее.

УСПЕШНЫЙ ЭКЗАМЕН

1

Трудно судить теперь о том, когда и как возник у командующего армией замысел новой наступательной операции. Возможно, это случилось еще в период боев за Великие Луки, а может быть, решение пришло, как это иногда бывает, неожиданно при очередном взгляде на карту. Я, во всяком случае, узнал о нем вечером 8 августа.

Вызов к командарму — дело довольно обычное. Взял с собой все необходимое для работы и отправился в домик генерала Галицкого. Мы так долго стояли в обороне, что саперы построили на командном пункте несколько удобных домиков для старших начальников.

Командарм и начальник штаба генерал-майор Зуев что-то чертили на чистой карте. На листке виднелась колонка цифр. Галицкий сказал, что они готовят свои соображения для штаба фронта по проведению операции на левом фланге армии. Мне было приказано включиться в работу. Сразу же стало ясно: дело намечается серьезное и большое.

Записав указания Галицкого и нанеся его наметки на свою карту, я отправился с генералом Зуевым к нему на квартиру. Начальник штаба распорядился к утру подготовить карту-решение и написать краткий доклад — пояснительную записку. А был уже час ночи. Я попросил разрешить мне привлечь к работе майора Брагинцева. Начальник штаба согласился и ушел отдыхать.

Прямо скажу: тяжелой была для меня та ночь. Мы с Николаем Павловичем Брагинцевым ни на секунду не сомкнули глаз. Он склонился над картой со своими цвет-

ными карандашами, я следил за его работой и одновременно писал доклад.

Особенно невмоготу стало под утро. Глаза слипались. Брагинцев, только что сменившийся с дежурства, не спал больше суток. Мне приходилось время от времени встряхивать его. Николай Павлович обливал голову холодной водой и продолжал работу. Я знал, он самолюбив в хорошем смысле этого слова. Преодолеет все, но с заданием справится в срок.

Художник Брагинцев отлично владел графикой при работе на картах. К тому же он был человеком замкнутым, не очень словоохотливым: я доверял ему, зная, что он нигде и никогда не скажет лишнего. Майору неоднократно приходилось выполнять ответственные поручения. Товарищи спрашивали его: «Где ты пропадал всю ночь?» Он отвечал какой-нибудь шуткой. Некоторым офицерам это не нравилось, они косо поглядывали на Брагинцева, строили различные предположения. Но не мог же он объяснять...

Итак, к утру все документы были готовы. Доклад, написанный карандашом в двух экземплярах, занимал 16 страниц. Генерал Галицкий внимательно познакомился с нашей работой и остался доволен: он сделал лишь три небольших дополнения.

Подписанные документы мы сразу отправили командующему фронтом.

Суть наших предложений сводилась в общем к тому, чтобы неожиданно для врага нанести удар и захватить город Невель. На главном направлении, на фронте Рубино, Лоскатухино, будут действовать три стрелковые дивизии. Одна дивизия нанесет вспомогательный удар правее основного на участке Зеленово, Былинки. Для развития успеха на главном направлении предполагалось ввести в прорыв танковую бригаду с одним стрелковым полком, посадив личный состав на автомашины.

Чтобы наверняка добиться успеха, в докладе была изложена просьба направить в 3-ю ударную армию дополнительно два корпусных управления, две стрелковые дивизии, танковую бригаду, тринадцать артиллерийских и минометных полков, полк противовоздушной обороны, три инженерных батальона, два дорожных отряда и два автомобильных батальона... Размахнулись мы широко!

Весь август и первую половину сентября в штабе армии велась неторопливая, заметная только для посвященных, работа. Готовился проект плана операции, составлялся график сосредоточения войск и другие документы. К этому делу был привлечен ограниченный круг лиц. Все документы писались от руки, пользоваться пишущей машинкой было запрещено. Практически вся работа по подготовке документов легла на плечи майора Брагинцева и на меня.

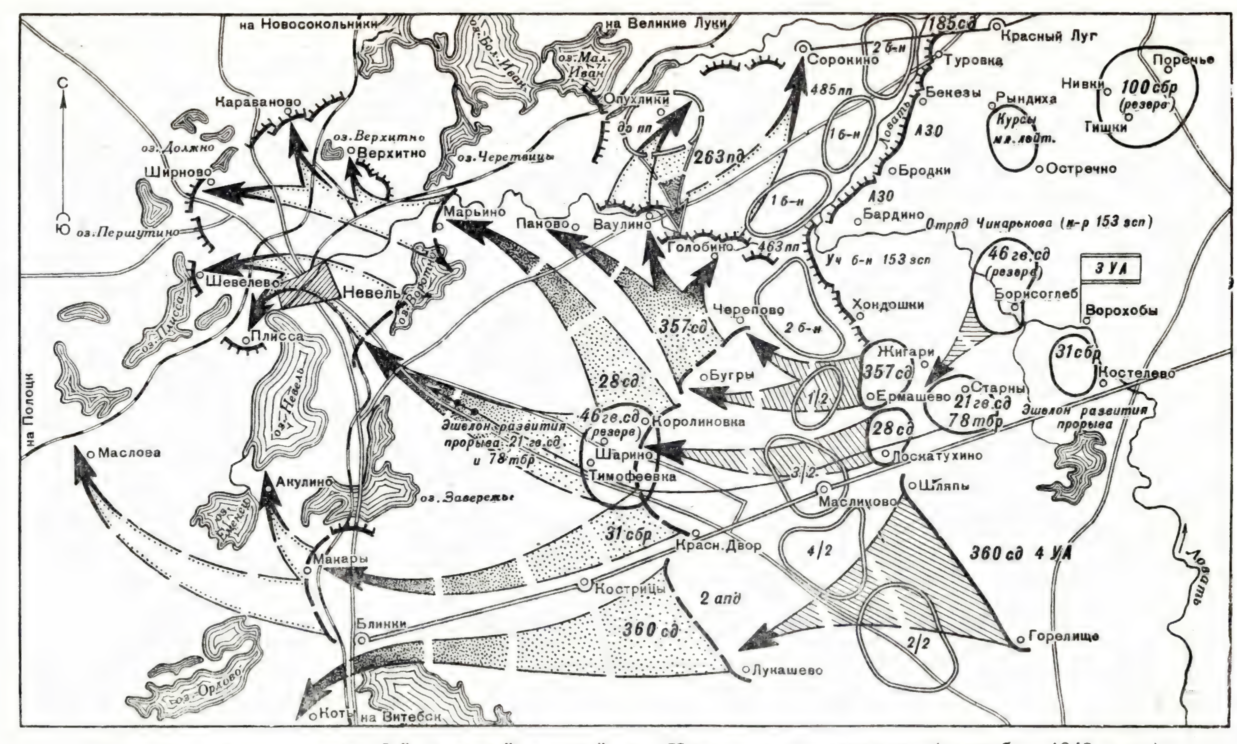
Прошел месяц. Наконец мы получили долгожданные указания командующего Калининским фронтом генерала армии Еременко на проведение Невельской операции. Эти указания исходили в основном из тех предложений, которые были представлены в штаб фронта командованием 3-й ударной армии. Идея, замысел операции были приняты полностью. Изменения касались лишь состава ударной группировки, да уточнялись задачи некоторых соединений. Наши просьбы об усилении армии были отклонены.

В тот период Калининский фронт вел активные действия на своем левом крыле. Естественно, что все резервы фронта использовались в этом районе. Хуже того: из 3-й ударной армии были взяты наиболее укомплектованные 381-я стрелковая дивизия и 145-я стрелковая бригада. Взамен их к нам прибыли два укрепленных района, способные решать только оборонительные задачи, да еще две стрелковые дивизии, ослабленные в предыдущих наступательных боях: каждая из них не превышала 3000 человек и тоже могла только обороняться.

Остальные соединения армии имели среднюю укомплектованность и были вполне подготовлены для наступления.

Получив указания из штаба фронта, мы, не теряя времени, быстро подготовили окончательный вариант плана Невельской операции. 27 сентября этот план был утвержден генералом армии Еременко.

Задуманная операция имела ограниченную цель и являлась частью наступательной операции Калининского фронта на витебском направлении. Войска нашей армии должны были овладеть узлом дорог в районе города Невель и удерживать его, обеспечивая с севера наступление главных сил фронта на Витебск. Вместе с тем действия 3-й ударной армии должны были создать условия

Решение командующего 3-й ударной армией на Невельскую операцию (сентябрь 1943 года)

для развития успеха в южном направлении — на Городок. Или — в северо-западном направлении: для захвата крупного узла вражеской обороны города Новосокольники.

Удар армии на Невель, кроме того, приковывал к нам значительные силы противника. Овладение Невелем, важнейшим перекрестком железных, шоссейных и грунтовых дорог, нарушало всю систему немецких коммуникаций, исключало возможность переброски с севера резервов против витебской группировки войск Калининского фронта.

Решающего превосходства над противником в силах и средствах мы не имели. Армия оборонялась на 100-километровом фронте. Перед нами находились пять немецких пехотных дивизий и части 2-й авиаполевой дивизии. Немцы совершенствовали свои позиции более полугода, создали развитую систему траншей и ходов сообщения полного профиля. Блиндажи и дзоты имели перекрытия в пять-шесть накатов. Нашей артиллерийской разведкой было засечено много запасных позиций для пулеметов, минометов и отдельных орудий. Передний край своей обороны на особо важных участках противник прикрыл двумя полосами минных полей и проволочными заграждениями в несколько рядов.

На направлении главного удара нашей армии немцы имели пять мощных узлов сопротивления. Общая глубина тактической обороны гитлеровцев достигала восьми километров. В некотором удалении от главной полосы обороны был построен второй рубеж: начиная от озера Березово и далее по западному берегу реки Шестиха. Основательно укреплялись немцами и межозерные дефиле на подступах к Невелю. Сама природа, окружившая город системой больших озер, превратила его в неприступную полевую крепость, особенно для войск, наступавших с востока и юго-востока.

Непосредственно невельское направление обороняли части 263-й пехотной и 2-й авиаполевой дивизий. Ближайшие резервы были рассредоточены в нескольких районах и в общей сложности составляли не более трех полков. В оперативной глубине противника резервов не отмечалось.

Местность в районе предстоящих боев была сильно пересеченной. Лесной массив, находившийся в центре

полосы нашего наступления, делил этот участок на два направления: северное, упиравшееся в шести — восьми километрах от переднего края в сплошной лес, и южное, открытое до самого Невеля, но имевшее на всем протяжении естественные преграды, которые позволяли противнику организовать оборону сравнительно малыми силами на промежуточных рубежах. Через южное направление к Невелю шли четыре шоссейные и грунтовые дороги, которые в значительной степени могли ускорить продвижение наступающих войск. Кроме того, имелось много проселочных дорог, но маневр по ним был затруднен большим количеством ручьев и заболоченных участков.

Противник занимал господствующие высоты. Но и мы имели некоторые преимущества. Район предстоящего наступления удерживала 28-я стрелковая дивизия под командованием энергичного и решительного полковника М. Ф. Букштыновича, очень хорошо зарекомендовавшего себя под Великими Луками. В глубине обороны и в тылу этой дивизии местность была покрыта лесами, что способствовало скрытному сосредоточению войск в исходном районе.

Готовя операцию, командование рассчитывало, прежде всего, на внезапность, быстрый и решительный маневр, на возросшее мастерство наших войск. Основные силы армии сосредоточивались на 4-километровом участке. Для обороны остальной полосы, протяжением более 90 километров, оставались немногочисленные войска, имевшие большой некомплект личного состава и вооружения.

Войска первого эшелона армии должны были решительно и быстро прорвать вражескую оборону, расчистить путь для второго, подвижного эшелона, перед которым стояла задача как можно быстрее захватить Невель, находившийся в 30 километрах от линии соприкосновения.

В первый эшелон были назначены 357-я стрелковая дивизия генерал-майора А. Л. Кроника и 28-я стрелковая дивизия полковника М. Ф. Букштыновича. Дивизии усиливались двумя минометными полками, а на период артподготовки — артиллерией еще двух дивизий и одной бригады. Эти войска наносили главный удар в направлении Пришвино, Королиновка. В последующем они долж-

ны были захватить дефиле между озерами Черетвицы, Воротно, овладеть городом Невель с северо-востока и районом западнее его.

Второй (подвижный) эшелон состоял из 78-й танковой бригады полковника Я. Г. Кочергина и 21-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Д. В. Михайлова. Им были приданы 826-й гаубичный, 163-й противотанковый и 1622-й зенитный полки и рота инженерного батальона. Все бойцы и командиры частей второго эшелона были посажены на автомашины, выделенные из армейского автомобильного батальона: по существу, это была моторизованная пехота, способная неотступно следовать за танками.

Силы второго эшелона развивали удар в направлении Ващеничино, Столбово, чтобы захватить дефиле между озерами Воротно, Мелкое и овладеть городом Невель с востока. В дальнейшем они должны были выдвинуться на линию Верхитно, озеро Среднее, Плисса, Невель и оборонять этот рубеж до подхода основных сил пехоты.

В резерве армии оставались 46-я гвардейская стрелковая дивизия и 100-я стрелковая бригада. Они готовились двигаться за наступающей группировкой.

С юга Невельская операция обеспечивалась наступлением войск 4-й ударной армии и выдвижением в ходе боев на юго-запад нашей 31-й стрелковой бригады. Справа 357-я стрелковая дивизия, после прорыва вражеской обороны и выхода на реку Шестиха, должна была наступать на северо-запад, чтобы занять оборону по берегу реки Еменка.

Великолукское направление на период операции обеспечивалось обороной двух стрелковых бригад и двух укрепленных районов. На центральном участке к юго-западу от Великих Лук оборонялись 185-я стрелковая дивизия и отряд Чикарькова в составе трех батальонов 153-го запасного стрелкового полка и четырех армейских заградительных отрядов.

Авиация фронта, выделенная для обеспечения боевых действий 3-й ударной армии, должна была вести воздушную разведку, прикрывать ударную группировку в исходном положении и в ходе наступления, а также содействовать продвижению наших войск, нанося бомбоштурмовые удары по опорным пунктам противника. Особое

внимание уделялось прикрытию с воздуха левого фланга армии с направлений Городок и Полоцк.

Большие надежды возлагались на артиллерию, плотность которой была немалой по тем временам. На участке прорыва на километр фронта приходилось 75 орудий и минометов. Такая плотность была достигнута потому, что мы привлекли для артподготовки и поддержки пехоты всю имевшуюся в армии артиллерию, включая пушки и минометы соединений второго эшелона и армейского резерва.

Продолжительность артиллерийской подготовки планировалась в 1 час 35 минут. Для этого требовалось три боевых комплекта мин и снарядов. Фактически же к началу операции в войска было подвезено только полтора боекомплекта. Да еще половина боекомплекта была сосредоточена на передовом артиллерийском складе в непосредственной близости от района огневых позиций. Это мы сделали специально. При нехватке автотранспорта, который был выделен в подвижную группу, такое мероприятие позволяло надежно снабжать войска минами и снарядами в течение всего первого дня боя.

Части и подразделения инженерных войск готовили и оборудовали исходный район для наступления. Они построили свыше 200 километров различных дорог, возвели четыре моста через реку Ловать для переправы артиллерии и танков, подготовили группы саперов для разграждения минных полей.

Руководство войсками армии на период операции предусматривалось с заранее оборудованных и обеспеченных связью пунктов управления. Передовой командный пункт находился в деревне Ворохобы, а два наблюдательных пункта располагались вблизи участка прорыва — в Рындихе и Веренино.

Непосредственное руководство наступающими соединениями осуществлялось заместителем командующего армией генерал-майором С. А. Князьковым с вспомогательного пункта управления, оборудованного в лесу восточнее деревни Собакино.

Спабжались войска с железнодорожной станции Великие Луки, находившейся в 60 километрах от района сосредоточения.

Надо сказать, что в целом решение командарма, базируясь на точные расчеты и тщательную подготовку, отли-

чалось смелостью и простотой замысла. Устойчивое управление войсками, стремление выполнить во что бы то ни стало разработанный до деталей план — вот характерные черты Невельской операции.

В замысле, в плане операции нашли отражение черты характера самого генерала Галицкого: личная организованность и точность, настойчивость в достижении цели, высокая требовательность ко всем без исключения, в том числе к самому себе.

Был в Невельской операции еще один отличительный штрих. Войск для наступления привлекалось сравнительно немного, а план был разработан очень подробный. Это позволяло командарму лично ставить задачи командирам соединений и отдельных частей, следить за своевременным и точным выполнением соответствующими начальниками приказов и распоряжений.

Сначала задачи командирам дивизий и полков были поставлены устно. Лишь утром 5 октября, накануне наступления, командирам соединений были даны выписки из боевого приказа и плана операции.

Чтобы удар оказался внезапным, период сосредоточения войск был по возможности ограничен. Требовалось незаметно для противника произвести смену и перегруппировку частей на всем 100-километровом фронте армии. Это нам удалось. Сосредоточение войск в исходном районе для наступления было завершено точно в установленные сроки и с соблюдением всех мер маскировки.

Нужно было сократить расстояние от исходного рубежа наших частей до объектов атаки. Для этого за три ночи, предшествовавшие наступлению, была последовательно передвинута на 250—300 метров вперед наша первая траншея. Под покровом темноты подразделения 28-й дивизии выдвигались ближе к противнику и к утру «зарывались» в землю. Затем, в течение дня, отрывалась сплошная траншея полного профиля. На следующую ночь подобная операция проводилась на другом участке.

При общей нашей пассивности немцы расценивали передвижение траншей как местное незначительное улучшение оборонительных позиций. А в действительности такое мероприятие позволило приблизить к противнику исходный рубеж наших частей и тем самым сократить время сближения с врагом в период артиллерийской подготовки.

Разведка фашистской обороны велась на всем фронте армии силами соединений и частей, оборонявших соответствующие участки до перегруппировки войск. Наиболее тщательно изучали мы участок предстоящего прорыва. Наблюдением, поисками и боем разведчики 28-й дивизии полностью вскрыли группировку противника, выявили его боевой состав, определили расположение огневых средств и минных полей.

Вечером 5 октября командирам соединений были отданы распоряжения на атаку, назначенную на 10 часов утра.

Всю ночь продолжалась подготовка войск. К 3 часам выделенные для наступления силы и средства армии заняли исходное положение. Генерал Галицкий прибыл со своей группой на наблюдательный пункт Веренино, находившийся в километре от участка прорыва.

Я проверил связь с командирами дивизий и с передовым командным пунктом в Ворохобах, где находился генерал Зуев. Командиры дивизий и полков заняли места на своих наблюдательных пунктах, телефонная связь работала отлично, радисты были готовы начать работу, как только войска перейдут в наступление. Я доложил об этом командарму, развернул на столе в блиндаже свою закодированную рабочую карту и подготовил переговорную таблицу.

Офицеры штаба находились в таком напряжении, что спать никто не ложился. Всех нас не покидала одна мысль — удастся ли операция? Ведь это в какой-то степени было наше первое самостоятельное детище. Идея операции, план — все возникло в штабе армии; наступление было подготовлено нами самими, почти без участия вышестоящих начальников и штабов.

3-я ударная армия шла на ответственный, трудный экзамен.

2

В 5 часов, нарушив утреннюю тишину, начали действовать подразделения 357-й и 28-й стрелковых дивизий, выделенные для разведки. Встреченные сильным огнем противника, они вынуждены были залечь перед проволочными заграждениями, а затем отошли назад. Этот бой, продолжавшийся около двух часов, дал возможность

нашим артиллеристам более точно определить систему огня противника на переднем крае, внести соответствующие поправки в план артиллерийской подготовки.

С 7 часов до 8 часов 40 минут артиллерия провела контрольную пристрелку, после которой на всем фронте наступления открыла методический огонь для разрушения укрепленных объектов противника. Затем в течение 20 минут на передний край обороны немцев обрушился шквал огня орудий прямой наводки. В 9 часов 55 минут был дан залп реактивной артиллерии, и одновременно началось подавление артиллерийских батарей гитлеровцев. Темп и мощность огня непрерывно нарастали. Авиация нанесла бомбоштурмовые удары по опорным пунктам противника в ближайшей глубине его обороны.

Ровно в 10 часов, сопровождаемые огневым валом, пошли в атаку стрелковые батальоны. Бойцы поднялись дружно, однако события развивались не везде одинаково. Встреченные огнем фашистов, части 357-й стрелковой дивизии залегли перед вражескими траншеями. Затяжной бой грозил развернуться и на участке 28-й дивизии.

В этот раз снова отличился один из лучших полков нашей армии — 88-й стрелковый. Командовал им уже известный читателю полковник Иван Семенович Лихобабин, а начальником штаба был майор Василий Михайлович Звонцов. В этом полку особенно тщательно и всесторонне готовились к прорыву. В канун боя полковник Лихобабин проверил в каждом батальоне и в каждой роте, как усвоена людьми задача. Его последние указания солдатам были настолько своеобразны и конкретны, что майор Звонцов записал их. Вот что советовал бывалый полковник солдатам:

Выдвигайся в исходное положение для атаки без единого стука и звука. Каждый звук — предательство! Заняв место, окопайся!

Главное — своевременно подняться в атаку.

Помни:

— первую минуту после артподготовки противник еще не одумался;

— вторую минуту противник ощупывает себя — цел ли;

— третью минуту противник ищет оружие и стреляет.

Мы от противника за 300—400 метров. Боец идет 120 шагов в минуту, а бежит — 250 шагов. Значит, через

две минуты ты будешь бить не пришедшего в себя противника. Но если хоть на минуту, хоть на полминуты задержишься — противник встретит огнем.

Преодолей страх, не думай о боли. Раненый боль чувствует потом, убитый — вовсе ничего не чувствует. Хочешь быть жив — опереди противника!

Крепко усвоив наставления своего командира, бойцы 88-го полка атаковали стремительно и очень успешно. Полк первым прорвал вражескую оборону, выбив противника из всех трех траншей и овладев опорным пунктом Праборовье. При этом выяснилось, что артподготовка оказалась на редкость эффективной. Большая часть инженерных сооружений и огневых позиций на переднем крае была разрушена. В траншеях оказалось много вражеских трупов. Среди первых пленных попались два солдата, помешавшиеся во время артподготовки.

Используя успех 88-го полка, 28-я стрелковая дивизия к полудню прорвала оборону фашистов на участке протяженностью два километра и на такое же расстояние продвинулась вперед. Полки 357-й дивизии продолжали вести тяжелый и пока безрезультатный бой.

Погода стояла сухая, теплая, солнечная. С нашего наблюдательного пункта мы следили в бинокли за действиями наступавших частей. Вместе с командармом на НП находились член Военного совета, командующий артиллерией армии, представитель авиации, начальник инженерных войск, начальник разведки и несколько офицеров штаба. Связь с дивизиями работала безотказно.

Генерал Галицкий, внимательно наблюдавший за ходом наступления, решил ввести в бой эшелон развития прорыва вслед за 28-й дивизией, не ожидая, пока оборона немцев окажется раздробленной на всю тактическую глубину. Это решение было смелым и правильным. Ровно в полдень 78-я танковая бригада и 21-я гвардейская стрелковая дивизия вместе с частями усиления выступили по сигналу из исходного района.

В голове эшелона развития прорыва двумя колоннами двигалась подвижная группа, включавшая 78-ю танковую бригаду и 59-й гвардейский стрелковый полк, личный состав которого был полностью посажен на автомашины.

Мотострелковый батальон танковой бригады — 240 автоматчиков — был посажен как десант на танки: по пять

человек на Т-34 и по три человека на Т-70. Орудия противовоздушной и противотанковой обороны были распределены по колоннам.

За правой колонной подвижной группы на некотором удалении двигался 69-й полк 21-й гвардейской стрелковой дивизии, а за левой — 64-й полк той же дивизии.

При выдвижении к участку прорыва головные подразделения обеих колонн встретили на своем пути заболоченные участки местности. Единственная дорога, проходившая через передний край обороны противника, была заминирована в районе Политыки. Минные поля на этом направлении танкистам известны не были. Из-за этого в левой колонне подорвалось четыре танка и несколько автомашин. Многие автомашины застряли в грязи. Движение замедлилось. Колонны подвижной группы растянулись настолько, что их стали обгонять подразделения 64-го и 69-го гвардейских стрелковых полков.

К тому же противник, отходя на северо-запад и на юг, усилил артиллерийско-минометный огонь по участку прорыва и одновременно по нашим выдвигающимся колоннам. Создалась критическая обстановка: дальнейший успех наступления всецело зависел от решительных, согласованных, смелых действий.

Генерал Галицкий приказал артиллерии и поддерживающей авиации немедленно подавить артиллерийские и минометные батареи противника, особенно те, которые интенсивно обстреливали с северо-запада боевые порядки 357-й дивизии. Командиры 78-й танковой бригады и 21-й гвардейской дивизии получили категорический приказ ускорить выдвижение колонн по своим маршрутам, не ввязываясь в бои с мелкими группами противника.

Подстегнутая распоряжением командующего, подвижная группа, преодолевая огневое сопротивление с флангов, устремилась в прорыв и прошла через боевые порядки наших войск, которые вели рукопашную схватку в последней траншее. Танки, автомашины с пехотой и артиллерия вырвались в районе Кошелево на дорогу Усвяты — Невель и стремительно двинулись вперед, сметая отступающие подразделения гитлеровцев.

Стрелковые соединения между тем продолжали развивать наступление на своих участках. Особенно удачно

действовал все тот же 88-й полк. Он быстро продвигался на запад, несмотря на то что соседи отстали и фланги оказались открытыми. Справа его отделял от противника лишь узкий овраг, вдоль которого немцы наскоро создавали оборону, разворачивая орудия и ставя пулеметы, тотчас открывавшие лихорадочный огонь. Однако подразделения полка, укрываясь за складками местности, не распыляя силы на прикрытие флангов, рвались в глубину обороны противника. Это еще более усилило растерянность врага. О контратаке во фланг он, видимо, и не думал. Полк захватил у ошеломленных гитлеровцев 12 исправных орудий.

События развертывались с нарастающей быстротой. Не встречая организованного сопротивления, наши подвижные подразделения мчались к Невелю по хорошей дороге. Гитлеровцы совершенно не ожидали такого стремительного прорыва. Враг растерялся. В 15 часов 30 минут, после короткой стычки на подступах к городу, наши танки с десантом автоматчиков ворвались в Невель.

Первой достигла города танковая рота капитана Макарова. Она с ходу на большой скорости проскочила через Невель и вышла, как было приказано, на западную окраину. Интересно, что путь роте показывал немецкий регулировщик, который принял наши танки за свои.

В числе первых ворвался в город на своем танке КВ и водрузил в центре Невеля красный флаг командир танкового батальона капитан Е. С. Пирожников. Вслед за танкистами в город въехали на автомашинах гвардейцы 59-го стрелкового полка, которым командовал майор Соловьев.

Совместный удар пехоты с танками оказался настолько стремительным и неожиданным, что противник был полностью деморализован и не смог оказать в городе серьезного сопротивления. Отважные гвардейцы в бою за Невель уничтожили свыше 200 немецких солдат и офицеров, взяли много пленных. Нашими бойцами было захвачено до 100 немецких автомашин и 7 складов с продовольствием, горючим и другим имуществом.

Сказать по совести, генералы и офицеры, находившиеся на армейском наблюдательном пункте, не сразу поверили, что город освобожден. Очень уж быстро это произошло. Но факт оставался фактом, радисты принесли бланк, на котором было написано:

«Командующему войсками 3-й ударной армии. 16.30 6.10.43 78 тбр с приданными частями в 16.00 6.10.43 взяла город Невель. Производится очищение города от мелких групп противника.

Кочергин, Коткин».

Чтобы избежать ошибок и недоразумений, мы послали командиру 78-й танковой бригады запрос и вскоре получили повторное донесение, в котором подтверждалось: Невель действительно занят подвижной группой.

По телефону ВЧ генерал Зуев доложил об этом командующему фронтом генералу армии Еременко. Тот тоже выразил сомнение и приказал подтвердить устный доклад письменным донесением. По его распоряжению генерал Галицкий поздно вечером специально выехал на КП армии и лично доложил по телефону о результатах боевых действий за первый день операции. А начальник штаба подготовил и отправил командующему Калининским фронтом донесение:

С командного пункта 3 УА 0.30 7.10.43.

Эшелон развития прорыва в составе 78 тбр, 21 гвсд, 163 гвиптап, 827 гап и других частей усиления, введенный в прорыв на участке наступления 28 сд, стремительно продвигался вперед и, уничтожая отдельные группы противника, к исходу 6.10.43 овладел г. Невель и занял оборону северо-восточнее, севернее и западнее города. В городе Невель уничтожен гарнизон врага и захвачено много складов, машин и другого имущества. Имеются пленные. Количество трофеев подсчитывается. Зуев.

Решающую роль в прорыве вражеской обороны сыграли части 28-й стрелковой дивизии, отлично действовавшие под умелым командованием полковника М. Ф. Букштыновича. Успех этой дивизии в значительной степени предопределил исход операции.

С самой лучшей стороны показал себя и наш командарм. Он уловил необходимый момент и смело ввел в бой эшелон развития прорыва раньше намеченного срока. А потом заставил подвижные группы действовать с максимальной быстротой и энергией. Благодаря этому мы захватили Невель неожиданно для врага, с малыми потерями. В руках командарма оставались резервы, которые можно было теперь использовать для отражения контратак.

К сожалению, не все наши командиры соединений проявили высокое мастерство и волю к победе. Недостаточно решительно действовала при прорыве обороны 357-я стрелковая дивизия. Генерал Галицкий вынужден был отстранить в ходе боя ее командира и назначить нового. Некоторые товарищи сочли такую меру слишком строгой, тем более что победа осталась за нами. Но надо было учитывать, что противник не смирится с потерей Невеля, что нас ждут бои тяжелые и ожесточенные.

С большим волнением мы прослушали вечером 7 октября переданный по радио приказ Верховного Главнокомандующего, в котором всем войскам, участвовавшим в освобождении города Невель, объявлялась благодарность, а в Москве в их честь давался салют двенадцатью артиллерийскими залпами. И хотя освобожденный город был невелик, чувство гордости и удовлетворения наполняло каждого воина 3-й ударной армии.

Соединениям, активно участвовавшим в освобождении Невеля, было присвоено почетное наименование Невельских.

В городе еще звучали отдельные выстрелы, когда туда вместе с офицерами разведотдела «прорвалась» наша неутомимая связистка Агриппина Яковлевна Лисиц. В Невеле она «атаковала» штаб 21-й гвардейской стрелковой дивизии, причем столь энергично, что начальник штаба полковник Табачный согласился оказать ей любое содействие.

С помощью гвардейцев майор Лисиц обнаружила в городе немало оставленной немцами аппаратуры. Она привезла из этой поездки два исправных радиоприемника «Торн», совсем новенький коммутатор, десятка три телефонов в пластмассовых коробках и много другого имущества, необходимого армейским связистам.

Еще Агриппина Яковлевна привезла из Невеля новый эмалированный таз, подаренный ей гвардейцами. Она ходила, сияя от радости. Еще бы: для женщины вымыть голову в условиях фронта — это целая проблема. И вдруг — такой замечательный таз!

Мы подшучивали над Агриппиной Яковлевной, но в общем-то понимали ее радость. Что поделаешь — жизнь есть жизнь!

3

В ночь на 8 октября противник перебросил из Новосокольников к Невелю пять сводных рот, спешно сформированных из тыловых частей 83-й пехотной дивизии. Всего до 500 солдат и офицеров. Кроме того, в район юго-западнее Невеля прибыл 85-й полк четырехбатальонного состава из 201-й охранной дивизии. Севернее города противник сосредоточил основные силы 58-й пехотной дивизии.

Рано утром немцы нанесли удар по 21-й гвардейской стрелковой дивизии и 78-й танковой бригаде. К 10 часам врагу удалось овладеть машинно-тракторной станцией на северной окраине Невеля. Одновременно противник повел наступление из района Алунтьево, потеснил наши подразделения и занял железнодорожную станцию Невель-1.

Командование армии принимало все меры, чтобы удержать город. Во второй половине дня дружной контратакой пехоты и танков немцы были выбиты из района МТС. К вечеру их отбросили от железнодорожной станции. Положение, которое занимали наши части утром, было восстановлено, но борьба за Невель продолжалась.

9 октября бои развивались с неослабевающей силой. Противник, прикрывая переправы через реку Еменка, продолжал оказывать упорное сопротивление нашим войскам, наступавшим в северном направлении на правом фланге прорыва. Однако наши части действовали напористо и умело. Учебный батальон 153-го запасного стрелкового полка, тесня гитлеровцев, занял деревню Леонидово. 357-я стрелковая дивизия овладела рубежом Журавлево, Передоново. 46-я гвардейская стрелковая дивизия стремительным броском форсировала реку Еменка в районе Мацкевичи, Обухово. Отразив несколько контратак противника, эта дивизия к 17 часам вышла передовыми частями в район юго-западнее железнодорожной станции Опухлики.

28-я стрелковая дивизия в течение всего дня вела тяжелый бой северо-восточнее Невеля на рубеже Сырокващино, Дегтево, отбивая многократные контратаки пехоты и танков противника. Только вечером дивизии удалось сломить сопротивление врага и выйти на линию Тимляки, Марьино, установив непосредственную связь с пра-

вофланговыми подразделениями 21-й гвардейской стрелковой дивизии.

В этот день снова отличился полк И. С. Лихобабина. Сбив вражеский заслон у деревни Дегтево, полк начал преследовать противника, стремясь с ходу занять перешеек между озерами в пяти километрах северо-восточнее Невеля. Если бы противник успел закрепиться на перешейке, через который проходили железная и шоссейная дороги, то выбить его оттуда было бы трудно.

Наши бойцы опередили немцев буквально на несколько минут. Выйдя на насыпь, они увидели там окопы полного профиля. Вражеские подразделения шли к насыпи, чтобы занять заранее подготовленные позиции. Без всякой команды наши бойцы с криком «ура» бросились на врага, опрокинули противника и погнали за ручей.

На берегу ручья готовились к стрельбе две вражеские пушки: возле них суетилась прислуга, ездовые уводили лошадей. Но тут отличились минометчики, накрыв оба немецких расчета с первого залпа. Командиры-минометчики управляли огнем, стоя на насыпи во весь рост.

Вечером полковые разведчики захватили пленного из 122-й пехотной дивизии противника, прибывшей из-под Ленинграда. Пленный показал, что получен приказ: наступать на Невель и вернуть его любой ценой.

Такие же сведения мы в штабе армии получили из разных частей и соединений. Враг никак не хотел смириться с потерей города.

10 октября наше наступление продолжалось, причем боевые действия не прекращались ни днем, ни ночью. Противник, понеся потери в живой силе, активизировал свою бомбардировочную авиацию. Группы по 30, 40 и 60 самолетов наносили удары по боевым порядкам частей и соединений армии. Над передним краем стояла завеса пыли и дыма. Наши войска несли ощутимые потери. Усложнилось управление, нарушилась связь. И все-таки наши части продолжали теснить врага. К тому же с выходом в район Невеля 28-й стрелковой дивизии наше положение значительно упрочилось.

На следующий день 185-я и 357-я стрелковые дивизии достигли главными силами рубежа железной дороги и реки Балаздынь. Здесь они приступили к организации обороны. 46-я гвардейская стрелковая дивизия была выведена в резерв командарма.

31-я стрелковая бригада, действовавшая на самом левом фланге армии, серьезного сопротивления не встречала. Бригада достигла рубежа Печище, Самухина, Желуди, где тоже перешла к обороне.

Войска 4-й ударной армии к этому времени на своем правом фланге вышли примерно на одну линию с нами и дальше продвинуться не могли.

Невельская наступательная операция, продолжавшаяся пять суток, закончилась. Войска нашей армии, выполнив поставленную задачу, заняли выгодные позиции и временно перешли к обороне.

4

По смелости решения и простоте замысла, по тщательности подготовки и решительности действий Невельская операция была одной из самых удачных и оригинальных среди тех, которые провела 3-я ударная армия за всю Великую Отечественную войну. Большой вклад в подготовку и проведение этой операции внесли генерал-лейтенант Галицкий, а также работники армейского штаба. Но главная заслуга принадлежит, разумеется, тем солдатам и офицерам, коммунистам и комсомольцам, которые действовали непосредственно на поле боя, своими руками ковали победу.

Подлинными вожаками показали себя коммунисты нашей армии. Они личным примером увлекали беспартийных товарищей на боевые подвиги. Работа партийных организаций была направлена главным образом на то, чтобы возглавить наступательный порыв личного состава и направить его на выполнение задач, поставленных перед подразделениями.

Одновременно проводилась работа по приему лучших бойцов и офицеров в партию и комсомол. В частях наблюдался большой приток заявлений. Вот характерный пример: если за первые пять дней октября в частях 28-й стрелковой дивизии, 21-й гвардейской стрелковой дивизии, 31-й стрелковой бригады и 78-й танковой бригады было подано 242 заявления о приеме в члены и кандидаты партии, то за период 6—10 октября в этих же соединениях было подано 471 заявление — в два раза больше, чем до наступления!

Бои за город Невель изобиловали примерами героизма и храбрости наших воинов. Славно действовали братья комсомольцы Петр и Павел Гусаровы. Во время боя отважные воины подобрались к переднему краю обороны немцев, вырвали колья с проволочным заграждением и подняли их на свои плечи. Стоя во весь рост под огнем противника, они держали колья с проволокой, открыв проход для своего взвода.

Много было случаев, когда раненые бойцы и офицеры не желали уходить с поля боя и продолжали вместе со своими товарищами уничтожать ненавистного врага. Командир отделения коммунист Мартыновский, например, был дважды ранен, но продолжал руководить отделением.

Взвод под командованием старшего лейтенанта Оленичева первым ворвался в траншею противника, огнем из автоматов и гранатами уничтожил большую группу немцев. При этом восемь гитлеровцев было взято в плен. Особенно отличились старший сержант Протасов и младший сержант Зарубин, увлекавшие за собой других бойцов. Парторг этой роты Добринский, несмотря на полученную контузию, продолжал бить немцев, ползком добрался до гребня высоты и водрузил там красный флаг.

Жаркие бои происходили на правом фланге армии — в районе озер Большой и Малый Иван. В этих боях покрыла себя неувядаемой славой дочь казахского народа старший сержант Маншук Маметова.

100-я стрелковая бригада вела наступление. В первых рядах была со своим «максимом» пулеметчица Маметова, недавняя студентка Алма-Атинского медицинского института. Девушка-комсомолка, готовившаяся стать врачом, чтобы возвращать людям здоровье, добровольно сменила белый халат на солдатскую гимнастерку и взяла в руки оружие.

Упорные тренировки, настойчивость и советы товарищей помогли Маметовой в короткий срок стать отличной пулеметчицей. Глаз у нее был точный, ее успехи в стрельбе восхищали всех.

В дни боев под Невелем девушка писала домой: «Нахожусь на передовой с пулеметом. Зорко слежу за фашистами. Ночью почти не приходится спать. Отдыхаем днем. Сейчас жизнь пошла веселая, ведем расплату с фашистами огнем своих орудий...»

Батальон, в котором служила Маметова, отражал вражескую контратаку. Пулемет Маншук работал с предельным напряжением. Гитлеровцы несколько раз откатывались назад. Чтобы уничтожить пулемет, они обрушили сильный минометный огонь на окоп Маншук. Одна мина разорвалась почти рядом. Девушка была ранена осколком в голову и потеряла сознание.

Когда Маншук очнулась, гитлеровцы были близко. Крича и стреляя, они ползли к пулемету. Девушка собрала последние силы. Ярость, обуявшая ее, заглушила боль. Схватив пулемет, Маншук вытащила его на открытую позицию и полоснула огнем, расчищая путь для наших бойцов.

После боя Маншук нашли мертвой. Руки девушки крепко сжимали рукоятки пулемета.

Боевые друзья похоронили комсомолку Маншук Маметову со всеми воинскими почестями. Над ее могилой прозвучала клятва отомстить за смерть девушки, гнать и уничтожать ненавистных захватчиков.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за отвагу и мужество Маншук Жиенгалеевна Маметова посмертно удостоена звания Героя Советского Союза. Память о ней увековечена в названии одной из самых красивых улиц города Невеля.

Центральный музей Казахской ССР бережно хранит комсомольский билет отважной пулеметчицы и ее личные вещи. Имя героини навечно занесено в списки Алма-Атинского медицинского института. Есть там и зачетная книжка Маншук, только без номера. Эта зачетная книжка — вечная.

5

В дни самых напряженных боев начальник химической службы армии полковник М. Ф. Доронин предложил использовать для усиления 21-й гвардейской стрелковой дивизии, которая отражала особо яростный натиск, наш 13-й отдельный огнеметный батальон. Командовал огнеметчиками майор П. А. Гайдай.

Генерал Галицкий согласился.

Огнеметный батальон, стоявший возле Великих Лук, получил приказ выдвинуться на передовую. Марш про-

шел быстро и организованно, хотя часть пути пролегала по разбитым дорогам, по только что освобожденной территории. Колонна батальона дважды попадала под бомбежку, но потери были незначительные — погибли четыре бойца и взорвалась машина, нагруженная огнеметами.

Поступив в распоряжение командира 21-й гвардейской стрелковой дивизии, огнеметный батальон сразу же получил задачу. Боевые порядки огнеметчиков располагались в основном в стыках между батальонами и полками, которые прикрывали подступы к городу с запада, юго-запада и северо-запада. В течение нескольких дней пехота и огнеметчики общими усилиями отбивали многочисленные атаки противника. Струи пламени, вырывавшиеся из огнеметов, не только сжигали вражеских солдат и технику, но и действовали на психику наступавших фашистов. Особенно в темное время суток.

За успешное выполнение задания многие солдаты и командиры 13-го отдельного батальона были награждены орденами и медалями. Командир батальона получил орден Красного Знамени, его заместитель по технической части инженер-майор В. А. Фиш — орден Отечественной войны. Такой же награды был удостоен и один из инициаторов использования огнеметов — майор А. И. Буйкин, служивший в ведомстве нашего начхима Доронина.

Невельская операция близилась к успешному завершению, когда произошло событие, в какой-то мере омрачившее радость победы, оставшееся в памяти каждого штабного офицера как суровый урок на будущее.

Поздно вечером 9 октября ко мне в землянку на передовом командном пункте армии забежал мой хороший товарищ — начальник штаба артиллерии армии полковник Вячеслав Иванович Недзвецкий. Он сказал, что вместе с командующим артиллерией генералом Петровым уезжает в Невель, чтобы на месте оказать помощь войскам в организации противотанковой обороны. Я распрощался с ним и пожелал быстрейшего возвращения. Однако увидеться нам больше не пришлось. Потеряв ночью ориентировку на местности, генерал-майор артиллерии М. О. Петров и следовавшие с ним офицеры проехали южнее Невеля и, не заметив того, на большой скорости проскочили через передний край 16-й литовской дивизии,

действовавшей в составе 4-й ударной армии — нашего левого соседа.

Бойцы этой дивизии пытались остановить мчавшуюся автомашину, но безуспешно. На глазах наших солдат и офицеров машина проехала в расположение противника. Послышалась пулеметная и автоматная стрельба, но вскоре все стихло.

В штабе армии узнали о случившемся только на другой день. Понимая, что в руки противника могли попасть важные документы, мы сразу приняли необходимые контрмеры. Незамедлительно переместили в другой район командный пункт армии, внесли некоторые изменения в планы дальнейших боевых действий.

6

В 1943 году на территории одного только Невельского района действовали пять партизанских бригад: 1, 5 и 6-я Калининские бригады, 4-я Белорусская и 1-я партизанская бригада Охотина. Эти соединения народных мстителей оказали значительную помощь регулярным войскам, особенно в период наступления.

Партизаны наносили внезапные удары по коммуникациям врага, подрывали железнодорожные пути, пускали под откос эшелоны, уничтожали автомашины, обозы, разрушали и сжигали мосты.

На территории Данилинского сельсовета была создана партизанская зона. Гитлеровцы не раз пытались ее уничтожить, сломить сопротивление народных мстителей, но получали ожесточенный отпор. Партизаны держали в своих руках шоссейную дорогу Невель — Россоны. Немецкое командование посылало против партизан авиацию. Земля стонала от взрывов бомб, горели деревни. Но народные мстители не сдавались. После каждой вылазки врага они заметно активизировали боевые действия.

По моей просьбе Невельский горком КПСС прислал небольшую справку о боевых делах местных партизан в тот период, когда в Невельском районе сражались части 3-й ударной армии. Оказывается, за это время народные мстители пустили под откос 45 эшелонов с живой силой и техникой противника, уничтожили 117 автомашин, взорвали и разрушили 73 железнодорожных и шоссейных моста, сожгли 5 складов. В общей сложности от действий

местных партизан противник потерял более 23 тысяч солдат и офицеров. Цифра внушительная!

Это — о действиях партизан, которые крепко помогли нам. Но хочется сказать несколько слов и об итогах самой Невельской операции, которые не могли не радовать нас.

В боях под Невелем войска 3-й ударной армии причинили противнику большой урон в живой силе и технике. Нам удалось захватить 65 орудий, 104 миномета, 237 пулеметов, 215 автомашин, 112 тысяч снарядов, 24 склада с продовольствием, вещевым и инженерным имуществом. За время боев было взято в плен 652 немецких солдата и офицера.

Особо следует отметить, что потери нашей армии были в несколько раз меньше, чем у противника.

Так 3-я ударная армия сдала экзамен на зрелость.

Вскоре после Невельской операции возле населенного пункта Новохованского тяжело ранило осколками вражеского снаряда замечательного командира полка Ивана Семеновича Лихобабина. В безнадежном состоянии отправили мы Лихобабина в госпиталь.

Лишь через много лет после войны я узнал, что Иван Семенович выжил и обосновался в Оренбурге. Лишившись ноги, он не утратил присутствия духа, нашел свое место в строю, стал активным общественником.

Недавно в жизни Ивана Семеновича произошло знаменательное событие. Спустя четверть века он побывал в тех краях, где довелось воевать. При его здоровье это было делом нелегким. Полковник в отставке вновь поднялся на Ступинскую высоту. Он встречался с жителями сел и деревень, которые когда-то освобождал от гитлеровцев, рассказывал о мужестве и героизме советских бойцов.

Молодежь сопровождала ветерана по тем местам, где сражался его прославленный 88-й полк.

ЗАПАДНЕЕ НЕВЕЛЯ

1

Во второй половине октября 1943 года на правое крыло Калининского фронта начали прибывать войска, составлявшие ранее Брянский фронт. Сначала — 6-я гвардейская армия, следом за ней — 10-я и 11-я гвардейские армии. Эти войска выполнили свою задачу: разгромили орловскую группировку противника, выгнали немцев из обширных Брянских лесов. Прежде чем отправиться на новое направление, гвардейцы отдохнули, получили пополнение: каждая дивизия была полностью укомплектована личным составом и вооружением. А таких дивизий насчитывалось не менее девяти в каждой гвардейской армии. В целом это была мощная ударная сила.

С прибытием новых войск Калининский фронт был преобразован в 1-й Прибалтийский. А гвардейские армии Брянского фронта составили основу 2-го Прибалтийского фронта. В него же была включена и наша ударная армия вместе с полосой, в которой она действовала. И еще во 2-й Прибалтийский фронт вошла 22-я армия, оборонявшаяся правее нас.

Переименование фронтов имело большое моральное и политическое значение. Мы теперь смотрели не назад, на освобожденные районы, а туда, где лежало Балтийское море, и мысленно прикидывали предстоящий путь. Он был еще долог, сложен и труден.

Войска вновь созданного 2-го Прибалтийского фронта предприняли ряд частных наступательных операций, стремясь отбросить противника дальше от Невеля. Но сопротивление немцев усилилось. Кроме того, мешала распутица.

3-я ударная армия первое время действовала очень успешно. В начале ноября, воспользовавшись теплой и сухой погодой, наши дивизии освободили огромный лесисто-болотистый район западнее Невеля. Сделали мы это без особых трудов, так как этим районом владели в основном партизаны, а немцы занимали лишь отдельные пункты.

Оттеснив противника, 3-я ударная армия вышла на подступы небольшого города Пустошка. Действовавшая левее нас 4-я ударная армия, тоже втянувшаяся в партизанский край, приблизилась к городу Полоцку. Для противника это было неприятным сюрпризом. Но и наши ударные армии оказались в очень трудном положении.

Дело в том, что войска обеих армий, прорвав оборону фашистов на узком участке, устремились в глубину лесного массива, чтобы затем ударить по тылу и флангам гитлеровской группировки. Но войска наши распылились в обширном районе и сами оказались почти в окружении.

Немцы подтянули резервы. У них была возможность маневрировать, хорошо снабжать свои части. А нас связывала с тылом единственная горловина шириной в три километра, которая непрерывно простреливалась артиллерийским и минометным огнем. В период наибольшей распутицы подвоз боеприпасов и продовольствия в войска двух ударных армий совсем прекратился.

Прибывавшие к нам резервы преодолевали горловину только в ночное время, двигаясь по колено в грязи. Но даже и ночью подразделения несли заметные потери.

Проводниками для новых войск служили офицеры нашего штаба: в каждое соединение высылался кто-нибудь из старших помощников начальника оперативного отдела или его заместителей. Одну из прибывших частей вел через горловину мой заместитель подполковник М. С. Тур — талантливый офицер, с отличием окончивший Академию имени М. В. Фрунзе, хороший организатор и вдумчивый работник. К сожалению, в этой проклятой горловине подполковник Тур был ранен осколком мины и в трудное для нас время оказался в госпитале.

Как-то раз я получил задание начальника штаба выехать на передовую, чтобы на месте выяснить сложившуюся обстановку. На машине я довольно быстро добрался до левофланговой дивизии, сильно растянувшейся по фронту. Оказалось, что противник остановил части дивизии сильным огнем. Но в штабе никто не знал точного поло-

жения полков, действовавших на значительном пространстве.

Я нанес на карту имевшиеся в штабе сведения и отправился дальше, на передовую. Установить, где проходит линия соприкосновения с противником, оказалось нелегко. Между полками простирались участки местности, не занятые нашими войсками. На одном из таких участков по машине ударил пулемет. Он находился всего в сотне метров от нас. Но то ли немец торопился, то ли был он неопытным пулеметчиком — все очереди прошли мимо.

Растеряйся хоть на секунду шофер — и мы бы погибли. Но сержант Усатый не зря считался опытным водителем, повидавшим на фронте всякие виды. Не снижая скорости, он мгновенно свернул в ближайшую лощину и понесся по ней, чтобы укрыться за небольшой высотой. Я едва успел вскинуть автомат, как машина была уже в таком месте, куда не доставали немецкие пули.

Благополучно разминувшись со смертью, мы поехали дальше, соблюдая все меры предосторожности.

В самое тяжелое время, когда обстановка требовала стабильного, твердого и умелого руководства войсками, у нас вдруг началась смена командования армии. В конце ноября генерал-лейтенант К. Н. Галицкий был переведен на должность командующего 11-й гвардейской армией. Вместо него прибыл генерал-полковник Н. Е. Чибисов.

Несмотря на излишнюю строгость и чрезмерную требовательность Галицкого, нам жаль было расставаться с ним. Ведь под его руководством войска 3-й ударной в течение года успешно провели две крупные наступательные операции. С ним были связаны не только победы, но и становление многих из нас — офицеров армейского штаба.

Н. Е. Чибисов был полной противоположностью прежнему командарму. Спокойный и уравновешенный, хорошо знавший военное дело и имевший большой опыт практической работы в войсках, он в разговорах с подчиненными никогда не повышал голоса. Мне приходилось бывать с ним на наблюдательном пункте. Помню, как хладнокровно выслушивал он по телефону даже самые неприятные доклады командиров дивизий, давал короткие дельные

указания. Он никогда и никому не грозил снятием с должности. Работать с ним было не трудно.

У Чибисова сразу установились очень хорошие взаимоотношения с членом Военного совета генералом А. И. Литвиновым. А это тоже имело серьезное значение. Плохо, когда в руководстве нет единого мнения, взаимного понимания: от несогласованности страдает порой дело.

Почти одновременно с командующим сменился и начальник штаба. 17 октября в нашу армию прибыло (без войск) недавно сформированное управление 79-го стрелкового корпуса. Командиром его был назначен наш генерал-майор Ф. А. Зуев. А вместо Зуева на должность начальника штаба армии прислали генерал-майора В. Л. Бейлина.

На меня новый начштаба произвел благоприятное впечатление. Он спокойно и умело разбирался в оперативной обстановке, быстро реагировал на все изменения, был энергичен, трудоспособен, не чурался любой работы: сам писал различные указания, распоряжения. Вениамин Львович очень скоро завоевал авторитет у начальников отделов, установив с ними ровные деловые отношения.

При планировании боевых действий генерал Бейлин ограничивался, как правило, разработкой двух документов: карты-решения и боевого приказа. Никаких планов мы не составляли. Такая практика сокращала время на подготовку операций, но не всегда была наилучшей. Ведь в подобных случаях трудно было заранее согласовать вопросы взаимодействия различных родов войск.

Командный пункт армии в этот период располагался севернее озера Язно, в центре оперативного построения армии. Размещались мы в холодных, сырых землянках. Остро ощущалась нехватка продовольствия и боеприпасов.

Положение войск армии с каждым днем ухудшалось. Дивизии были растянуты на широком фронте, очертание которого представляло большую дугу, обращенную своей вершиной в сторону Пустошки. Никаких резервов у нас не было. В ближайшем тылу армии находилось озеро Язно, вытянувшееся с запада на восток более чем на 15 километров. Это облегчало противнику задачу окружения наших войск, даже сравнительно небольшими силами. Именно в этом направлении немцы пытались нанести удар, стремясь захватить в свои руки те немногие пути сообщения, которые связывали нас с тылом.

Не имея превосходства над нами, но зная наше критическое положение, гитлеровцы попытались окружить шесть дивизий, которые действовали севернее озера, и нанесли удар с востока. Чтобы отразить наступление, были брошены все свободные подразделения. Пришлось ослабить другие участки. За первую половину дня противнику удалось продвинуться на два километра, но затем он был остановлен. В этом бою осенняя распутица была нашим союзником, она помогла нам сдержать вражеский натиск.

Надо учесть, что немцы хорошо снабжались, имели достаточное количество боеприпасов. А личный состав нашей армии несколько суток не получал продовольствия, в соединениях не было горючего, кончились снаряды, патроны и мины. После блестящей Невельской операции войска 3-й ударной армии оказались в весьма безрадостном положении.

Среди ночи меня вызвал генерал-майор Бейлин. Начальник штаба был явно взволнован. Он приказал немедленно разработать план отвода всех войск армии из занимаемого нами мешка. Я спросил, какие письменные указания получены по этому вопросу из штаба фронта.

Бейлин сослался на разговор по ВЧ.

Я отправился к себе в землянку выполнять полученное задание. Может, это покажется странным, но мне, штабному работнику, воевавшему с 1941 года, впервые приходилось планировать отход своих войск. Причем задача была не из легких. Все шесть дивизий имели соприкосновение с противником. Войска могли отходить лишь по одной лесной дороге, разбитой настолько, что по ней с трудом двигались автомашины. В течение одной ночи можно было вывести по этой дороге не более двух дивизий. Этого мало. Нам было необходимо, чтобы отвод войск остался не замеченным для противника. Иначе он мог сорвать наши планы.

Я пригласил из штаба артиллерии майора Буцкого: вместе с ним к утру мы подготовили по карте предложения на вывод дивизий из занимаемого района. Основная роль по прикрытию отходящих соединений возлагалась на артиллерию: она должна была отойти в последнюю очередь. Вся работа, чтобы избежать кривотолков и паники, осуществлялась в глубокой тайне.

Наши предложения были доложены генерал-полковни-

ку Чибисову. Он согласился с ними. Я приступил к подготовке плана вывода войск и соответствующих боевых распоряжений командирам корпусов и дивизий. К вечеру план был отправлен командующему фронтом. А ночью штаб армии, поднятый по тревоге, перешел в новый район — южнее озера, к населенному пункту Казенные Лешни. Весь день мы потратили на устройство отделов штаба, на налаживание связи с оставшимися на прежних рубежах войсками.

Близилась ночь, в течение которой должны были выйти через коридор первые две дивизии. Однако дать сигнал на отход мы не успели. Из штаба фронта сообщили, что отход нашей армии Ставка не утвердила. Нам надлежало немедленно вернуться на прежнее место. Одновременно сообщалось, что на усиление армии направляется корпус в составе двух дивизий.

Без особого энтузиазма возвратились мы в покинутые накануне блиндажи и землянки.

2

Трудно было в ту пору нашей пехоте, но еще труднее — танкистам. Болота, покрывавшиеся тонким слоем льда и снега, ограничивали возможность маневра, таили в себе незримую опасность. Иногда танки застревали буквально в нескольких метрах от немецких траншей. Но и в этих условиях наши танкисты проявляли большую выдержку, находчивость, смелость и упорство.

17 декабря 328-й танковый батальон 118-й танковой бригады готовился поддержать огнем и гусеницами наступление 59-го гвардейского стрелкового полка 21-й гвардейской стрелковой дивизии в районе деревни Гатчино. Немцам удалось установить место сосредоточения батальона. Фашисты внезапно произвели мощный огневой налет. Несколько танков были повреждены. Поступила команда срочно вывести оставшиеся машины из-под обстрела и вступить в бой. Выполняя этот приказ, танк лейтенанта Ткаченко быстро миновал деревню Демешкино и через болото направился к возвышенности, по которой проходил передний край обороны противника.

Вдруг танк остановился: его гусеницы глубоко врезались в землю. Машина застряла в болоте, метрах в трид-

цати от врага. Экипаж открыл огонь с места. Вскоре были убиты лейтенант Ткаченко и башенный стрелок. В танке остались двое — механик-водитель старший сержант А. И. Соколов и стрелок-радист сержант В. С. Чернышенко.

Когда командование батальона узнало о их судьбе, были сразу же приняты меры, чтобы вытащить танк и спасти людей. Но сделать это оказалось трудно: танк находился в непосредственной близости к врагу, все подступы простреливались фашистами. Неоднократные попытки наших бойцов пробраться к танку были безуспешными.

Тринадцать суток держались в осажденной машине мужественные танкисты. Под покровом темноты гитлеровцы много раз пытались приблизиться к танку, но меткий огонь смельчаков заставлял их откатываться назад. Иногда немцы открывали по танку огонь из орудий. Снаряды падали совсем близко, но броня выдержала.

У танкистов кончились продукты неприкосновенного запаса. Воды не было несколько дней. Голод постепенно уносил силы. Леденящий холод пронизывал тело, деревенели руки и ноги. Старшего сержанта Соколова мучили полученные им в этих боях раны. И все же танк продолжал стрелять — он был неприступной крепостью.

30 декабря наши войска на этом участке фронта перешли в наступление и освободили территорию, на которой находилась машина. Теплые дружеские руки обнимали героев. Им была оказана срочная медицинская помощь. Но спасти обессиленного старшего сержанта А. И. Соколова не удалось. На следующий день он скончался.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 марта 1944 года старшему сержанту Алексею Ивановичу Соколову и сержанту Виктору Семеновичу Чернышенко было присвоено звание Героя Советского Союза.

3

Осенью 1943 года в Советской Армии были восстановлены корпусные управления. С их появлением значительно упростилось и улучшилось руководство войсками. Теперь армейское командование ставило задачи корпусам, а они в свою очередь определяли задачи дивизиям. Легче

стало получать данные об обстановке и о событиях, происходивших в полосе армии.

Корпусные управления обычно прибывали в состав армии, не имея постоянного количества дивизий. В зависимости от поставленных задач состав корпусов доводился до трех дивизий. В то же время некоторые соединения оставались в подчинении командующего армией. Из частей, непосредственно обеспечивающих действия корпуса, имелись саперный батальон, батальон связи и, очень редко, артиллерийский полк.

Стабильность состава корпусов на первых порах не соблюдалась. Дивизии передавались из одного корпуса в другой, нередко даже накануне наступления. Это приводило к неустойчивому руководству со стороны командиров и штабов корпусов. Но и в таких условиях роль корпусных управлений трудно было переоценить: работа в штабе армии, и в частности в оперативном отделе, приняла более спокойный и ритмичный характер.

В начале ноября к нам прибыл 93-й стрелковый корпус в составе двух дивизий. В конце того же месяца — 100-й стрелковый корпус, командиром которого был известный нам по Невельской операции генерал-майор М. Ф. Букштынович. Я выехал в корпус для того, чтобы познакомить Букштыновича с предстоящими задачами. Там, в штабе, неожиданно встретился с полковником Ю. З. Новиковым, товарищем по Академии имени М. В. Фрунзе. Это был прекрасно подготовленный оперативный работник: с первых месяцев войны находился он на фронте, продолжительное время успешно исполнял обязанности начальника штаба дивизии. Он вполне заслуженно был выдвинут на должность начальника штаба корпуса. Командир и начальник штаба удачно дополняли один другого.

Некоторые прибывшие корпуса не задерживались долго в составе нашей армии и быстро уходили к соседям. Такая практика не являлась лучшей, но избежать ее мы не могли — перемещения зависели не от нас.

С наступлением зимы активные действия войск 3-й ударной армии прекратились. На 2-м Прибалтийском фронте наступило затишье. В связи с переходом к обороне значительная часть соединений была выведена в тыл. Враг зализывал раны. О серьезных боях в ближайшем будущем не могло быть и речи.

4

Не место красит человека — эта истина общеизвестна. Никогда не следует забывать, что посты, даже очень высокие, занимают люди, имеющие свои сильные и слабые стороны, свои характеры и привычки. Многолетний опыт убедил меня в том, что на слаженность и четкость работы любого штаба немалое влияние оказывают личные взаимоотношения между его начальником и командующим. Только полное доверие командующего (командира) дает возможность начальнику штаба уверенно выполнять свои обязанности и, не оглядываясь, не опасаясь одергивания, руководить всеми отделами, службами полевого управления.

Начальник штаба является первым заместителем командира: только он имеет право от имени командира отдавать приказания войскам. Вместе с тем он обязан докладывать своему командиру о всех отданных распоряжениях.

Начальник штаба согласовывает деятельность начальников родов войск и служб, направляет деятельность подчиненных штабов, добиваясь их слаженности и единства методов работы. Он должен быть готов в любой момент доложить командиру о задачах, поставленных старшим начальником, о положении, состоянии и возможностях своих войск и войск противника. Да мало ли что еще должен держать в памяти начальник штаба — всего и не перечислишь. Ведь он возглавляет «мозговой центр» части или соединения. В свою очередь командир обязан посвящать начальника штаба во все замыслы и планы. Только хорошие деловые отношения между командиром и начальником штаба, основанные на высокой требовательности, на отличном исполнении каждым своих обязанностей, могут обеспечить четкую и уверенную работу штаба в целом.

Отсутствие между указанными начальниками доверия и полного взаимопонимания нередко приводит к натянутым отношениям, к серьезным недочетам в работе «мозгового центра». Неприязнь между ними чувствуют и болезненно воспринимают все офицеры штаба.

Но что поделаешь, жизнь сложна — начальник штаба не всегда удовлетворяет командующего войсками. В таком случае обычно командующий стремится освободиться

от начштаба. Пути для этого бывают разные. Начальника штаба переводят, например, на равноценную должность в своей же армии. Эта практика особенно широко применялась у нас в 1943 году, когда в 3-й ударной один за другим сменились четыре начальника штаба.

Каждый из них, имея свой, отличавшийся от других опыт, предъявлял к отделам штаба свои требования. Это касалось всех участков и даже отдельных деталей работы, вплоть до подготовки документов. Вместе с тем каждому прибывавшему начальнику необходим был какой-то период для знакомства с существующей организацией работы штаба, с начальниками отделов, а также начальниками родов войск и служб. На взаимное ознакомление требовалось известное время и для начальников отделов. Увы, не успев привыкнуть к одному, нам приходилось «осваивать» характер другого, вновь прибывшего начальника штаба. Затем — следующего.

Не лучше обстояло дело и с начальниками оперативного отдела. За 1943 год на этой должности побывали три человека, в октябре к исполнению обязанностей начальника отдела был допущен я, получив незадолго перед тем звание полковника.

Резкого изменения я не ощутил. Характер и объем работы оперативного отдела за год пребывания в штабе армии были полностью освоены мною на практике, как в условиях наступательных боев, так и при ведении обороны. Ведь начальники-то менялись, а состав отдела оставался в основном стабильным, неся на себе нелегкую ношу штабной работы.

Коллектив оперативного отдела представлял собою дружный, слаженный организм. Мы жили, без преувеличения, единой семьей. Каждый стремился как можно лучше выполнить свои обязанности. Это главным образом и объединяло нас, людей разных характеров, возрастов, привычек, пришедших в штаб армии по различным жизненным дорогам. Совместная работа в условиях фронта, постоянная опасность, необходимость взаимной поддержки при выполнении получаемых заданий — все это сблизило нас, как родных. Каждый ощущал душевную теплоту, поддержку своих товарищей. Чувство локтя очень поддерживало нас в трудные минуты.

Я и сейчас с волнением, с глубокой признательностью и уважением вспоминаю весь состав оперативного отдела

того времени. Заместителем моим был подполковник М. С. Тур — прекрасный работник, умевший выделить главное звено в разнообразной, быстро менявшейся цепи событий. Старшие помощники подполковники И. Ф. Топоров, Г. Г. Галимов и Б. В. Вишняков всегда точно и умело выполняли сложные и опасные задания. Им помогал в этом личный боевой опыт, хорошее знание своих обязанностей. Каждый из них являлся начальником направления одного из корпусов.

Помощниками моими были офицеры И. Н. Ленкевич, В. С. Аразиан, Н. Н. Аинцев, Н. П. Брагинцев, А. К. Нестулин, К. В. Кузнецов, К. В. Ванчиков и недавно прибывший в отдел сдержанный, исполнительный майор С. И. Смирнов, человек по натуре простой и добрый.

О каждом из своих помощников я мог бы сказать много теплых слов. Сравнительно пожилой майор Ленкевич отличался энергией, исключительной точностью и аккуратностью: он следил за обеспеченностью соединений боеприпасами, горючим и продовольствием, а также вел боевую ведомость соотношения сил на фронте армии.

Майоры Аразиан, Аинцев и капитан Кузнецов в разное время пришли в оперативный отдел из дивизий, где они были помощниками начальников штабов полков по оперативной работе. Несмотря на молодость, они имели немалый опыт низовой штабной работы непосредственно в войсках. Они видели войну с близкого расстояния, не раз смотрели смерти в глаза. Кроме добросовестного отношения к своим обязанностям все трое отличались смелостью, умением не теряться в самых сложных условиях. За ними были закреплены обязанности помощников начальников направлений. Отлично зная обстановку, Аразиан, Аинцев и Кузнецов в любое время суток были готовы выехать в дивизии и полки своего направления.

Отделение изучения и обобщения опыта войны возглавлял полковник Н. П. Войно, офицер весьма образованный, с большой эрудицией, служивший еще в старой русской армии. Войно обладал незаурядной способностью анализировать, обобщать ход и результаты боевых действий. Будучи среди нас самым пожилым, он предпочитал иметь самостоятельный участок работы. Учитывая это, я старался не вмешиваться в его дела.

Помощниками у Войно были майор Кузин и капитан Дмитриенко. Причем первый из них выделялся исключительным трудолюбием и старанием.

В обязанности этого отделения входило систематическое ведение журнала боевых действий войск армии, составление итоговых отчетов о проведенных операциях и представление этих отчетов через штаб фронта в Военно-историческое управление Генерального штаба. В отделении готовились также итоговые отчетные карты за определенный период.

Во время работы над этой книгой мне пришлось еще раз подробно просмотреть документы, подготовленные когда-то под руководством полковника Войно. Должен сказать, что выполнены они с высокой добросовестностью и достоверностью. Эти документы дают в сжатом виде полную картину боевых действий 3-й ударной армии.

Начальником гидрометеорологического отделения был у нас майор П. И. Иванов. Должность его помощника занимал инженер-капитан Л. М. Эпштейн. Их работа была малозаметной, но необходимой. Без знания метеорологических условий и возможного состояния дорог нельзя было правильно планировать действия войск. Без поправок на погоду артиллерия и минометы не могли вести точный и эффективный огонь. А авиация! Сколько раз низкие облака прижимали самолеты к аэродромам, когда их помощь была необходима бойцам.

Петр Иванович Иванов, до войны проработавший много лет на самых отдаленных метеостанциях, имел большой опыт, любил свое дело. И если бы не пристрастие к крепким напиткам, к нему нельзя было бы предъявить никаких претензий. Его помощник Лев Михайлович Эпштейн был весьма сдержан, беспрекословно и добросовестно выполнял любые задания, даже не относящиеся непосредственно к его работе. Он имел хорошую теоретическую подготовку по гидрологии: окончил в Москве институт.

Для полного представления о составе, о жизни оперативного отдела хочется хотя бы вкратце рассказать и о тех наших товарищах, которые, занимая скромные должности, в любых условиях обеспечивали деятельность отдела.

Начальником делопроизводства был у нас с момента формирования полевого управления армии старший лейтенант административной службы Иван Федорович Цопов,

призванный из запаса. Он отвечал за учет, рассылку и хранение документов. В полевых условиях выполнить все требования по ведению делопроизводства было нелегко, однако Цопов со своими обязанностями справлялся отлично. Человек пунктуальный и аккуратный во всем, что касалось документов, он требовал того же от других офицеров. Если какой-либо офицер, познакомившись с содержанием бумаги, не оставил на ней своей подписи, Цопов обязательно делал пометку: «Сей документ подполковник такой-то читал, но подписи не учинил». Справедливости ради надо отметить, что благодаря усердию и старанию Цопова в отделе не пропала ни одна ценная бумага.

Начальнику делопроизводства подчинялись чертежник — старший сержант А. Р. Вампилов и машинистки. Все они свои обязанности выполняли с большим старанием. Особенно Клава Силичева, которая быстро и грамотно печатала самые ответственные оперативные документы — боевые приказы и планы операций. Со временем она не считалась, справлялась порой одна за троих. До войны Клава работала в редакции районной газеты в Молвотицах и еще тогда привыкла принимать и печатать на слух материалы ТАСС. Резкость ее характера полностью искупалась серьезным отношением к делу.

В мемуарах редко пишут о работниках пищеблока. А если и пишут, то, чаще всего, с юмором. Странно! Разве эти товарищи мало принесли пользы?! Шути не шути, а без еды долго не повоюешь!

При нашем оперативном отделе существовала своя столовая: работали мы круглосуточно, то и дело выезжали в войска, думать о еде было некогда. Столовая спасала нас.

Когда я прибыл в отдел осенью 1942 года, в столовой работали повар и официантка. Они старательно трудились по 18—20 часов в сутки, но не управлялись. По моей просьбе начальник штаба армии разрешил нам взять повара из запасного армейского полка. Так появился в столовой Василий Лозовский, являвшийся одновременно поваром, кладовщиком и заведующим. Помощником у него была Дуся Базылева из деревни Плаксина, находившейся вблизи нашего командного пункта у Великих Лук. Официанткой работала скромная девушка Зина Розанова из города Калинина. Зина сумела заслужить общее уважение, несмотря на молодость. Держала она себя в строгих

рамках, обращалась со всеми одинаково, тактично и вежливо. Постоянным покровителем, так сказать шефом столовой, был майор Ванчиков: он обеспечивал переезды, размещение и устройство нашего пищеблока на новом месте.

Маленький коллектив столовой всю войну работал с большой нагрузкой. Зина Розанова, как заботливая хозяйка дома, следила, чтобы были накормлены все до единого человека.

5

Новый, 1944 год я встретил в пути, на занесенной снегом дороге. Наши войска предприняли в конце декабря небольшое частное наступление на правом фланге армии. Вечером в канун Нового года немцы начали отходить под покровом темноты из района Турки — Перевоз в северном направлении. Три наши дивизии, действовавшие здесь, устремились преследовать противника.

Всю новогоднюю ночь я на автомашине продвигался вместе с передовыми частями. Темнота, крепкий мороз, сильная вьюга и заминированные дороги чрезвычайно затрудняли преследование врага. В деревнях пылали пожары: немцы, уходя, сжигали дома. Далеко справа слышалась перестрелка, но впереди, перед фронтом наступавших дивизий, было почти тихо. Противник боя не вел, он использовал темноту, чтобы как можно быстрее занять новые позиции. Моя задача заключалась в том, чтобы не допустить остановок наших частей в пути.

Утром фашисты заняли заранее подготовленный рубеж. Наша попытка прорвать его с ходу не удалась. И все же настроение было радостное. За одну новогоднюю ночь мы продвинулись на 10 километров.

Сильные морозы сковали реки и озера панцирем льда. Воспользовавшись этим, две наши дивизии предприняли частное наступление юго-западнее города Пустошки через озеро Свибло. По данным разведки считалось, что немцы занимают северный берег незначительными силами и серьезного сопротивления не окажут. Расстояние между берегами в самом узком месте не превышало 300 метров. При этом противоположный берег вдавался в озеро, образуя большой полуостров, покрытый хвойным лесом.

Дивизия, наносившая главный удар, должна была ночью преодолеть по льду открытое пространство и на рассвете атаковать гитлеровцев на полуострове. Вторая дивизия, наступавшая с востока во фланг противнику, содействовала первой в выполнении этой задачи.

Наступление началось неожиданно для врага: в первый день мы имели успех. Был захвачен плацдарм на северном берегу шириной до двух километров и глубиной до 500 метров. Немцы срочно подтянули на этот участок ближайшие резервы и уплотнили ими свои боевые порядки. Одновременно они сосредоточили по нашим частям на плацдарме массированный огонь артиллерии и минометов. Замерзшая гладь озера на подступах к полуострову тоже находилась под вражеским огнем. Наши части непрерывно несли потери.

Днем приблизиться к полуострову не было никакой возможности. Подход резервов, снабжение войск, эвакуация раненых — все производилось только ночью. Так продолжалось несколько суток: плацдарм прозвали полуостровом смерти.

Соединения, действовавшие на левом фланге армии, входили в оперативное направление, которое было закреплено за подполковником Г. Г. Галимовым. Он получил задание от начальника штаба армии отправиться на полуостров, ознакомиться на месте с обстановкой, а затем доложить свои предложения. Вместе с ним был направлен в соседнюю дивизию и майор Смирнов, который должен был возвратиться вечером того же дня.

Галимов сообщил мне по телефону, что прибыл в дивизию и с наступлением темноты пойдет на полуостров. От Смирнова никаких вестей не поступало. Мы ждали его к ужину, но он не появился. Я приказал оперативному дежурному запросить все штабы полков той дивизии, куда уехал майор. Но нигде ничего не знали о нем.

На другой день Смирнова нашли на поле боя среди солдат, погибших при артиллерийском налете противника. Это была тяжелая утрата. Несмотря на то что работал он у нас сравнительно недавно, все успели полюбить этого простого человека с открытой душой.

Подполковник Галимов вернулся через два дня. Он сообщил, что нет никаких перспектив улучшения обстановки. По докладу Галимова было принято решение отвести наши части с полуострова.

Пользы эта операция нам не принесла. Наступать ведь тоже нужно со смыслом, имея перед собой важную цель, которая хоть в какой-то степени оправдывает потери, понесенные ради достижения этой цели.

Едва пережили мы смерть майора Смирнова, как обрушилось новое несчастье. Погиб майор Аразиан, переведенный в штаб армии из 33-й стрелковой дивизии по моей просьбе.

Веселый, никогда не унывающий, Виктор Аразиан был, что называется, душой общества. Он сразу «прижился» в отделе.

В ясный безоблачный день майор Аразиан вылетел на По-2 проверить с воздуха маскировку оборонительных позиций войск армии. Самолет вел на небольшой высоте отличный летчик старший лейтенант Новиков, награжденный двумя орденами Красного Знамени. Едва самолет приблизился к переднему краю, его обстреляла зенитная батарея. Один из снарядов попал в мотор, машина загорелась и рухнула юго-восточнее Пустошки. Старший лейтенант Новиков погиб при падении самолета. Майор Аразиан получил тяжелые ожоги и скончался через несколько дней.

Виктор Аразиан был единственным сыном учительницы из Евпатории. Северная часть Крыма к этому времени была уже освобождена от фашистских захватчиков. Мать Виктора успела получить от сына первое письмо. Но ее ответ пришел после смерти Виктора.

6

Больше двух лет я ничего не знал о жене и дочке. Где они? что с ними? — эти вопросы не давали покоя. И вдруг радость! Вскоре после того как фашистов вышвырнули из Днепропетровска, я получил известие от жены. И она и дочурка — обе живы!

В первом же подробном письме Лида сообщила, что до нее дошла моя весточка, посланная из Москвы в начале войны, и томик стихов Симонова она тоже получила.

Жена писала, что за два года оккупации много раз перечитывала мое письмо, что в стихах Симонова черпала силу, чтобы выдержать тяготы фашистской неволи.

Радость моя была огромна. Но вскоре я получил такую горькую весть, что не сразу даже поверил в нее.

Чтобы было ясней, о чем идет речь, сделаю небольшое отступление. Родился я в 1908 году в городе Севастополе. Отец, опытный садовник, до революции работал у крымских помещиков. Мать была женщиной малограмотной, но очень доброй и отзывчивой.

В семье было пятеро детей. Три мальчика: Владимир, Виктор и я — старший. И две девочки — Валентина и Евгения. Я, естественно, помогал матери нянчить детей и вообще был ее правой рукой в домашних делах.

Учиться мне не пришлось: ближайшая школа находилась в 16 километрах. Отец сам занимался со старшими детьми. Он заставлял нас учить много стихов. В те годы я на всю жизнь полюбил поэзию, особенно Лермонтова.

Вскоре после революции отца избрали заместителем председателя рабочего комитета в бывшем помещичьем имении. Начиналась новая жизнь. В нашей деревне появился народный учитель Владимир Ефимович Привольев — как выяснилось потом, близкий товарищ Михаила Ивановича Калинина. Вероятно, Привольев был болен и нуждался в целебном крымском воздухе.

Познакомившись с моим отцом, учитель предложил общими усилиями жителей создать в деревне школу. Вести уроки за небольшую плату взялся он сам. Кормить учителя должны были по очереди родители учеников.

Осенью наша самодеятельная школа начала работать. В ней было более 30 учеников в возрасте от 7 до 16 лет. Их разделили на три группы, но занимались все одновременно в одной большой комнате.

Мы с братом оказались в старшей группе. Весной 1919 года с помощью Владимира Ефимовича оба сдали экзамены за начальную школу в деревне Николаевка. На этом мое образование закончилось.

Летом вместе с белыми в Крым вернулся помещик — хозяин имения. Наша семья переехала в деревню Ново-Васильевка, неподалеку от Бахчисарая.

Здесь вплоть до 1928 года я с отцом ухаживал за плодовыми деревьями в совхозных и колхозных садах.

В 1925 году я вступил в комсомол. А через три года, самостоятельно подготовившись, сдал экзамены в Ялтинский сельскохозяйственный техникум. До двадцати лет я формально не имел никакого образования. Попасть в техникум было моей мечтой. И эта мечта сбылась.

Закончив учебу, я стал участковым агрономом в сим-

феропольском райколхозсоюзе. Однако работать пришлось недолго. Осенью 1931 года меня призвали в Красную Армию и направили в 88-й стрелковый полк прославленной 30-й Иркутской дивизии, которая дислоцировалась в то время на Украине.

Летом следующего года меня перевели из полка в батальон связи 7-го стрелкового корпуса. Из Павлограда я переехал в Днепропетровск, где и прослужил до 1938 года. Там, будучи лейтенантом, женился.

Потом была служба в Харькове, академия Фрунзе. Потом началась война.

К этому времени сестра Валентина жила на Дальнем Востоке с мужем-пограничником. Владимир учился в Ленинграде, на 4-м курсе лесотехнической академии. Сестра Евгения работала агрономом в деревне Ново-Васильевка вместе с отцом. У нее были уже две дочки. Муж Евгении, тоже агроном, проходил срочную службу в одной из воинских частей, расположенных в Западной Белоруссии. Растить детей помогала наша мать, еще сохранившая достаточно бодрости и энергии. Неподалеку от родителей, в Симферополе, жил и работал брат Виктор, не призванный в армию по состоянию здоровья.

Осенью 1941 года фашисты ворвались в Крым. Надо ли говорить о том, какой тревогой наполнялось мое сердце, когда думал о своих родных.

В годы войны я изредка переписывался со старым товарищем Иваном Порфирьевичем Корявко, который командовал где-то на юге инженерной бригадой. В дни моей комсомольской юности он жил в нашей семье, очень хорошо знал моих близких.

И вот в январе 1944 года я получил письмо. Иван Порфирьевич сообщал, что скоро будет у моих стариков и передаст мой адрес. Намек был ясный. С этого дня я с нетерпением ждал, когда появится в сводке Совинформбюро слово «Крым».

Наконец 10 апреля по радио передали, что войска 4-го Украинского фронта перешли в наступление на Перекопском перешейке. Потом в сводках замелькали названия городов, хорошо знакомых с детства. 13 апреля был освобожден Симферополь. На следующий день — Бахчисарай. А дом нашей семьи стоял на середине пути между ними. Родной дом среди фруктовых деревьев на берегу небольшой, но бурной и шумливой реки Альмы...

Долго не было письма от старого друга Ивана Корявко. Видно, не поднималась рука сообщить то, что узнал...

Когда Крым захватили фашисты, брат мой Виктор ушел в горы к партизанам. Через некоторое время гитлеровцы арестовали нашего отца. В симферопольской тюрьме он заболел тифом и умер в 1943 году. Потом забрали мать и сестру Евгению. Старшей ее девочке было в ту пору пять лет, а младшей только три годика.

В январе 1944 года гестаповские палачи расстреляли мою мать и сестру. Разыскать их тела так и не удалось, они зарыты где-то в обрывах под Бахчисараем.

Тяжко переживал я это известие. И хорошо, что в те дни рядом оказался родной человек. Совершенно неожиданно меня разыскал Владимир, назначенный в один из автомобильных батальонов нашей армии. От него я узнал, что наш младший брат Виктор после возвращения из партизанского отряда тоже находится на фронте. Теперь мы все трое сражались с ненавистными гитлеровскими захватчиками.

К БАЛТИЙСКОМУ МОРЮ

1

Наступило четвертое военное лето. Войска нашего фронта, располагая ограниченными силами, продолжали обороняться западнее Новосокольников на хорошо подготовленных в инженерном отношении рубежах. Противник на этом направлении особой активности не проявлял. Жизнь на передовой текла довольно однообразно. Обе стороны вели разведку да изредка обменивались артиллерийско-минометными налетами.

3-я ударная армия насчитывала в своем составе всего пять дивизий. Находясь в центре оперативного построения войск фронта, армия обороняла полосу протяженностью до 60 километров. Противник имел перед нами три пехотные дивизии. Однако общая численность всех наших соединений не превышала численности личного состава трех дивизий врага: силы сторон в полосе обороны армии были примерно равны.

Армией командовал генерал-лейтенант Василий Александрович Юшкевич, сменивший в начале апреля генерала Н. Е. Чибисова. Новый командарм отличался броской, благородной внешностью и подчеркнутой строгостью. Я бы даже сказал — резкостью в обращении с людьми. В штабе его боялись.

Членом Военного совета оставался Андрей Иванович Литвинов. У него сложились хорошие отношения с генералом Юшкевичем, почти всегда и всюду они бывали вместе. Генерал Бейлин продолжал занимать пост начальника штаба, умело обходя различные подводные камни. Среди личного состава штаба изменений почти не произошло. Только на должность начальника разведывательного

отдела взамен полковника И. Я. Сухацкого в начале года был назначен подполковник Владимир Климентьевич Гвозд. С помощью подчиненных он быстро освоился со своими обязанностями, хорошо узнал противостоявшую вражескую группировку. Сразу же проявились и его особенности. Гвозд предпочитал руководить разведкой из штаба и не любил выезжать на передовую.

Общая военная обстановка в тот период складывалась явно в нашу пользу. В конце июня начали наступление три Белорусских и 1-й Прибалтийский фронты, действовавшие южнее нас. Операция развивалась вполне успешно. 4 июля войска этих фронтов вышли па линию Десна, озеро Нарочь, Молодечно, западнее Минска. 1-й Прибалтийский фронт 9 июля пересек шоссе Даугавпилс — Каунас. Под Вильнюсом вели бои войска 3-го Белорусского фронта.

Немецкое командование, пытаясь спасти положение, спешно перебрасывало к Вильнюсу подкрепления, снимая части с других направлений. Девять дивизий для этой цели оно взяло из своих армий, стоявших против войск 2-го Прибалтийского фронта. Близилось время, когда и нам предстояло включиться в активные действия.

По замыслу Ставки войска 2-го Прибалтийского фронта должны были овладеть городами Резекне и Даугавпилс, а затем наступать на Ригу и вместе с 1-м Прибалтийским фронтом отрезать пути отхода всей прибалтийской группировке противника. Командующий войсками нашего фронта генерал Еременко решил нанести главный удар силами двух армий — 10-й гвардейской и 3-й ударной. На левом фланге должны были наступать войска 22-й и 4-й ударной армий.

Полученная нашим штабом директива фронта ставила лишь общие задачи, которые были сформулированы следующим образом: «Быть в готовности при обнаружении признаков отхода противника перейти немедленно в стремительное наступление» *.

3-я ударная нацеливалась на Идрицу, а затем на Себеж. Одновременно в директиве предлагалось подготовить и 30 июня представить на утверждение план предстоящих действий.

---

* Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 292, л. 1. *Здесь и далее все примечания даны автором. — Ред.*

Генерал Юшкевич находился на лечении в Москве, поэтому обязанности командующего армией временно исполнял его заместитель генерал-майор Г. И. Шерстнев. Обменявшись мнениями с работниками штаба, он дал указания готовить два варианта решения на прорыв обороны противника. Выполняя это задание, я нанес на одну и ту же карту оба варианта и по каждому из них написал краткую объяснительную записку. Эти документы были представлены командующему войсками фронта.

По первому варианту усилия армии сосредоточивались в северной части ее оборонительной полосы. Удар предлагалось наносить правым флангом в юго-западном направлении во взаимодействии с соседом справа — 10-й гвардейской армией. Однако условия местности на этом направлении из-за большого количества озер были весьма неблагоприятными.

По второму варианту мы наносили удар в центре оборонительной полосы, вдоль шоссе Пустошка — Опочка, навстречу наступающим войскам 10-й гвардейской армии. В замысле этого варианта сказывался опыт Невельской операции, когда мы удачно использовали хорошие дороги на территории противника и достигли в короткий срок решающего успеха. Но у второго варианта была своя слабость: удар по противнику наносился изолированно, в 40 километрах южнее полосы наступления 10-й гвардейской армии. А это при наших крайне ограниченных силах, при отсутствии резервов могло привести к быстрому затуханию всей намеченной операции. В штабе фронта учли это. Мы получили соответствующие указания. При дальнейшей разработке плана за основу был принят первый вариант.

1 июля генерал Шерстнев и я выехали в штаб фронта доложить подготовленный нами план предстоящих действий. Стояла хорошая сухая погода, мы быстро добрались до места. Однако командующий находился в войсках. Нас принял начальник штаба фронта генерал-лейтенант Л. М. Сандалов. Решение наше было одобрено.

По нашим подсчетам на перегруппировку войск требовалось от трех до пяти суток. Надо было со всего фронта армии собрать и незаметно для врага сосредоточить силы в районах, прилегающих к переднему краю, откуда будут нанесены удары. Требовалось время и для рекогносцировок, и для доведения задач до всех соединений и частей.

Поэтому армия могла перейти в наступление не раньше 5—7 июля.

Перемещение войск в период подготовки операции производилось только по ночам. Однако ночи в июле короткие: после 3 часов утра движение частей, подразделений и даже отдельных машин прекращалось. Средний ночной переход пехоты, артиллерии и танков не превышал 25—30 километров.

Штаб армии в период перегруппировки выслал на маршруты движения войск несколько контрольных групп во главе с офицерами оперативного отдела. Они следили за точным выполнением частями установленных сроков сосредоточения, за строгим соблюдением мер маскировки.

Генерал В. А. Юшкевич, приехавший наконец из Москвы, заслушал доклад начальника штаба и взял бразды правления в свои руки. В день его возвращения из штаба фронта поступила вторая, более подробная и определенная директива. Наша армия в составе шести дивизий должна была, взаимодействуя с 10-й гвардейской армией, прорвать оборону противника на участке между озерами Каменное и Хвойно, разгромить идрицко-себежскую группировку и к концу первого дня наступления овладеть городом Себеж. В дальнейшем нам предстояло выйти на линию железной дороги Резекне — Даугавпилс. Справа 10-я гвардейская армия имела задачу наступать на Опочку. Левее переходила в наступление 22-я армия в общем направлении на Освею.

3-я ударная усиливалась танковой бригадой, двумя танковыми и двумя самоходно-артиллерийскими полками, пушечной бригадой, одним минометным и двумя гаубичными артиллерийскими полками, бригадой и двумя полками гвардейских минометов, полком противотанковой и полком зенитной артиллерии. В составе перечисленных частей насчитывалось 117 различных танков и самоходных установок, 123 орудия, 36 минометов и 72 установки гвардейских минометов. Численность каждой стрелковой дивизии была около 5000 человек.

Для наступления на фронте в 60 километров этих сил было явно недостаточно. Обеспеченность боеприпасами тоже оставляла желать лучшего. В общем, мы были не сильнее противостоящего нам врага. Но в наших руках находилась инициатива. Мы могли создать некоторое пре-

восходство на отдельных хоть и узких, но важных для нас участках, на тех направлениях, где дивизии сосредоточивали свои главные усилия. Однако такое превосходство позволяло рассчитывать лишь на достижение местного тактического успеха. Можно было прорвать оборону противника на глубину в несколько километров, после чего силы сторон уравнивались. Требовалось бы вновь сосредоточивать усилия каждой дивизии на небольшом участке для последующего общего удара армии. Такой вариант нас, естественно, не устраивал. Выход был один: смело сосредоточить основные силы на главном направлении, до предела возможного оголив другие участки.

7 июля было представлено на утверждение в штаб фронта окончательное решение командующего 3-й ударной армией. Суть его заключалась в следующем:

— Главный удар нанести на правом фланге армии силами трех дивизий 93-го стрелкового корпуса под командованием генерал-майора П. П. Вахрамеева.

— В полосе наступления 93-го корпуса для развития успеха ввести армейскую подвижную группу в составе 207-й стрелковой дивизии, 29-й танковой бригады, 239-го танкового полка, 1539-го самоходного артиллерийского полка, 163-го гвардейского истребительно-противотанкового полка и других частей усиления. Эти войска к исходу дня должны овладеть городом Себеж. Весь личный состав группы посадить на автомашины, которые были собраны из всех дивизий. Командиром группы назначался командир 207-й стрелковой дивизии полковник И. П. Микуля.

— 79-му стрелковому корпусу в составе двух дивизий наступать с небольшого плацдарма на западном берегу озера Ученое, нанося удар на участке 2 километра в юго-западном направлении. Корпусом командовал генерал-майор С. Н. Переверткин. Для развития успеха в корпусе была создана своя подвижная группа из одного усиленного стрелкового полка. Задача полка — к концу первого дня наступления овладеть городом Идрица.

— Участок от озера Ученое до озера Васьково на левом фланге армии (протяженностью более 30 километров) оборонять группой полковника Исаева, в которую входили курсы младших лейтенантов, армейский запасный полк, два заградительных отряда и пулеметно-артиллерийский батальон.

На окончательное решение командарма в значительной степени повлияла местность, которая в полосе предполагаемого наступления была сильно пересеченной, с большим количеством озер и лесов по переднему краю вражеской обороны. Такой характер местности, с одной стороны, способствовал противнику — позволял ему обороняться малыми силами, а с другой — затруднял наши наступательные действия. Отсутствие хороших дорог и обилие в ближайшей глубине вражеской обороны лесных массивов, рек и озер ограничивало использование танков и их маневрирование вдоль фронта для поддержки своей пехоты.

Боевой приказ командарм подписал в 23 часа 9 июля. И сразу же закипела работа. В 3 часа утра следующего дня выписки из приказа были вручены офицерами связи командирам корпусов и командиру 207-й стрелковой дивизии. У меня уже был готов подробный план операции на глубину задачи первого дня наступления.

Противник, находившийся перед армией, был известен нам до деталей. Мы заранее провели разведку боем. Да и вообще разведчики наши не бездействовали, систематически доставляли контрольных пленных.

Перед нами оборонялись 23-я и 329-я пехотные дивизии немцев и 15-я латышская пехотная дивизия СС. В ближайшем резерве противник имел до трех батальонов пехоты. Главная полоса вражеской обороны проходила по межозерным дефиле, по высотам. Она состояла из двух позиций, оборудованных траншеями полного профиля с открытыми площадками для пулеметов, с развитой системой ходов сообщения. В глубине обороны было подготовлено несколько промежуточных рубежей.

О возможных намерениях гитлеровцев говорилось в одном из боевых донесений, которое было представлено Военным советом армии в штаб фронта. В донесении сообщалось, что противник, предположительно, готовится к отходу с идрицкого направления на полоцкое, то есть туда, где в этот период вели успешное наступление войска 1-го Прибалтийского фронта.

Подготовка к предстоящим боям велась у нас полным ходом. Полки 207-й стрелковой дивизии, находившейся в резерве армии, вместе с частями усиления отрабатывали на полевых занятиях практические действия в составе подвижной группы. На одном из таких занятий присутст-

вовал командарм с группой офицеров. Сопровождать его было поручено мне. Ехали в одной машине. Настроение у генерала Юшкевича после возвращения из Москвы было хорошее.

— Ну что, Семенов, скоро повоюем? — весело спросил он.

— Не знаю, товарищ командующий, — помедлив, ответил я. В последние дни мне пришлось выслушать несколько замечаний по работе отдела. Пустяковые по существу, они излагались в грубой форме. Меня не радовал такой, с позволения сказать, стиль. — Может, в ближайшее время мне придется уехать из армии...

— Откуда вы это взяли? — удивился генерал.

— Вы не раз высказывали неудовлетворение работой оперативного отдела. Возможно, уже подобрали себе более подходящего офицера...

— И не думайте об этом! Будем воевать вместе, — дружелюбно заключил генерал.

Этот случайный разговор не прошел даром. В дальнейшем Юшкевич проявлял больше сдержанности, тщательно выбирал выражения. Наши взаимоотношения стали почти нормальными, хотя добрым словом он вообще никого не баловал.

Закончив сосредоточение войск, командиры корпусов провели утром вместе с командирами дивизий рекогносцировку участков прорыва. Затем аналогичная работа началась в дивизиях, полках и батальонах.

Генерал Юшкевич на своем наблюдательном пункте заслушал и утвердил окончательные решения генералов Вахрамеева и Переверткина. Член Военного совета Андрей Иванович Литвинов тут же вкратце познакомил генералов с партийно-политической работой, проводимой политотделом армии в войсках. Перед политорганами стояла задача обеспечить безусловное выполнение боевых приказов, поднять наступательный порыв солдат и офицеров. В беседах, лекциях и докладах, а также на политинформациях особое внимание уделялось сообщениям Совинформбюро о победах Красной Армии на фронтах Отечественной войны. Мы должны были внести свой вклад в разгром врага.

Командный пункт армии переместился в деревню Хлыново, ближе к исходному положению войск, сосредоточенных на направлении главного удара. Наблюдательный

пункт командарма был оборудован на безымянной высоте юго-западнее населенного пункта Монино, в двух километрах от линии соприкосновения с противником.

9 июля войска армии полностью закончили подготовку к операции. Однако боевые действия начались не совсем так, как намечалось по плану.

2

Учитывая, что противник в любой момент может отойти с занимаемых позиций, наши соединения и части непрерывно вели разведку. В течение ночи на 10 июля немцы усиленно обстреливали боевые порядки и тылы наших войск, выпустив более 2000 снарядов и мин. Утром огневая активность противника резко снизилась. Авиаразведка фронта обнаружила на рассвете большое движение вражеских обозов и артиллерии в западном направлении. По данным авиаразведки, из Кудивери на Опочку прошло 500 повозок и 200 автомашин, из них 30 с орудиями на прицепе. Из Красного на Мякишево двигалось 300 повозок и столько же автомашин, многие из которых тоже имели орудия на прицепе. Из Опочки на Красногородское — 150 автомашин. Из Идрицы на Себеж — 200 автомашин. В Опочке летчики видели пожары, а это один из явных признаков, что противник готовится к отходу.

Едва взошло солнце, выделенные роты 150-й и 171-й стрелковых дивизий, действуя в качестве разведывательных отрядов, ворвались в немецкие траншеи и после короткого рукопашного боя овладели важной в тактическом отношении высотой. При этом было уничтожено до 80 фашистов и 42 захвачено в плен.

В первой половине дня генерал армии Еременко находился у нас на наблюдательном пункте. По его распоряжению на всем фронте армии была проведена разведка боем. Противник встретил ее сильным огнем. В 16 часов мы дополнительно ввели в бой по одному батальону от 150-й и 171-й дивизий 79-го стрелкового корпуса и два батальона от 219-й дивизии 93-го стрелкового корпуса. Преодолев сопротивление врага, эти батальоны за час овладели четырьмя населенными пунктами, захватив при этом пленных из 15-й латышской дивизии СС и 23-й пе-

хотной дивизии немцев. Пленные показали, что их части получили приказ начать отход в ночь на 11 июля. Наше неожиданное наступление спутало их планы, внесло неразбериху.

В небольшую брешь, пробитую в обороне противника батальоном 171-й дивизии, немедленно была брошена подвижная группа 79-го стрелкового корпуса. Эта группа, которую возглавил подполковник Бакулев, имела задачу овладеть Идрицей. Успех, наметившийся в 150-й стрелковой дивизии, был поддержан 991-м самоходно-артиллерийским полком, который, проявив инициативу, подчинил себе командир дивизии полковник В. М. Шатилов.

Продолжая наращивать активные действия, все соединения первого эшелона провели небольшую артиллерийскую подготовку, атаковали позиции противника, заняли ряд населенных пунктов, а затем перешли к преследованию отходящих гитлеровцев.

В 20 часов по сигналу командарма в полосе действий 93-го стрелкового корпуса была введена в сражение подвижная группа армии — 207-я стрелковая дивизия с частями усиления. Двигаясь двумя колоннами, она на большой скорости прошла передний край обороны в районе Харитоново. Там были в это время командарм, командующий артиллерией армии и я.

Солнце близилось к закату, наступали сумерки. Мимо нас, поднимая облака пыли, проносились машины с пехотой, с пушками на прицепе. Чувство гордости наполняло тех, кто видел это стремительное, хорошо организованное движение вперед лавины людей и техники.

К 24 часам подвижная группа достигла населенных пунктов Красное и Щукино, находившихся в 15 километрах от прежней линии фронта. Наступление войск не прекращалось всю ночь на всех направлениях.

Наш удар оказался настолько неожиданным для противника, что вначале немцы даже не успевали взрывать мосты и разрушать дороги. Лишь на следующие сутки, пытаясь закрепиться на промежуточных рубежах, используя для этого реки, болота и крупные населенные пункты, фашисты начали оказывать сопротивление. Вместе с тем они стали минировать и разрушать дороги, подрывать мосты и устраивать различные препятствия на путях движения советских войск.

Наши танки и пехота на автомашинах продолжали

преследовать разрозненные части гитлеровцев. Наступательный порыв был так велик, что преследование нередко походило на форсированный марш. Когда фашисты пытались задержать продвижение наших частей, применялся смелый маневр в сочетании с огнем: врага обходили с флангов и с тыла. В этих скоротечных боях наши солдаты и офицеры показывали примеры мастерства, мужества и отваги. Планомерный отвод сил противника удалось сорвать.

11 июля части 23-й пехотной дивизии немцев и 15-й латышской пехотной дивизии СС беспорядочно отступали на запад. Вечером начали отходить со своих позиций арьергарды 329-й пехотной дивизии, оборонявшейся против левого фланга армии, где действовала группа полковника Исаева.

Плененные в этот день в районе Мутузово командир роты пехотной дивизии и командир взвода этой же роты сообщили:

9-й пехотный полк имел задачу с 23.30 10.7 начать отход на заранее подготовленную линию оборонительных позиций под условным наименованием «Рейер», проходящую по командным высотам от Опочки на Себеж и отстоящую от переднего края его обороны в 40—50 километрах. Однако в связи с неожиданным прорывом русских 9-й пехотный полк не смог отступить на Красное, как указывалось в приказе, и вынужден был отходить разрозненными ротами на Печурки и Забеги. Командир полка подполковник Триппель убит при отходе. По рассказам солдат, командир 68-го пехотного полка этой дивизии полковник Цингер также погиб.

У убитого командира 9-го пехотного полка наши разведчики нашли приказ командира 23-й пехотной дивизии, подписанный 10 июля. В приказе тоже говорилось о предстоящем отходе на линию «Рейер». Саперному батальону дивизии ставилась задача производить разрушения в предполье, уничтожая в первую очередь мосты. Запасному батальону предписывалось с утра 11 июля сжечь все населенные пункты и отдельные строения перед позициями «Рейер». Всем частям дивизии приказывалось: «...При своем отходе угонять из деревень мужское население, скот и лошадей. При невозможности угона скота — уничтожать его. Гражданских лиц, встречаемых вне населенных пунктов, считать заподозренными в

сношениях с партизанами и немедленно расстреливать» *.

К счастью, выполнение этого зверского приказа было сорвано успешными действиями наших войск.

Развивая стремительное наступление и нанося противнику удары с флангов и тыла, части 79-го стрелкового корпуса 12 июля овладели городом Идрица и, не задерживаясь в нем, продолжали двигаться в западном направлении — на Себеж. У этого корпуса дела шли успешно. А на правом участке и на левом фланге армии враг оказывал сильное сопротивление, прикрывая отход своих главных сил. Во второй половине дня противник девять раз переходил в контратаки, используя для этого от батальона до полка.

Вечером на НП в районе населенного пункта Красное я написал по указанию генерала Юшкевича телеграммы, в которых ставились задачи корпусам на следующий день. 93-му стрелковому корпусу приказывалось форсировать реку Великая на участке Гужево, Шергини; в дальнейшем, наступая в западном направлении, форсировать реку Исса и овладеть латвийским городом Зилупе. Для 79-го стрелкового корпуса основной задачей на 13 июля ставился захват города Себеж; затем форсирование реки Исса и овладение крупным населенным пунктом на территории Латвии — Пасиене. Подвижная группа армии (207-я стрелковая дивизия) частью сил должна была содействовать 79-му корпусу в захвате Себежа, а основными силами наступать на Зилупе.

Эти короткие телеграммы были подписаны командармом, членом Военного совета и без промедления переданы по радио адресатам.

В тот же вечер мы слушали сообщение московского радио: передавался приказ Верховного Главнокомандующего. В приказе, в частности, говорилось: «Войска 2-го Прибалтийского фронта, перейдя в наступление из района северо-западнее и западнее Новосокольники, прорвали оборону немцев и за два дня наступательных боев продвинулись вперед до 35 километров, расширив прорыв до 150 километров по фронту. В ходе наступления войска овладели городом и крупным железнодорожным узлом Идрица...»

---

* Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 363, лл. 49—50.

Эта часть сообщения непосредственно касалась нашей армии.

В ознаменование достигнутого успеха Москва салютовала войскам нашего фронта двадцатью артиллерийскими залпами. 150-й, 171-й и 219-й стрелковым дивизиям, а также некоторым танковым и самоходным частям 3-й ударной было присвоено наименование Идрицких.

Группа офицеров, особо отличившихся в последних боях, была награждена орденом Красного Знамени. Среди них — командир саперной роты капитан Дмитрий Михайлович Каракулин, предотвративший взрыв железнодорожного моста через реку Великая.

Стремительно ворвавшись с группой саперов на мост, Каракулин перебил охрану, а часть гитлеровцев захватил в плен. Один из раненых немцев ползком подкрался к бикфордову шнуру, чтобы поджечь его. Но гитлеровца заметили наши бойцы.

Захватив мост в целости и сохранности, советские войска без задержки переправились через реку к городу Идрица.

В развернувшихся боях особенно проявилось умелое взаимодействие пехоты с артиллерией. Орудийный расчет гвардии старшего сержанта Монахова из 163-го гвардейского истребительно-противотанкового полка прямой наводкой уничтожил вражеский пулемет, расчистив тем самым путь пехоте. Пехотинцы старшего лейтенанта Чиколина из 598-го стрелкового полка тоже не остались в долгу: они протащили пушку сержанта Монахова на руках через болото.

К вечеру 13 июля войска армии на отдельных участках форсировали реку Великая к югу от Опочки и вышли к подготовленному немцами оборонительному рубежу, где встретили упорное сопротивление. Это и была линия «Рейер», на которую отходили полки 23-й и 329-й вражеских пехотных дивизий, усиленные полевой артиллерией и штурмовыми орудиями. Опираясь на заранее оборудованные позиции, гитлеровцы огнем и контратаками стремились задержать наступление наших передовых частей.

Нам пришлось остановиться, провести дополнительную разведку, подтянуть артиллерию и полки вторых эшелонов. Но остановка была недолгой. 14 июля, прорвав вторую оборонительную полосу противника, соединения 3-й ударной армии продолжали развивать наступление.

Действия наших войск были настолько стремительны, что многие подразделения противника оказались отрезанными от основных сил. Гитлеровцы рассеялись по лесам, где их вылавливали и брали в плен связисты, саперы, химики, бойцы тыловых подразделений. В плен сдавались по своей инициативе целые группы немецких солдат, оказавшихся в тылу наших наступавших частей.

Интересный случай произошел 13 июля, когда во главе с двумя командирами рот сдалось сразу 174 немецких солдата. Дело было так. Понимая, что положение безвыходное, обер-лейтенант Гофман собрал разбежавшихся по лесу солдат разных подразделений и предложил им организованно сдаться. Те согласились. Оставив группу в лесу, Гофман вышел на дорогу, чтобы сообщить кому-либо из русских о своем намерении. Остановив проходившую машину, обер-лейтенант объяснил, что ему нужно. Затем построил своих солдат и в сопровождении наших бойцов повел их на сборный пункт.

Один из пленных унтер-офицеров заявил следующее:

6 июля наш командир роты лейтенант Хандель сообщил солдатам, что получен совершенно секретный приказ Гитлера, в котором от солдат Северной группы армий требуется удерживать занимаемые позиции до последней капли крови. Солдаты выслушали сообщение о приказе Гитлера с иронией: «Сколько раз можно говорить об одном и том же, зная, что все равно это бессмысленно?! Если русские начнут наступать, не поможет и наша последняя капля крови». Присутствовавший при этом солдат Мюллер проколол себе иглой палец и, выжав каплю крови, сказал: «Ну вот, свою каплю я отдал, теперь имею право сдаться в плен».

16 июля 379-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник П. К. Болтручук, с помощью партизан обошла лесными дорогами левый фланг себежской группировки противника. Маневр был смелый и неожиданный. Исход борьбы за город был предрешен.

В 8 часов 30 минут дивизии 79-го стрелкового корпуса штурмом овладели городом и станцией Себеж — важным узлом шоссейных дорог, мощным укрепленным районом немцев на пути в Прибалтику. Это была значительная победа!

Мы выбивали врага с последних метров древней русской земли. В войсках в эти дни царил особый подъем.

Группа бойцов 1255-го стрелкового полка, которым командовал подполковник А. И. Морозов, получила приказ перерезать пути отхода противника по дороге Опочка — Лудза. Пройдя в тыл врага, группа из 60 человек стремительной атакой овладела деревней Янчево и заняла оборону. Немцы не заставили себя долго ждать. Вскоре на дороге появились их отступавшие подразделения.

Встреченные огнем советских бойцов в своем тылу, гитлеровцы не на шутку перепугались. Еще не разобравшись, в чем дело, они быстро подтянули сюда несколько подразделений общей численностью до 800 человек. Завязался неравный бой, который продолжался шесть часов.

Командир отделения младший сержант Алексей Алымов метко стрелял из станкового пулемета. Много уложил он фашистов, но и сам получил ранение, а пулемет его был разбит. Восемь осмелевших гитлеровцев бросились к советскому бойцу, надеясь взять его живым. Когда они приблизились на 10—15 метров, в них полетели гранаты. Трое фашистов упали замертво, а один, преодолев броском оставшееся расстояние, кинулся на Алымова. Рукопашная схватка была короткой. Победителем оказался мужественный младший сержант.

Выхватив у немца автомат, Алымов уничтожил еще двух вражеских солдат. Остальные убежали. Только после этого Алымов почувствовал, что ранен вторично. Но больше всего его беспокоило то, что он оторвался от товарищей.

«Надо во что бы то ни стало пробраться к ним», — решил Алымов. Преодолевая страшную боль, младший сержант пополз к холму, где находились бойцы его отделения. Тут его настигла третья вражеская пуля. Но Алымов все-таки продолжал ползти.

Достигнув цели и узнав, что офицер, возглавлявший группу, погиб, младший сержант Алымов, несмотря на три ранения, принял командование. Под покровом ночи он вывел людей в расположение своего полка. Задание было выполнено. Враг недосчитался нескольких сот солдат и офицеров. Только от меткого огня Алексея Алымова он потерял более 50 человек.

За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, Алексею Алымову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Продолжая наступление, войска нашей армии 17 июля выбили противника из ряда населенных пунктов и вышли к реке Зилупе. Немцы оказывали огневое сопротивление с западного берега. Впереди была Латвия!

Идрицко-Себежская операция закончилась. За семь дней войска армии прошли с боями около 100 километров. Ограниченность наших сил и противодействие неприятеля не позволили развить прорыв в оперативный и наступать более высокими темпами. Нашим войскам приходилось преодолевать упорное сопротивление отходивших частей врага. Это вело к потерям личного состава и ослаблению дивизий. Некоторые наши соединения за неделю боев потеряли убитыми и ранеными до 1000 человек.

В ходе операции войска ощущали острый недостаток горючего. Армия начала подготовку к операции, имея небольшие запасы, которых хватило лишь на сосредоточение войск. А в период наступления горючего из тыла доставлялось слишком мало. При суточной потребности в 80 тонн войска армии за первые два дня операции получили только половину того, что требовалось.

Не все оказалось гладко и в снабжении боеприпасами. В частности, недоставало снарядов для дивизионной артиллерии. Ощущались перебои и в доставке продовольствия. Мука в дивизии поступила с опозданием, накануне наступления. Создать запасы печеного хлеба в соединениях не успели. К тому же муки оказалось мало, для того чтобы полностью обеспечить все войска армии. Сухарей, которые могли бы заменить хлеб во время наступления, армия не получила.

Главная же беда заключалась в отставании дивизионных тылов, их обменных пунктов. Тыловой службе недоставало автотранспорта: значительная часть машин была взята в подвижные группы для перевозки войск. Из армейского транспорта для подвоза материальных средств было оставлено всего 50 грузовых автомобилей. Для этих же целей использовалось 75 автомобилей, выделенных фронтом.

С фронтовых баз снабжения требовалось ежедневно подавать в войска армии 600 тонн различных грузов. С такой задачей при растяжке коммуникаций до 150 километров наличным автотранспортом справиться было трудно. Поэтому с первых дней наступления нормальное снабжение войск армии было нарушено. А это в свою очередь не могло не отразиться на ходе всей операции.

3

В ночь на 18 июля войска 3-й ударной армии форсировали небольшую речку Зилупе и вступили на территорию Латвии. Противник вел сильный артиллерийский и минометный огонь, стремясь остановить наши части. Особенно упорно оборонялись немцы в полосе 93-го стрелкового корпуса, который вышел к реке первым и с ходу начал переправляться.

Бои повсеместно достигли высокого накала. Трудно перечислить подвиги, совершенные тогда нашими бойцами, но один из них навсегда врезался в мою память. Когда я слышу песню «На безымянной высоте», невольно думаю о бойцах взвода старшего сержанта Х. Р. Ахметгалина из 1-го батальона 375-го стрелкового полка 219-й стрелковой дивизии.

Возле деревни Сунуплава, неподалеку от районного центра Рундены, немцы заранее подготовили промежуточный рубеж, проходивший по выгодно расположенным высотам. Наши бойцы были остановлены ливнем пуль. Однако роте, в которую входил взвод старшего сержанта Ахметгалина, все же удалось вплотную приблизиться к небольшой безымянной высоте за деревней. Стремительной атакой бойцы ворвались на высоту и начали закрепляться.

В это время противник предпринял сильную контратаку во фланг наступавшим подразделениям и заставил их отойти. Десять советских бойцов во главе со старшим сержантом Ахметгалиным, оставшиеся на высоте, оказались в окружении. Двое суток небольшая группа отважных солдат сражалась с превосходящими силами противника, отбивая его многочисленные атаки.

Мужественный сын башкирского народа старший сержант Хакимьян Рахимович Ахметгалин был смелым и опытным воином. Он не раз водил своих бойцов в атаку,

бывал в рукопашных. Свидетельством его доблести и геройства были три правительственные награды. Гибель старшего сержанта на безымянной высоте острой болью отозвалась в душах бойцов: они поклялись насмерть стоять на занятом рубеже, отомстить врагу за своего командира.

Немцы обстреливали высоту из орудий и минометов. На нее сбрасывали смертоносный груз вражеские бомбардировщики. Но ничто не могло сломить стойкость бойцов, которых возглавлял теперь командир отделения сержант П. К. Сыроежкин, хотя защитников высоты становилось все меньше. Раненые, превозмогая боль, продолжали драться с неослабевающим упорством. После трех ранений выбыл из строя младший сержант М. С. Чернов. Четвертая рана оказалась смертельной для рядового Ф. И. Ашмарова. Были убиты рядовые Я. С. Шакуров и Т. Тайгараев, тяжело ранен и засыпан землей при взрыве бомбы рядовой Урунбай Абдуллаев. Но безымянная высота держалась.

Иногда гитлеровцам удавалось подобраться на бросок ручной гранаты. Они кричали: «Рус, сдавайс!» Но отважные воины отвечали огнем автоматов, заставляя врага откатываться назад. Фашисты и не подозревали, что против них сражаются лишь четверо советских солдат.

Вновь на позицию храбрецов обрушился шквал минометного огня. За ним — очередная атака гитлеровцев. Погибли рядовые Чукат Уразов и Михаил Шкураков. Вражеская пуля сразила сержанта П. К. Сыроежкина. В живых остался только старший сержант В. А. Андронов. Заняв выгодную позицию, он готов был продолжать борьбу один. Но противник начал поспешно отходить под напором атакующего батальона.

Павших воинов похоронили на безымянной высоте. Прозвучал прощальный салют: бойцы отдавали последний долг своим товарищам по оружию.

Всем участникам боев на безымянной высоте Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза. Этой высшей чести удостоились: старшие сержанты Хакимьян Рахимович Ахметгалин и Василий Антонович Андронов, сержант Петр Константинович Сыроежкин, младший сержант Матвей Степанович Чернов и рядовые Федор Иванович Ашмаров, Яков Савельевич Шакуров,

Михаил Ермилович Шкураков, Чукат Уразов и Токубай Тайгараев.

Звание Героя было присвоено и рядовому Урунбаю Абдуллаеву. Он значился в числе погибших. Но о нем следует рассказать особо.

...Над безымянной высотой — в который уж раз — появились вражеские бомбардировщики. Урунбая ранило осколком бомбы, отбросило в сторону и засыпало землей. Он был похоронен заживо. Когда раненый выбрался на свет, гитлеровцы как раз предприняли очередную атаку. Им удалось приблизиться к позициям уцелевших бойцов. Фашисты достигли того места, где находился окровавленный Урунбай Абдуллаев. Он оказался в плену.

Через несколько дней Абдуллаев бежал из плена. Однако попал в другую наступающую часть. Связь с однополчанами оборвалась. Солдат, получивший посмертно звание Героя Советского Союза, остался жив и продолжал сражаться с врагом. Но никто у нас не знал об этом.

На месте подвига поднялся обелиск, на мраморе которого среди имен павших сынов России, Украины, Киргизии, Узбекистана было начертано и имя каракалпака Урунбая Абдуллаева.

Минули годы. Солдат вернулся в родной колхоз. Он женился, построил дом, вырастил сад. Сын его пошел в школу. И лишь через семнадцать лет после подвига на безымянной высоте Урунбаю Абдуллаеву вручили Золотую Звезду и орден Ленина.

4

Форсировав реку Зилупе, наши дивизии за сутки продвинулись более чем на десять километров. Следующие три дня были менее успешными. Противник упорным сопротивлением сдерживал наше наступление. Однако атаки не прекращались, и немцы хоть и понемногу, но подавались назад.

Наш передовой командный пункт переместился на территорию Латвии, в поселок Пасиене. В глаза бросались чистота и опрятность, с какой содержались жилые и хозяйственные постройки. Ни мне, ни моим товарищам не приходилось бывать в Прибалтике до войны. Естественно, что у нас появился особый интерес к местам, где предстояло теперь действовать.

Исторически Латвия сложилась из трех частей. Видземе — это центральная и северо-восточная часть республики. Запад и юг именовались Курземе, а восточные районы — Латгалией. В различные периоды эти составные части республики находились под господством и влиянием различных государств, а затем долго сохраняли специфические особенности в экономике, языке, материальной и духовной культуре.

Развитие латгалов до XIV века шло под влиянием русской культуры. В XVII—XVIII веках Латгалия, ставшая частью Польши, испытывала воздействие латинской письменности и католицизма. После объединения Латвии в XVIII веке в составе Российской империи Латгалия, под названием Двинской провинции, была включена в Псковскую губернию. Позже она находилась в составе Полоцкой, Белорусской, а с 1802 года — Витебской губернии. Поэтому не случайно, что почти каждый латгалец говорил по-русски.

В буржуазной Латвии в период 1920—1940 годов Латгалия была самым отсталым районом. Она находилась на положении полуколонии у видземской и курземской буржуазии: население Латгалии, в основном малоземельные крестьяне и сельские ремесленники, рассматривалось как дешевая рабочая сила для кулаков и фабрикантов.

В то же время Латвия в целом являлась полуколонией иностранной буржуазии. Лишь после установления в 1940 году Советской власти латышский народ освободился от эксплуатации местной буржуазии и от ига иностранных империалистов.

Теперь, в июле 1944 года, войска 2-го Прибалтийского фронта вели бои за освобождение Латгалии от гитлеровских захватчиков. Местные жители встречали нас по-разному. Часть мужчин из богатых и зажиточных семей, сотрудничавших в период оккупации с немцами, ушла на запад. В этих семьях к нам относились сдержанно, а порой недружелюбно. В бедных же и средних семьях — а таких в Латгалии было большинство — советских солдат и офицеров встречали с радостью и благодарностью.

Жители освобожденных районов приносили в госпитали и медсанбаты молоко, сметану, яйца, ягоды для раненых. Когда им предлагали за эти продукты деньги, они говорили: «Три года немцам все отдавали бесплатно, а Красная Армия нас освободила. Денег от нее не возьмем!»

За время оккупации гитлеровцы выкачали из Латвии огромное количество продовольствия.

Обманным путем им удалось привлечь часть молодежи к службе в армии. Однако вскоре немцы были вынуждены пополнять латышские пехотные части СС в порядке мобилизации. Значительное число мобилизованных уклонялись от службы, дезертировали, скрывались в лесах, уходили к партизанам.

За связь с партизанами фашисты беспощадно расправлялись с населением. Жители деревни Барсуки спрятали партизана, который убил латышского националиста. Все население деревни было полностью уничтожено. И таких случаев нам рассказали немало.

С первых дней вступления наших войск на территорию Латвии огромная работа выпала на долю политорганов. Три года фашистская пропаганда отравляла сознание латышей ядом своих бредовых идей, распространяла невероятные небылицы о Красной Армии, о советских людях. Много потребовалось политработникам терпения и усилий, чтобы душевным словом открыть местным жителям глаза на правду, завоевать в короткий срок их доверие и дружелюбие.

3-я ударная медленно продвигалась вперед. Немцы комбинировали, сочетая отвод своих сил с активной обороной на заранее оборудованных рубежах. Боевые действия развивались примерно по такой схеме. Прорвав наспех занятую противником линию обороны, войска армии в течение одного-двух дней преследовали потрепанные части гитлеровцев, отходившие на следующий рубеж в своем ближайшем тылу. Потом все начиналось снова: наши дивизии после короткой подготовки предпринимали атаки на вражеские позиции. Не имея достаточного количества танков и артиллерии, пехота не могла рассчитывать на быстрый успех.

Нередко отдельным полкам и дивизиям удавалось проникать в глубину боевых порядков противника, выходить ему во фланги и в тыл. В таких случаях частный успех незамедлительно развивался вводом дополнительных сил и, как правило, завершался окончательным прорывом вражеской обороны. Сохранившиеся подразделения немцев уходили на следующий рубеж.

Следует иметь в виду, что силы и средства нашей армии не увеличивались. Количество дивизий оставалось прежним, а ведь они каждый день несли потери. Средний темп наступления в этот период не превышал 5 километров в сутки. С каждым днем наступать было все труднее. Чтобы поддержать хотя бы минимально необходимую плотность войск на направлениях активных действий, штаб фронта постепенно сокращал ширину полосы наступления 3-й ударной. Если в начале операции она превышала 40 километров, то к концу июля составляла примерно 25 километров.

В этих условиях при прорыве оборонительных рубежей усилия наших корпусов обычно сосредоточивались на смежных флангах. 93-й стрелковый корпус генерала Вахрамеева продолжал действовать на правом, а 79-й стрелковый корпус генерала Переверткина — на левом фланге армии. Хорошо, что погода стояла редкостная для этих мест — солнечная и сухая.

К 26 июля войска 3-й ударной, наступая южнее Резекне, вышли на линию шоссе Резекне — Даугавпилс. Правее продвигалась 10-я гвардейская армия. В боях за освобождение Резекне вместе с дивизиями гвардейской армии участвовала и наша правофланговая 391-я стрелковая дивизия полковника А. Д. Тимощенко.

В результате трехдневных упорных боев войска 3-й ударной выбили немцев с промежуточного рубежа и, уничтожая части прикрытия, стремительно пошли на запад. Только за 27 июля было освобождено 392 населенных пункта и захвачено много пленных из различных полков 23-й, 281-й и 329-й пехотных дивизий врага. В тот же день город Резекне удалось полностью очистить от гитлеровцев.

5

Противник не собирался оставлять Прибалтику. Наоборот, все его действия подтверждали, что он намерен обороняться упорно и стойко. О том же говорили и пленные.

Перешедший на нашу сторону с группой солдат командир роты 13-го автобатальона заявил, что на линии Мадона, Крустпилс силами саперных частей и местного населения продолжительное время строится оборонительный рубеж. Туда отходили крупные вражеские соединения.

В руки наших разведчиков попал приказ по 329-й пехотной дивизии, в котором объявлялось обращение генерала Шернера к солдатам. Написанное в обычном для гитлеровцев высокопарном стиле, оно было рассчитано на дальнейший обман и одурачивание подчиненных. Вместе с тем в нем косвенно давалась и общая оценка положения немецкой группировки в Прибалтике. В обращении говорилось:

Солдаты Северной армейской группы!

Фюрер в тяжелый час передал мне командование Северной армейской группой. Одновременно он передал и полномочия использовать для защиты Прибалтики все возможные силы и средства всех воинских частей, партийных и гражданских организаций.

Друзья! Враг стоит у ворот нашей родины. Это касается каждого, независимо от того, сражался ли он до сих пор на фронте или использовался в тылу. Вы можете быть уверены, что в ближайшее время я выловлю последних скрывающихся тыловиков и бездельников. Каждый метр земли, каждый охраняемый пост нужно защищать с горячим фанатизмом. Мы должны зубами вгрызаться в землю. Ни одно поле битвы, ни одна позиция не должны быть оставлены без особого приказа. Наша родина взирает на вас со страдальческим участием. Она знает, что вы, солдаты Северной группы, держите в своих руках судьбу войны.

Нерушимая вера в нашего фюрера, которого бог так явно сохранил для нас, придает каждому в тяжелые часы силу и твердость для фанатического сопротивления. Все и всё для фронта! Мы будем бороться и победим! Хайль фюрер!

Генерал-полковник Шернер *.

Да, противник имел самые серьезные намерения и готовился сопротивляться до последней возможности. На легкие успехи мы не рассчитывали.

К концу июля войска армии, преодолевая сопротивление гитлеровцев на многочисленных рубежах и позициях, вышли в район лубанских болот, находящихся в 40 километрах к западу от Резекне. Условия для действий войск усложнились до предела.

---

* Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 363, л. 67.

Полоса наступления армии в районе болот была сужена до 17 километров: генерал Юшкевич поровну разделил ее между корпусами. Начинался новый этап борьбы.

Позади у нас остались трудные наступательные бои. В сложных природных условиях, при крайне ограниченных силах и недостатке боеприпасов войска 3-й ударной прошли с боями более 200 километров, освободив от немецких захватчиков тысячи населенных пунктов.

Более двадцати дней длились бои. Все это время я находился с командующим армией генерал-лейтенантом В. А. Юшкевичем на передовом командном пункте, откуда осуществлялось управление войсками и почти ежедневно ставились или уточнялись задачи корпусам и дивизиям.

С основного командного пункта армии, где оставался генерал-майор В. Л. Бейлин, поддерживалась связь со штабами корпусов, со штабом тыла армии и с соседними армиями. Оттуда же обеспечивалась связь (в том числе и по ВЧ) со штабом фронта.

В июльских боях наиболее четко определился порядок перемещения командного пункта армии. Заключался он в следующем. Выделенная заранее группа офицеров штаба из трех-пяти человек, имевшая средства связи, двигалась за боевыми порядками наступавших соединений. По указанию командующего или начальника штаба армии эта группа выбирала и оборудовала какую-либо деревню или группу хуторов для размещения передового командного пункта. Когда оттуда устанавливалась связь с соединениями, командарм со своей оперативной группой переезжал на этот пункт. Управление войсками армии во время переезда командарма осуществлялось с основного командного пункта, возглавляемого начальником штаба армии.

После переезда командующего на новый передовой командный пункт начальник штаба переезжал со всем штабом на прежний передовой командный пункт, и он, таким образом, превращался в основной командный пункт армии. В зависимости от обстановки порядок переезда мог быть и иным. Сначала переезжал на старый передовой командный пункт начальник штаба армии со штабом, а затем уезжал на новый передовой командный пункт командарм со своей группой.

В среднем командный пункт армии перемещался один раз в два дня на расстояние от 20 до 30 километров. Обычно передовой командный пункт был удален от войск на 5—10 километров, а основной — на 10—20 километров. Очень часто в условиях наступления связь с корпусами поддерживалась только по радио. Отсутствие проводной связи с войсками не задерживало смены пунктов управления.

На передовом командном пункте, как правило, находились командующий армией, член Военного совета, начальник оперативного отдела, начальник разведки, заместитель начальника связи, командующий артиллерией, начальник инженерных войск, два-три офицера-оператора, один-два офицера-разведчика, один офицер из отдела связи, несколько артиллеристов и офицеров из политического отдела. Все они не только обеспечивали управление войсками, но и выезжали с командармом в дивизии, выполняли различные задания.

На основном командном пункте находился остальной состав штаба армии и штабов родов войск и служб. Второй эшелон командного пункта армии, на котором размещались службы обеспечения во главе с начальником тыла армии, располагался в 5—8 километрах от основного командного пункта.

Такое эшелонирование пунктов управления армии и последовательное их перемещение практиковалось в дальнейшем до конца войны. Однако и при этом разумном порядке не обходилось без недостатков. Например, передовой командный пункт армии в тот период не имел связи ВЧ, командующий фронтом не мог лично разговаривать по телефону с командармом, что нельзя считать нормальным в условиях наступательных боев. По той же причине командарм, находясь на передовом командном пункте, не мог вести переговоры по прямому проводу с командующими соседних армий.

В силу старой привычки многие генералы, в том числе и командармы, слабо использовали в то время радиосвязь. Телефон считался надежней, удобней. А между тем связисты сделали многое, чтобы радио работало безотказно и находилось всегда под рукой. Вообще — наши связисты заслуживали самых теплых слов.

Агриппина Яковлевна Лисиц и ее подчиненные долго вынашивали мечту создать подвижный узел связи. Тако-

го в войсках еще не было. Но наши товарищи понимали: это поможет оперативней управлять соединениями, особенно во время наступления.

Выпросив у начальника штаба армии пять грузовиков, Лисиц со своими помощниками взялась за проектирование. Связисты не имели ни ватмана, ни чертежных принадлежностей. Габариты аппаратуры измеряли портняжным сантиметром. На одном грузовике решено было разместить аппараты Бодо, на втором — СТ-35, на третьем — телефонную станцию и т. д. В горячке не сразу заметили, что дверь на одной из машин «запроектировали» на левой стороне кузова.

В армейской мастерской и в полку связи не было ни станков, ни оборудования для задуманного дела. Что предпринять? Вспомнили: во фронте есть целый ремонтный поезд. Стоял он в Торопце, далеко от передовой.

Лисиц на самолете отправилась туда. Все вышло удачно: ремонтники даже обрадовались настоящей работе. Начальник поезда и главный инженер рассмотрели и обсудили проект, указали на ошибки.

Прошло немного времени, и грузовики, оснащенные аппаратурой, прибыли в штаб армии. Подвижный узел связи по тем временам получился первоклассным. Достоинств у него было много. В период наступления он быстро снимался с места. Прибыв в новый район, связисты за несколько минут развертывали узел и без промедления приступали к работе.

6

Начался август. Войска 3-й ударной, наступая в общем направлении на Марциену, вели тяжелые бои в Лубанской низменности, представлявшей собой огромный массив сплошных и почти непроходимых болот. В полосе боевых действий армии массив этот простирался более чем на 30 километров. Несмотря на сухое лето, болота, прилегающие к озеру Лубана, не просыхали. Они являлись весьма значительным препятствием для войск и нашей и 10-й гвардейской армии. Хороших дорог здесь не было. По болотистым и лесистым тропам с трудом могла пройти только пехота с легким вооружением. Стоило сделать шаг в сторону, и человек оказывался по колено в трясине.

С другой стороны, такая местность способствовала немцам в создании устойчивой обороны небольшими силами. Фашисты взрывали мосты и гати на дорогах, строили различные препятствия на путях возможного движения наших подразделений, минировали лесные просеки и броды через многочисленные речушки, заваливали деревьями межозерные дефиле. Среди болот оборонялась 329-я пехотная дивизия противника, усиленная различными частями.

Преодолев большие болота Лиелайс и Тейчу, наши войска приблизились к довольно серьезной водной преграде — реке Айвиексте. Вытекая из озера Лубана, река пересекала полосу наступления армии в юго-западном направлении. Ширина ее не превышала 60 метров, однако глубина в наиболее доступных для форсирования участках доходила до трех метров, что полностью исключало преодоление Айвиексте вброд.

Передовые части 93-го стрелкового корпуса генерала Вахрамеева вышли к реке утром 6 августа и стремительным ударом овладели крупным населенным пунктом Лаудона, расположенным на юго-восточном берегу. После этого они сразу форсировали реку и до вечера вели упорный бой за расширение и удержание захваченного плацдарма. Немцы предприняли более десяти ожесточенных контратак, стремясь сбросить наши части в реку и восстановить утраченное положение. Их авиация непрерывно наносила массированные удары по боевым порядкам 379-й и 219-й стрелковых дивизий, которые наступали в первом эшелоне. Однако все контратаки гитлеровцев были отбиты и плацдарм остался в наших руках. А в ночь на 7 августа удалось форсировать Айвиексте и дивизиям 79-го стрелкового корпуса генерала Переверткина. Войска 10-й гвардейской армии генерала М. И. Казакова, действовавшие правее нас, преодолели этот водный рубеж еще 5 августа и продолжали наступать в направлении Мадоны. Наш левый сосед — 22-я армия вышла к Айвиексте восточнее станции Яункалснава, а на юге достигла устья небольшой реки Нерета.

В боях при форсировании Айвиексте особенно отличился командир отделения комсомолец сержант Константин Петрович Морозов из города Алпатьевска, Свердловской области. Немцы на противоположном берегу занимали ряд господствующих высот, превращенных в опорные

пункты. С высот хорошо просматривались подходы к реке, вся прилегающая местность находилась под огнем артиллерии, минометов и пулеметов противника.

Перед ротой, в которой служил Морозов, была поставлена задача форсировать на рассвете реку. Сержант разделся, связал ремнем свое обмундирование и незаметно переплыл Айвиексте. Выбрав удобную позицию, он огнем из автомата прикрыл переправу своих бойцов. Затем Морозов вместе с солдатами ворвался в немецкую траншею. Завязалась рукопашная схватка. Несмотря на то что сержант был дважды ранен, он все-таки уничтожил семь гитлеровцев. Выбивая гранатами немцев из траншей, Морозов получил еще два ранения, но, истекая кровью, продолжал сражаться.

Неожиданно сержант лицом к лицу столкнулся с немецким ефрейтором. Патроны и гранаты кончились, но Морозов не растерялся. Собрав последние силы, он нанес гитлеровцу несколько ударов малой лопатой, а потом схватил его за горло. Ефрейтор свалился. Но силы оставляли сержанта, вместе с немцем упал и он. Боевые товарищи нашли Морозова мертвым, его руки сжимали горло фашистского бандита.

Стремясь не допустить выхода войск 3-й ударной армии на линию железной дороги Мадона — Марциена, немцы усилили на этом направлении свою группировку за счет отдельных частей. В общей сложности перед фронтом армии, в 30-километровой полосе, действовало в первой линии не менее трех дивизий противника.

Утром 10 августа наш передовой командный пункт передвинулся ближе к наступавшим соединениям и разместился в одном из хуторов в трех километрах от линии фронта. Связь с командирами корпусов и дивизий была устойчивая. Мы надеялись, что в течение дня наши части, как обычно, продвинутся немного вперед. Но атаки наших войск успеха не имели: полки везде топтались на месте.

Немецкая артиллерия начала обстреливать район нашего передового КП, связь с основным командным пунктом резко ухудшилась. В 14.00 с большим трудом дозвонился до меня начальник штаба армии генерал Бейлин. Он передал, что к нам вылетает на По-2 командующий

фронтом Еременко. Я сообщил, что наш район находится под огнем противника, однако получил приказ встретить самолет командующего фронтом.

— Где Юшкевич? — сразу спросил Еременко.

Я ответил, что командарм и член Военного совета уехали к Вахрамееву. Доложил о группировке противника, о положении и состоянии наших дивизий. Подчеркнул, что соотношение сил — не в нашу пользу. Численность личного состава в немецких дивизиях достигала 7000 человек, а в наших едва насчитывалось по 3000. Противник отражал наши атаки огнем, не жалея боеприпасов, а мы почти не имели снарядов и мин.

Но генерал Еременко не дослушал меня. Он возмущался, что наши части нисколько не продвинулись за день. Высказал ряд справедливых замечаний, которые, кстати, относились не только к моей работе.

— Вы разбросали силы по всей полосе наступления армии. У вас нет выраженного сосредоточения сил на главном направлении. Ваш штаб отстал и не имеет возможности поддерживать связь с войсками.

Я молчал — все это было в какой-то степени правильно.

Командующий фронтом переговорил по телефону с командирами корпусов. Нашими делами он остался явно недоволен. Садясь в самолет, сказал:

— Как только появятся Юшкевич и Литвинов, передайте, чтобы ехали на основной командный пункт армии. Я их там буду ждать.

Что произошло дальше — не знаю. На другой день мне было приказано возвратиться с группой офицеров на основной командный пункт армии. Когда я прибыл туда и пошел доложить генералу Бейлину о нашем возвращении, он, против обыкновения, сидел безразличный и подавленный. Таким я его еще не видел.

— Что с вами, Вениамин Львович?

— Командующий фронтом отстранил меня от должности за потерю управления войсками, — ответил он.

Новость эта была неожиданной. Почти год я проработал под руководством генерал-майора Бейлина. Штабное дело он знал хорошо, с первых дней находился на фронте, отличался большой оперативностью, умело направлял действия подчиненных.

Недовольство командующего фронтом объяснялось, вероятно, тем, что наши соседи действовали гораздо успешнее. Пока мы медленно преодолевали лубанские болота, войска 1-го Прибалтийского фронта заняли города Бауска и Елгава, а его 3-й гвардейский механизированный корпус под командованием генерала В. Т. Обухова, нанеся удар на Тукумс в обход Риги, достиг побережья Рижского залива.

По сравнению с такими событиями наши результаты выглядели весьма скромно. До Риги оставалось пройти еще около 150 километров. Генерал Еременко считал, что рижскую группировку противника нам придется громить совместно с 1-м Прибалтийским фронтом, и поэтому требовал не останавливаться, бить и гнать врага на запад, не давая ему снимать части с нашего фронта и перебрасывать их против 1-го Прибалтийского.

7

В середине августа войска 3-й ударной и 10-й гвардейской армий подошли к обширному гористому району, так называемой средневидземской возвышенности, достигавшей высоты триста и более метров. Придавая важное значение этому участку, противник заранее готовил его к обороне. Через населенные пункты Гульбене, Эргли, Плявинас тянулся оборудованный рубеж «Мадона-линия», о которой мы много слышали от пленных. На этот рубеж отступили основные силы противника, действовавшие против 10-й гвардейской и 3-й ударной армий.

Наше движение приостановилось. Используя паузу, войска приводили себя в порядок, подтягивали тылы.

Генерал-лейтенант Юшкевич опять уехал лечиться. Во временное командование нашей армией вступил генерал-лейтенант М. Н. Герасимов — заместитель командующего 2-м Прибалтийским фронтом. Мне приходилось встречаться с Герасимовым после Великолукской операции: он неоднократно приезжал к нам по заданиям командующего Калининским фронтом. Михаил Николаевич Герасимов был весьма образованным и хорошо подготовленным генералом. Умел обходиться без крепких слов, умел учить, помогать, а не только кричать и требовать. Он не заботился о карьере, не стремился к высо-

ким постам. Он думал лишь о том, как лучше выполнить доверенное ему дело.

У нас в штабе в эти дни шла подготовка разгрома мадонской группировки противника. 13 августа была получена выписка из боевого приказа фронта, в которой определялась задача 3-й ударной. Наша армия должна была наступать в направлении города Эргли. Операцию намечалось начать 17 августа. Нам ставилась задача на следующий же день овладеть рубежом Цирсты, Эргли, Озолмуйжа.

Дополнительно в состав армии прибыл 100-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора Д. В. Михайлова. Кроме того, в полосе наступления нашей армии вводился 5-й танковый корпус генерал-майора танковых войск М. Г. Сахно. 3-я ударная и 10-я гвардейская армии, совместно действовавшие на рижском направлении, выполняли главную задачу фронта.

На планирование и подготовку операции оставалось только три дня. Чтобы быстрее довести задачу до войск, штаб армии отправил командирам корпусов выкопировки из карты-решения командарма: суть этого решения заключалась в том, чтобы нанести фронтальный удар силами трех корпусов на сравнительно узком участке.

15 августа к нам прибыл новый начальник штаба армии — генерал-майор Михаил Фомич Букштынович, хорошо знакомый по многим предшествовавшим боям. Это был безусловно одаренный человек. Несправедливо оклеветанный перед войной, он затем был реабилитирован и отлично зарекомендовал себя на фронте. Букштынович быстро ознакомился с делами штаба и сразу включился в работу. Первое, что он сделал — установил строгий контроль за подготовкой войск к наступлению. С этой целью во все корпуса и армейские части были высланы группы офицеров во главе с ответственными начальниками. Группу, поехавшую в 79-й стрелковый корпус, возглавил генерал Г. И. Шерстнев. В 93-й стрелковый корпус послали меня. В 100-й выехал сам генерал Букштынович.

Офицеры групп обязаны были проверить в корпусах и дивизиях планирование боя, знание противостоящего противника, проведение рекогносцировок и организацию взаимодействия между пехотой, танками и артиллерией. Требовалось проконтролировать скрытное занятие артил-

лерией огневых позиций, смену войск и занятие пехотой исходного положения для наступления, соблюдение мер маскировки и многое другое. Несмотря на весьма ограниченное время, наступательная операция готовилась тщательно и всесторонне. Вечером перед наступлением командирам корпусов было отправлено с офицерами связи распоряжение: «Командарм приказал: атака пехоты (Ч) на 17.8.44 назначена в 9 часов 30 минут утра. Букштынович». И далее приписка: «Шифром не передавать, послать в пакете».

Оперативность, четкость и предусмотрительность — эти черты сразу же проявились в работе нашего нового начальника. Он внимательно прочитал список офицеров штаба, выделенных для поездки с генералом Герасимовым на наблюдательный пункт, и написал: «НО-1. Список утверждаю. Выезд 5.00 17.8.44. С 6.00 начать проверку готовности связи и органов управления. В 7.00 прибудет на НП командарм. Букштынович. 16.8.44».

В этой краткой энергичной резолюции как в капле воды — стиль работы генерала Букштыновича. Буквально несколькими словами он определил время и поставил группе четкую задачу.

Было еще темно, когда мы прибыли на высоту, где саперы оборудовали наблюдательный пункт. Связь работала отлично. Как это часто бывает перед наступлением, стояла мертвая тишина, лишь изредка раздавалась короткая очередь пулемета или случайный винтовочный выстрел. Немцы периодически освещали ракетами подступы к своему переднему краю.

Рассвет постепенно раздвигал темный ночной полог, открывая покрытую лесом холмистую местность. Не верилось, что сейчас лопнет вдруг тишина и в этих мирных, дремлющих лесах начнется кровавый бой.

В 8 часов 55 минут загрохотали орудия. Леса и холмы затянуло дымом. После короткой, но сильной артиллерийской подготовки сразу пять наших дивизий атаковали позиции противника, с ходу форсировали реку Арона и начали развивать наступление в северо-западном направлении. Наибольший успех имели наши старые знакомые — 28-я стрелковая и 21-я гвардейская стрелко-

вая дивизии, вновь прибывшие к нам в составе 100-го стрелкового корпуса.

В полдень, как и предусматривалось планом операции, был введен в сражение 5-й танковый корпус. Он без задержки устремился к городу Эргли.

Немцы, не ожидавшие такого удара, поспешно откатывались на запад. Захваченный в плен командир отделения обер-ефрейтор Зеприк заявил: *Когда русские начали артподготовку, мы все побежали к реке. Огонь был настолько сильным, что едва ли кто уцелел из нашей роты. Когда русские перешли в атаку, я приказал своим солдатам поднять руки и всем отделением в составе семи человек сдаться в плен.*

Фашистам крепко досталось в тот раз от нашей артиллерии, от наших бойцов. За день до боя командир роты старший лейтенант Ложечников получил награду — орден Александра Невского. При этом Ложечников дал слово, что его рота с честью выполнит поставленную задачу. Слова отважного офицера не разошлись с делом. Рота первой форсировала реку Арона, уничтожила более 30 гитлеровцев и захватила 12 пленных.

Храбро сражались гвардии рядовые Михаил Савенков, Иван Малиновский и Александр Уколов. Переправившись через реку, они ворвались в траншею гитлеровцев, уничтожили четырех немцев, семерых захватили в плен. В тот же день герои были награждены орденом Славы III степени.

Достигнув успеха в начале операции, мы стремились развить его. Войска двигались вперед с непрерывными кровопролитными боями. Утром 18 августа 150-я стрелковая дивизия овладела городом Марциена. Передовые части 5-го танкового корпуса прорвались в район Эргли, преодолев более 30 километров и выполнив свою задачу. Однако во второй половине дня противник нанес мощный контрудар пехотой и танками по левому флангу 79-го стрелкового корпуса. При отражении этого контрудара погиб полковник И. П. Микуля, энергичный и смелый командир 207-й стрелковой дивизии.

Когда об этом трагическом случае докладывал генерал Переверткин, я с генерал-лейтенантом Герасимовым находился на НП. Обстановка на участке корпуса продолжала оставаться напряженной. Семен Никифорович Переверткин просил скорее назначить нового командира

дивизии. Я давно уже хотел перейти на командную должность и попросил командарма:

— Пошлите меня.

— Нет, товарищ Семенов, — ответил он, — командира дивизии нам могут прислать завтра, а вот начальника оперативного отдела быстро не подберешь.

Отказ был вежливый, но твердый.

Через два дня отдел кадров фронта прислал нового командира 207-й дивизии — полковника А. В. Порхачева. А я так и остался на своей должности.

Немецкое командование ввело на участке нашего наступления три свежие пехотные дивизии. В течение десяти дней они непрерывно контратаковали наши войска, стремясь во что бы то ни стало задержать их продвижение. Только 22 августа фашисты предприняли против 3-й ударной более тридцати контратак. Немецкая авиация весь день бомбила боевые порядки 5-го танкового и 100-го стрелкового корпусов, имевших наибольший успех. Всего за сутки было произведено более 500 самолето-вылетов.

Вечером того же дня гитлеровцы при поддержке танков, артиллерии и авиации предприняли одновременную контратаку силами нескольких полков. После ожесточенного боя они оттеснили на восточный берег реки Огре передовые подразделения и части 21-й гвардейской и 28-й стрелковой дивизий, находившихся на подступах к городу Эргли.

В очень трудном положении оказались части 5-го танкового корпуса. Им пришлось с боем пробиваться из окружения.

Только после многодневных и упорных боев войска 3-й ударной армии вышли наконец в район Эргли и южнее его. Обе стороны понесли значительные потери. Положение стабилизировалось, на фронте наступило некоторое затишье.

Соседние с нами армии тоже перешли к обороне. В полосе 1-го Прибалтийского фронта противнику удалось оттеснить 3-й гвардейский механизированный корпус генерала Обухова от побережья к Елгаве. Бои там шли западнее Добеле и около Шауляя.

В батальонах нашей армии осталось мало людей, были израсходованы почти все боеприпасы. На наши просьбы штаб фронта отвечал: «Ничем помочь не можем.

Москва все внимание сейчас уделяет фронтам, действующим на главных направлениях».

А между тем части противника усиленно пополнялись людьми, оружием, техникой и боеприпасами. Пленные из 553-го пехотного полка сообщили, что 24 августа в Ригу из Данцига прибыло три больших транспорта. На том транспорте, где следовали они, находилось 2000 солдат и танки. На двух других транспортах были орудия, боеприпасы, автомашины и пехота.

27 августа маршевый батальон численностью 300 человек прибыл на подкрепление 553-го пехотного полка в район Эргли.

По другим данным нашей разведки, в этот же день из Риги на восток проследовало еще три маршевых батальона. Было ясно, что бои предстоят тяжелые.

8

Почти весь сентябрь 3-я ударная медленно продвигалась к Риге. Немцы бросали против нас свежие дивизии, в том числе 14-ю танковую. Однако остановить армию им не удалось.

К концу месяца части 79-го стрелкового корпуса вышли в районе станции Кайбала к реке Даугава и форсировали ее, использовав подручные средства и понтонный мост, наведенный саперами возле населенного пункта Яунелгава.

27 сентября 3-я ударная получила из штаба фронта приказ переправиться на юго-западный берег реки всеми силами, совершить марш в район южнее Елгавы и сменить оборонявшиеся там войска 51-й армии 1-го Прибалтийского фронта. Одновременно на левый берег Даугавы переправлялись в районе Кокнесе войска 22-й армии.

Решением Ставки крупные силы советских войск сосредоточивались в районе Шауляя, откуда им предстояло нанести удар на Клайпеду (Мемель) и выйти к Балтийскому морю на участке Паланга, Клайпеда, устье реки Неман. Это мыслилось для того, чтобы перерезать пути отхода прибалтийской группировки немцев в Восточную Пруссию.

Генерал Букштынович поручил мне подготовить план передвижения всех наших дивизий и частей усиления.

Одновременно мой заместитель подполковник Тур разработал плановую таблицу марша и написал приказ на марш.

В первом эшелоне двигались дивизии 79-го стрелкового корпуса. Они должны были 1 октября сосредоточиться в районе Яунземьи, Брамберде, Стапатас. Во втором эшелоне, на сутки позже, следовали дивизии 100-го стрелкового корпуса.

Утром 29 сентября командующий армией и член Военного совета с небольшой группой офицеров выехали на автомашинах в штаб 51-й армии. Погода стояла сухая, дороги были хорошие. К вечеру мы оказались на месте. Пока генерал Юшкевич знакомился у генерала Крейзера с обстановкой, я встретился с начальником штаба армии генералом Я. С. Дашевским. Он коротко рассказал о своих войсках, о группировке противника, затем дал мне заранее подготовленную для нас карту с положением войск и штабов 51-й армии. Наши разведчики, связисты и артиллеристы получили в соответствующих отделах штаба этой армии необходимые им сведения.

Смена войск происходила в течение двух ночей. Для контроля за перегруппировкой в полки и дивизии разъехались офицеры штаба и политического отдела армии. Я с заместителем начальника разведотдела подполковником Алешиным и артиллеристом майором Буцким отправился на окраину Елгавы, на командный пункт командира 207-й стрелковой дивизии полковника А. В. Порхачева. В недавних боях, при отражении войсками 51-й армии контрудара противника, город наполовину сгорел. Мы находились на пепелище. Осенняя ночь была темной и холодной. На переднем крае было неспокойно, то и дело вспыхивала пулеметная перестрелка. Опасаясь нашей разведки, немцы непрерывно освещали ракетами подступы к своим позициям.

По данным штаба 51-й армии, противник на этом направлении имел до четырех танковых и четырех пехотных дивизий: ту самую группировку, которая участвовала здесь в нанесении контрудара в конце сентября. В ее составе могло быть до 300 танков и свыше 800 орудий и минометов. Однако следовало учитывать, что часть этих соединений фашисты могли вывести в резерв или перебросить в другое место. Нашей разведке предстояло в первую очередь уточнить все это.

А. П. Крылов

Е. А. Костинский

Разведчики 33-й стрелковой дивизии. В центре — А. А. Бабанин, слева от него — П. Г. Писанка, справа — Б. М. Аврамов

А. К. Макарьев

И. С. Юдинцев

М. П. Медведев

Н. И. Гутченко

К. Н. Галицкий

И. И. Дудков

Город Холм. Так выглядела Октябрьская улица после боев

И. Я. Сухацкий

Г. Г. Галимов

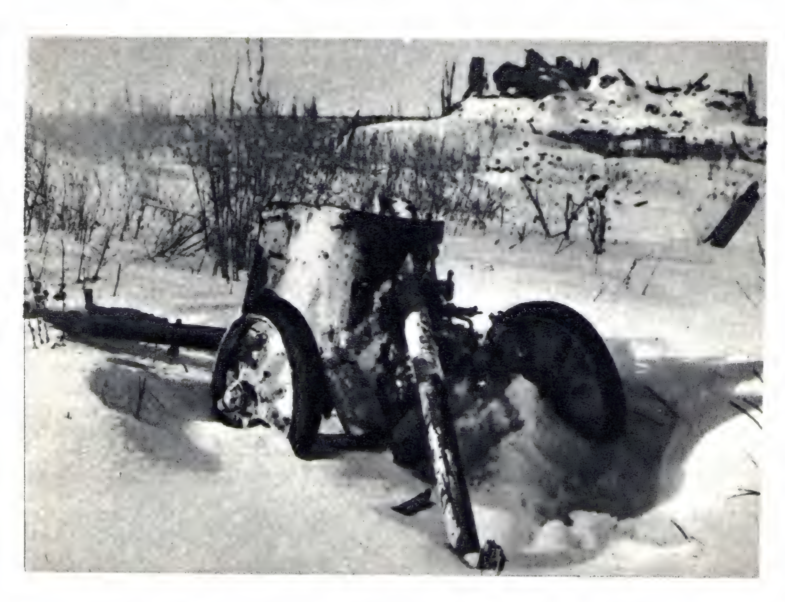
«Фокке-вульф», подбитый нашими артиллеристами на аэродроме

А. А. Дьяконов

И. Ф. Топоров

Орудие, брошенное противником под Великими Луками

Д. В. Михайлов

И. С. Лихобабин

Проволочное заграждение, установленное гитлеровцами на льду реки Ловать

Я. Г. Кочергин

М. С. Тур

Позиция немецкой минометной батареи, оборудованная в овраге

М. Ф. Рыжикова

Н. П. Брагинцев

В. М. Звонцов

К. Д. Печенкина

А. И. Литвинов

В. Л. Бейлин

Церковь, оборудованная противником как опорный пункт. Видны амбразуры для пулеметов

В. А. Юшкевич

И. П. Микуля

А. С. Буцкий

Зинаида Розанова

Н. П. Войно

А. Я. Лисиц

Вражеский легкий танк, закопанный в землю

Н. П. Симоняк

И. И. Морозов

Н. С. Федотов

К. К. Муравьев

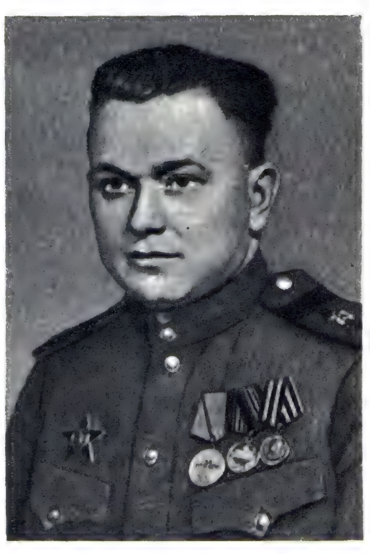
В. И. Смирнов

Б. В. Вишняков

Елизавета Симакова

Д. И. Ходько

М. Ф. Букштынович

В. И. Кузнецов

И. П. Корявко

А. И. Негода

В. М. Шатилов

С. Н. Переверткин

Расчет гвардии младшего сержанта А. Н. Гуссейнова на одной из улиц Берлина

Встретились братья в Берлине!

Основные силы 3-я ударная сосредоточивала на елгавском направлении. Сюда выдвинулись дивизии 79-го корпуса с четырьмя отдельными артиллерийскими полками. Корпус получил задачу не допустить прорыва пехоты и танков противника в южном и юго-восточном направлениях. 100-й стрелковый корпус с 39-й противотанковой артиллерийской бригадой оборонялся на левом фланге армии. Правее нас находилась 22-я армия; слева действовали войска 51-й армии.

Пока наши дивизии занимали отведенные им полосы, в штабе армии разработали план, в котором определялись начертание и последовательность инженерного оборудования позиций. Были предусмотрены варианты отражения возможного наступления противника, подготовка контратак и контрударов корпусов и дивизий, организация взаимодействия пехоты с артиллерией, создание противотанковой обороны на танкоопасных направлениях, организация устойчивого управления и материально-технического обеспечения.

Однако события в тот период развивались столь стремительно, что многие пункты тщательно разработанного плана остались на бумаге.

5 октября 1-й Прибалтийский фронт нанес удар на клайпедском направлении, в результате которого более 30 немецких дивизий оказались отрезанными от Восточной Пруссии. В ходе наступательных боев были захвачены пленные 7-й танковой дивизии и танковой дивизии СС «Великая Германия», показавшие, что их части переброшены из района Добеле. До получения этих сведений мы предполагали, что указанные дивизии действуют перед войсками нашей армии. Снова потребовалось срочно выяснить, какой же противник находится перед нами. Во всяком случае, было ясно, что фашисты ослабили свою группировку перед 3-й ударной.

На рижском направлении 42-я и 10-я гвардейская армии нашего фронта совместно с войсками 3-го Прибалтийского фронта, который наступал с северо-востока, продолжали медленно продвигаться к столице Латвии. Немцы, боясь, что их отрежут восточнее Риги, в ночь на 6 октября начали постепенно отводить свои войска в западном направлении. Одновременно они усиленно готовились к эвакуации города. Еще вечером 4 октября нашей разведкой была перехвачена радиограмма следующе-

го содержания: «Зимнее обмундирование получить не удалось, так как эвакуация Риги в полном разгаре. Что делать?»

Разведчики, находившиеся в тылу врага, видели сплошное движение обозов, войск и артиллерии по шоссе из Риги на Тукумс. В этом же направлении гнали большие гурты скота.

Воздушная разведка фронта 6 октября тоже сообщила, что противник отводит свои тылы. В донесении летчиков говорилось: «Из Риги через Слока на Тукумс прошло до 900 автомашин, 250 повозок и до батальона пехоты; от Риги на Джуксте прошло до 300 автомашин и 100 повозок; от Тукумса на северо-запад — до 400 автомашин». Характерно, что в обратном направлении в это время двигались лишь одиночные автомашины.

Все эти данные, взятые вместе, позволяли нам сделать вывод: в обороне долго не засидимся!

9

Можно назвать немало армий, в которых командующие в годы войны менялись редко или даже вообще не менялись. Генерал Чуйков, ставший впоследствии Маршалом Советского Союза, провел свою армию от берегов Волги до самого фашистского логова. Естественно, что такие генералы знали командный состав и потенциальные возможности своих войск, у них сложились устойчивые взаимоотношения с подчиненными. Значительно меньше сказывался на управлении войсками фактор субъективности, значительно проще было работать штабу.

3-й ударной в этом отношении не повезло. В начале октября 1944 года у нас вновь сменился командующий. Вместо генерала В. А. Юшкевича прибыл генерал-лейтенант Н. П. Симоняк — Герой Советского Союза, отличившийся при обороне полуострова Ханко и при защите Ленинграда. Он возглавлял 30-й гвардейский стрелковый корпус, который участвовал в снятии блокады города Ленина.

Среднего роста, плечистый, крепкий, генерал Симоняк одевался по-кавалерийски: носил синюю венгерку, отделанную серым мехом. Папаху сдвигал немного набок, что придавало ему этакий молодцеватый вид. Говорил генерал мало и кратко.

В первый день, даже не познакомившись со штабом, он отправился в войска.

У нового командарма оказалось много таких особенностей и привычек, которые нельзя было не учитывать при работе с ним. Николай Павлович Симоняк любил, например, «чувствовать пульс боя», как он выражался. Он требовал, чтобы наблюдательный пункт для него оборудовали близко от переднего края — на уровне позиций 82-миллиметровых минометов. Это вызывало порой большие трудности: далеко не всегда в нужном районе оказывалась высота, с которой просматривался бы значительный участок местности.

Было принято, чтобы на НП вместе с командармом находился начальник оперативного отдела. Но Симоняк изменил этот порядок.

— Для вас, Семенов, достаточно работы в штабе, — сказал он. — А мне хватит хорошего офицера-оператора.

Генерал Букштынович попытался вежливо возразить командарму, но бесполезно.

Я выделил в группу командарма на наблюдательный пункт одного из опытнейших наших офицеров — подполковника Бориса Васильевича Вишнякова. Он начал войну на границе, дважды пробивался из окружения, прошел большую практическую школу и в обороне и в наступлении. Кроме того, Борис Васильевич отличался завидной уравновешенностью, вдумчивостью. Он сразу пришелся по душе новому командарму, и у них не возникало никаких трений.

У Симоняка наблюдалось ярко выраженное стремление чаще бывать в частях, непосредственно на передовой. Он был человеком конкретных дел, любил руководить сам, без посредства различных инстанций. Часто выезжая в боевые порядки дивизий, он давал указания на местах.

Новый командарм не требовал комфорта: мог спать на досках и на соломе. Ел из общего котла, не брал в рот хмельного.

Ежедневно общаться, разговаривать с солдатами было его потребностью. Почти каждый вечер, поставив очередные задачи войскам, Симоняк уезжал в какое-нибудь подразделение. Иногда это была артиллерийская батарея, иногда — рота, расплагавшаяся на отдых где-либо в сарае. Генерал попросту присаживался к огоньку и как-то

сразу сливался с солдатской массой — люди не чувствовали стеснения в его присутствии. Завязывался непринужденный разговор о солдатских нуждах, о приемах ведения боя, о международных вопросах, о поведении наших бойцов на вражеской земле — словом, обо всем понемногу. Было такое впечатление, что Симоняк в подобных беседах проверяет себя, свои действия, черпает духовные силы. Ну и, разумеется, настроение солдат он знал превосходно.

Когда готовилась к печати рукопись этой книги, ее прочитал по заданию редакции участник Великой Отечественной войны полковник Б. А. Борисов. В своем отзыве он привел эпизод, ярко характеризующий генерала Симоняка. На мой взгляд, эпизод этот настолько типичен, что я решил полностью воспроизвести его здесь.

Вот что пишет товарищ Борисов:

Дело было на Ленинградском фронте накануне боев за прорыв блокады, значит, где-то в первых числах января 1943 года. Генерал Говоров проверял подготовку 136-й дивизии, которой командовал Симоняк (30-м гвардейским стрелковым корпусом он командовал год спустя, при снятии блокады Ленинграда). Видя необычно быстрый бросок, командующий фронтом было усомнился: не на середине ли реки пролегли исходные позиции? Симоняк приказал повторить атаку. Второй раз солдаты еще быстрее перемахнули через реку. Генерал похвалил маневр, на что Симоняк ответил, что, мол, если солдаты дойдут до седьмого пота, любая задача им по плечу.

— Почему именно до седьмого? — спросил командующий. — Чем хуже восьмой?

— Нет, седьмой на пределе человеческих сил. Большего солдаты вынести не могут, как их ни заставляй и ни уговаривай.

— Как же вы определяете, что солдат до седьмого дошел?

Симоняк чуть помедлил:

— Словами не объясню, не умею, а вот на лицо солдата взгляну и сразу скажу: дошел или не дошел солдат до седьмого пота...

Да, Симоняк хорошо чувствовал солдатский запас прочности, умело и бережливо расходовал для пользы дела это своего рода оружие. Ведь моральное и физиче-

ское состояние людей является в бою весьма важными факторами.

Вместе с командармом к нам прибыл новый командующий артиллерией армии — генерал-майор И. И. Морозов. Они были старые друзья, воевали рука об руку начиная с Ханко. Сработались прекрасно, понимали друг друга с полуслова.

Во время боев в Прибалтике стиль работы нашего штаба претерпел некоторые перемены. И это естественно. Сказывалось не только изменение обстановки, сказывались и личные качества двух новых руководителей, генералов Симоняка и Букштыновича. Новый начальник штаба, например, потребовал, чтобы в оперативном отделе составлялся подробный план мероприятий по подготовке каждой операции. В плане указывались: порядок проведения рекогносцировок, задачи разведки, подготовка артиллерии к наступлению, подвоз и накопление боеприпасов, проведение работ по инженерному и химическому обеспечению операции в подготовительный период, боевая подготовка войск и меры по доукомплектованию частей и подразделений, подготовка пунктов управления и связи, перегруппировка войск и, наконец, занятие ими исходного положения для наступления.

При наличии подробного плана начальники родов войск и служб, все начальники отделов штаба армии заранее знали свои обязанности и свою долю участия в подготовке операции. Поэтому все они уверенно и четко выполняли то, что от них требовалось.

Стоило мне позвонить заместителю начальника штаба артиллерии полковнику А. П. Максименко или его помощнику майору А. С. Буцкому, и они в любое время суток являлись в оперативный отдел, имея при себе все данные по артиллерии, необходимые для планирования наступления и составления боевого приказа.

Начальник разведки армии подполковник В. К. Гвозд и его заместитель подполковник И. А. Алешин включались в подготовку той или иной операции одними из первых. Они давали сведения о группировке противника, разрабатывали план разведки в полосе армии и контролировали его выполнение.

Уверенно и четко работали наши связисты, которых возглавляли генерал-майор Н. П. Акимов и его замести-

тель подполковник Н. С. Федотов, знакомый мне еще по 33-й стрелковой дивизии.

Можно с уверенностью сказать, что наш армейский штаб к этому времени достиг высот мастерства. Люди превосходно знали свое дело и отлично выполняли его. Взять хотя бы начальника топографической службы инженер-майора А. И. Агроскина. Обладая чувством высокой ответственности за порученное дело, он не нуждался в особых указаниях по своей службе, предвидел изменения обстановки, своевременно обеспечивал штабы и войска соответствующими топографическими картами, без которых немыслимы были боевые действия.

Инженерной службой армии руководил генерал-майор Н. В. Крисанов, отличавшийся точностью, аккуратностью и особой подтянутостью. В своей работе он опирался на немногочисленный, но хорошо подобранный штаб, который продолжительное время возглавлял деловой и уравновешенный подполковник Лавров. С ним приходилось мне согласовывать вопросы инженерного обеспечения, находившие затем отражение и в боевом приказе и в плане операции. Лавров, как и артиллеристы, был легок на подъем и являлся к нам в оперативный отдел без промедления.

Пожилой, много видевший на своем веку инженер-полковник Б. М. Марра возглавлял службу защиты от химического оружия. Его ценили за хорошие организаторские способности, за отличное знание своей специальности. Ближайшими его помощниками были инженер-подполковник Г. В. Остапчук и инженер-майор А. И. Буйкин, которые почти всегда находились в войсках.

Подготовкой справочных данных и соображений по материально-техническому и медицинскому обеспечению войск занимались офицеры из штаба тыла армии. Во главе этого штаба стояли подполковник В. И. Тарасенков и его заместитель подполковник Я. Я. Перескоков. Обычно кто-нибудь из них приезжал в оперативный отдел, чтобы на месте решить все оперативные вопросы, имевшие отношение к тылу.

Как-то незаметно у меня сложились дружеские связи с начальником медицинской службы армии полковником А. Г. Резановым. Получив накануне операции указания от командарма и члена Военного совета, он заходил обычно к нам в отдел и просил разрешения побыть немного около

меня. Я продолжал заниматься делами, а Резанов мог молча сидеть несколько часов, наблюдая, чем и как живет оперативный отдел. Видимо, это помогало ему ориентироваться в предстоящих событиях. Затем он по карте знакомил меня со своими соображениями об организации медицинского обеспечения операции, рассказывал, какое количество полевых госпиталей предполагает развернуть, исходя из ожидаемых потерь, сколько госпиталей будет в резерве. Закончив дела, начмед уезжал во второй эшелон управления армией, где располагались все службы тыла. Человек высокого роста и крепкого телосложения, он обладал большой физической силой: в молодости Резанов работал грузчиком в Новороссийском порту.

Значительную роль в улучшении управления войсками играли в ту пору штабы стрелковых корпусов. За прошедший год офицеры этих штабов освоились со своими обязанностями. Теперь боевые задачи дивизиям и частям усиления определялись и ставились в корпусном звене, а не в армейском, как прежде.

Штаб нашего 79-го стрелкового корпуса возглавлял энергичный полковник Александр Иванович Летунов, пользовавшийся большим авторитетом. У него были очень хорошие взаимоотношения с командиром корпуса генералом С. Н. Переверткиным, который видел в своем начальнике штаба верного и надежного помощника. Мне много раз в день приходилось разговаривать по телефону с Александром Ивановичем или с его заместителем — начальником оперативного отдела подполковником Ветренко. Их доклады, их сведения всегда были четкими и точными.

В 100-м стрелковом корпусе начальником штаба был полковник Юрий Захарович Новиков, хорошо подготовленный офицер, весьма активный и неутомимый в работе. Он, как правило, до деталей знал обстановку на своем участке фронта.

Многие офицеры, пробывшие долгое время в штабах, овладевшие практикой штабной работы в масштабе армии и показавшие себя с положительной стороны, выдвигались на самостоятельные ответственные должности. Один из лучших офицеров оперативного отдела подполковник И. Ф. Топоров стал начальником штаба 171-й стрелковой дивизии. Через некоторое время на

должность начальника оперативного отдела штаба Латышского стрелкового корпуса уехал от нас боевой ветеран подполковник Г. Г. Галимов. На их место приходили в отдел другие товарищи. Старшими помощниками были назначены подполковники Пластинкин и Звонцов.

В этот период мы представляли донесения начальнику штаба фронта пять раз в день — в 7.30, 10.00, 13.00, 16.00 и 19.30. Донесения писались от руки простым карандашом и передавались по телеграфу Бодо в полузакодированном виде. Кроме того, в 21 час представлялось итоговое донесение за истекший день на имя командующего фронтом, которое подписывалось Военным советом армии. Оно печаталось на машинке и также передавалось по Бодо. И в заключение, к 23 часам, составлялась подробная оперативная сводка за все войска армии на нескольких страницах, которая после подписи начальника штаба и начальника оперативного отдела тоже шла на телеграф. Дневные донесения обычно составлял, докладывал на подпись и передавал в штаб фронта майор Н. П. Брагинцев, а последние два документа, как наиболее ответственные, — подполковник Б. В. Вишняков.

После того как Вишняков был отправлен в группу командарма на наблюдательный пункт, всю информационную работу мы доверили Николаю Павловичу Брагинцеву. Он всегда предпочитал иметь хоть и трудные, но самостоятельные обязанности. Новое назначение его вполне устраивало, и он со своим серьезным отношением к делу никогда не подводил нас.

Коль скоро зашла речь о наших товарищах по армейскому штабу, нельзя не вспомнить тех, кто помогал нашему коллективу в решении задач, проявлял неусыпную заботу и постоянное внимание. Этими товарищами были заместитель начальника штаба армии по политической части полковник Шашков и секретарь партийного бюро штаба подполковник Таланов. Они приходили к нам в наиболее спокойное время, когда можно было не спеша поговорить с тем или иным офицером. Они интересовались, как идут у нас дела в отделе, какая проводится партийно-массовая работа, знакомили с политическими событиями в мире, следили за тем, чтобы своевременно поступали газеты. Наш парторг В. М. Звонцов получал советы и рекомендации, как лучше провести в отделе то или иное мероприятие.

10

10 октября мы получили из штаба фронта боевой приказ, согласно которому войска 3-й ударной и 42-й армий должны были подготовиться к нанесению удара из района Добеле в общем направлении Салдус, Лиепая.

Перед нами стояла задача прорвать оборону противника и наступать на Мазберге, Зебрас. В полосе наступления армии намечалось ввести в прорыв 10-й танковый корпус генерала Шапошникова; он должен был выйти в район Салдус и захватить узел дорог. К началу наступления в состав 3-й ударной из резерва фронта прибывал 7-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора В. А. Чистова. 42-я армия переходила в наступление левее нас.

На отработку всех документов по планированию наступательной операции штабу армии предоставлялось двое суток. Генерал Букштынович, получив указания командующего армией, вызвал меня к себе и приказал подготовить план операции, карту-решение, боевой приказ и план мероприятий по подготовке войск к наступлению.

По решению генерал-лейтенанта Симоняка наша армия наносила удар на участке в три километра, имея в первом эшелоне лишь три дивизии: две от 79-го и одну от 100-го корпуса. Следовательно, каждая дивизия действовала на фронте в один километр. Объяснялось это тем, что наступательные возможности соединений в результате почти непрерывных трехмесячных боев были крайне ограниченны. Численность каждой из наших дивизий составляла немногим более 3000 человек. Надеяться на значительный успех не приходилось. Но мы, как всегда, тщательно готовились к выполнению полученной задачи, сосредоточивали на участке прорыва все силы и средства армии.

Боевой приказ я доложил командарму днем 12 октября. Выписки из него командирам корпусов были отправлены с офицерами связи. План операции прилагался к карте-решению; он был разработан по принятой у нас схеме: в форме таблицы, в которой по этапам указывались задачи пехоты, артиллерии, танков, поддерживающей авиации, инженерных войск, а также определялась организация управления.

Согласно плану операции на подготовительный период отводилось пять суток, а на выполнение поставленной задачи — двое суток.

Общая обстановка на фронте складывалась в нашу пользу. Советские войска подошли с востока к рижскому оборонительному обводу. 13 октября 3-й Прибалтийский фронт штурмом овладел восточной частью города.

10-я гвардейская и 22-я армии нашего фронта, наступавшие на столицу Латвии с юга, медленно преодолевали заболоченную Рижско-Елгавскую низменность. Только к утру 15 октября соединения и части 10-й гвардейской армии и 130-го латышского стрелкового корпуса очистили от врага западную часть Риги — Задвинье.

Войска нашей армии перешли в наступление 16 октября в 10 часов утра. Ломая сопротивление противника, мы к вечеру прорвали его основную и промежуточную позиции.

В последующие дни наступление продолжалось, однако успехи были незначительные. Немцы сопротивлялись очень упорно. Снимая силы с других участков фронта, они почти ежедневно вводили на наше направление по одной пехотной дивизии. В полосе наступления армии кроме 122-й пехотной дивизии за пять дней боев появились части еще четырех соединений: 81, 24, 93 и 389-й пехотных дивизий.

В 6 часов утра 19 октября, стремясь восстановить утраченное положение, противник силами до двух дивизий при поддержке танков и самоходных орудий нанес по войскам нашей армии мощный контрудар. Развернулись тяжелые бои. Ценой больших потерь гитлеровцам удалось к вечеру потеснить наши части.

20 октября из второго эшелона армии были введены в сражение две дивизии 7-го стрелкового корпуса. Но и они, встреченные сильным огнем, не сумели добиться решительного перелома. На следующий день активные действия прекратились и обе стороны перешли к обороне.

На левом крыле 2-го Прибалтийского фронта образовалось равновесие сил. Продолжать здесь наступление не было смысла. В связи с этим генерал армии Еременко решил перегруппировать армии еще южнее, в район Ве-

геряй, и подготовить оттуда удар в северо-западном направлении — на Салдус.

Вечером 21 октября к нам поступила выписка из боевого приказа фронта: 100-й стрелковый корпус с полосой, занятой войсками нашей армии, передавался 22-й армии. В состав 3-й ударной из фронтового резерва поступал 14-й гвардейский стрелковый корпус.

Жаль было расставаться со своим 100-м корпусом, в котором находились наши лучшие коренные дивизии, провоевавшие в составе 3-й ударной более двух лет, участвовавшие в Великолукской и Невельской операциях. Несколько раньше, в августе, на дальних подступах к Риге, мы лишились своего 93-го корпуса, передав его в состав 42-й армии. Теперь из прежних корпусов у нас оставался лишь 79-й. Штабу армии, оперативному отделу снова надо было знакомиться с руководящим составом прибывавших дивизий, с их состоянием и обеспеченностью.

Передача целых корпусов из одной армии в другую сильно усложняла организацию управления войсками накануне наступления. К тому же на все это отводился весьма ограниченный срок. Но такая практика во 2-м Прибалтийском фронте имела широкое распространение.

Войскам нашей армии предстояло в течение двух ночей совершить марш и к утру 23 октября сосредоточиться в районе Вегеряй. Мы получили приказ прорвать 26 октября оборону немцев на участке Юргаши, Вегеряй. Затем, наступая в северо-западном направлении в обход Ауце с юга, во взаимодействии с 10-й гвардейской армией разгромить противостоящего противника. Левее нас действовала 4-я ударная армия 1-го Прибалтийского фронта.

На полученной нами выписке из боевого приказа генерал Букштынович вывел своим четким косым почерком: «НО-I — разработать приказ и план операции согласно моим указаниям. План подготовительных мероприятий и план приема боевого участка от 10-й гвардейской армии. Весь материал доложить в 9.00 22.10.44». Таким образом, на отработку документов по планированию наступательной операции армии нам, исполнителям, давалась только одна ночь. Это превышало пределы возможного. Как мы ни старались, к утру 22 октября были

подготовлены лишь карта с нанесенным на нее решением командарма да боевой приказ. Он был подписан генералом Симоняком в тот момент, когда штаб уже снимался с места. Разработку плана операции и других документов мы закончили значительно позже.

Согласно боевому приказу армии на правом фланге наступал 7-й стрелковый корпус генерал-майора В. А. Чистова. В центре — 79-й стрелковый корпус, которым временно командовал генерал-майор Г. И. Шерстнев. На левом фланге армии оборонялся двумя дивизиями и одним укрепленным районом 14-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора П. А. Степаненко. В резерве армии оставалась 33-я стрелковая дивизия, в которой мне пришлось начинать фронтовую службу осенью 1941 года.

7-й и 79-й стрелковые корпуса, сдав свои участки частям 100-го стрелкового корпуса, готовились к маршу. Им предстояло совершить вдоль фронта ночной 50-километровый переход по осенним дорогам. Такое же расстояние должен был пройти и 14-й гвардейский стрелковый корпус, стоявший в резерве фронта к северо-востоку от Добеле.

В 6 часов вечера 22 октября войска армии выступили на юг и к утру 24 октября основными силами сосредоточились в указанном им районе. Передовые части тех дивизий, которым предстояло наступать в первом эшелоне, двигались форсированным маршем и прибыли на сутки раньше. Они сразу стали готовиться к смене оборонявшихся здесь частей и подразделений 155-го укрепленного района. Одновременно группы командиров дивизий и полков, заранее выехавшие в район сосредоточения, проводили рекогносцировку местности на направлении предстоящего наступления.

Марш наших дивизий прошел в общем успешно. Однако были и осложнения. Немцы, отступая, усиленно минировали дороги, взрывали мосты и создавали различные заграждения. Как ни печально, но наши войска несли потери от мин, коварно замаскированных гитлеровцами. Гибли люди, подрывались танки, орудия, автомашины и повозки. Генерал-майор Григорий Иванович Шерстнев, временно исполнявший обязанности командира 79-го стрелкового корпуса, выехал на машине в штаб армии на совещание. Вместе с ним были командующий артиллерией

корпуса полковник Н. Б. Лившиц, начальник оперативного отдела штаба корпуса подполковник П. Я. Ветренко и адъютант. На перекрестке дорог, километрах в десяти от линии фронта, машина наскочила на противотанковую мину. Все ехавшие в машине, в том числе и шофер, погибли.

Буквально через несколько минут на этом перекрестке появилась автомашина генерала армии Еременко. Командующий фронтом тоже ехал на совещание, которое было собрано по его распоряжению. Лишь случайность спасла командующего от гибели.

Уже темнело, когда генерал Еременко вошел в здание, отведенное для совещания. Наш командарм Симоняк подал команду «Смирно» и доложил:

— Товарищ командующий, прибыли все, за исключением командира семьдесят девятого стрелкового корпуса.

Андрей Иванович Еременко повернулся к собравшимся и произнес:

— Генерал Шерстнев не прибудет...

Как ни тяжела была скорбь о погибших товарищах, мы должны были продолжать работу. Командующий фронтом выслушал решения командиров двух корпусов, задал несколько вопросов артиллеристам и в заключение предоставил слово генералу Симоняку.

Ознакомившись с ходом подготовки войск к наступлению, генерал Еременко определил срок начала операции — 27 октября.

Наша разведка установила, что противник, с целью выровнять линию фронта южнее города Вегеряй, отвел часть сил 81-й пехотной дивизии на заранее подготовленные позиции. Этот небольшой отход вызвал у нас некоторое изменение и уточнение боевых задач, как для пехоты, так и для артиллерии. Однако подготовка к операции продолжалась. Через два дня в командование 79-м корпусом вступил генерал-майор Переверткин, возвратившийся после лечения.

В назначенный срок войска армии при поддержке артиллерии и авиации перешли в наступление. Несмотря на трудные условия, нашим соединениям удалось к концу дня прорвать основной рубеж противника. Наиболее успешно действовала 150-я стрелковая дивизия полковника В. М. Шатилова. Немцы, цепляясь за каждую высоту и каждый населенный пункт, огнем и контратаками

оказывали упорное сопротивление. Только в первый день они предприняли более десяти контратак силою до батальона пехоты при поддержке самоходных орудий.

В этой упорной борьбе многие бойцы, командиры и политработники наших частей проявили замечательное мужество и отвагу. Вот только один из примеров. Бойцы взвода старшего лейтенанта Александра Федоровича Бельцева из 469-го полка 150-й стрелковой дивизии находились на исходном рубеже для атаки. Люди были готовы к встрече с врагом. Вот подан сигнал. Вместе с командиром солдаты ринулись вперед. Следуя за разрывами своих снарядов, они через несколько минут ворвались в немецкие траншеи, завязали в них рукопашную схватку. Первого же фашиста Бельцев сразил огнем автомата. Примеру офицера следовали и бойцы. Каждый из них уничтожил по нескольку вражеских солдат. За полтора часа наступления взвод продвинулся на четыре километра, заняв три населенных пункта. Было убито более 30 гитлеровцев и 5 взято в плен.

До этого боя старший лейтенант Бельцев много раз ходил в атаки, истребил немало фашистов, четыре раза был ранен, дважды награжден. Бойцы отзывались о нем как о храбром и отважном командире, как о чутком парторге, умевшем и словом и делом воодушевлять товарищей на боевые подвиги. За смелые и успешные действия отважный офицер был представлен к награде.

Как и в предшествующей операции, наибольшее продвижение войска армии имели в первый день наступления. Затем развернулись тяжелые и изнурительные бои, в ходе которых наши части лишь незначительно продвигались вперед. Противник снова почти каждый день усиливал свою группировку за счет переброски частей с других участков фронта. Если к началу наступления против 3-й ударной оборонялись три немецкие дивизии, то в последних числах октября их насчитывалось уже пять. Маневрировать силами немцы умели.

В условиях осенней распутицы, при низкой укомплектованности дивизий, при ограниченных средствах усиления, испытывая недостаток боеприпасов, нам трудно было добиться оперативного успеха. За пять дней упорных боев войска армии с трудом продвинулись на 30 километров и вышли на линию железной дороги Ауце — Лайжува.

В этих боях наши войска уничтожили 30 танков и самоходных орудий, 34 различных орудия, 40 минометов и 148 пулеметов. В числе трофеев удалось захватить 58 орудий, 25 минометов, 146 пулеметов. Только убитыми противник потерял до 7500 солдат и офицеров. Кроме того, 915 гитлеровцев было взято в плен. Эти цифры я привожу для того, чтобы было понятно, какие трудности приходилось преодолевать 3-й ударной армии.

Почти так же обстояли дела и на участке 10-й гвардейской армии, наносившей удар севернее нас, в обход Ауце справа.

3-я ударная продвигалась ежедневно хоть на 4—5 километров, а сосед все еще не мог прорвать оборону противника. Наш правый фланг растянулся, для его обеспечения пришлось задействовать две дивизии. Это лишало нас возможности наращивать удары. Генерал Симоняк послал подполковника Вишнякова к командующему 10-й гвардейской армией с предложением ввести в бой свой корпус из нашей полосы. Однако командарм 10 принял это предложение болезненно и высказался в том смысле, что Симоняк еще молод его учить. Это была ненужная амбиция, шедшая отнюдь не на пользу общему делу.

Все попытки сломить противника, расчленить его и уничтожить окончились неудачно. Армии нашего фронта вскоре выдохлись и остановились. Общая протяженность фронта постепенно сокращалась, что вело к увеличению плотности сил и средств противника.

Тридцать вражеских дивизий продолжали отбиваться с упорством обреченных. Весь Курляндский полуостров немцы покрыли густой сетью оборонительных позиций, усиленных проволочными и минными заграждениями, долговременными огневыми точками. Не предпринимая активных действий, гитлеровское командование держало в северо-западной части Латвии почти всю свою прежнюю группировку, находившуюся в Прибалтике. Эта группировка сковывала силы двух наших фронтов.

Об эвакуации из Курляндии вражеских войск не было никаких данных. Наоборот, по словам пленных, захваченных в последних боях, немцы продолжали получать морем пополнение из Германии. Так, пленные из разведывательного отряда 121-й пехотной дивизии показали, что в порт Лиепая под прикрытием боевых кораблей при-

было 15 октября на морских транспортах до 12 тысяч гитлеровских солдат и офицеров.

На 1-м Прибалтийском фронте был взят в плен немецкий офицер 32-го полка 24-й пехотной дивизии, который сообщил, что 25 октября группа армий «Север» ликвидирована, а вместо нее создана группа армий «Курляндия». В нее вошли 16-я и 18-я армии под командованием генерал-полковника Шернера. Группа получила задачу упорной обороной отвлечь силы русских от Восточной Пруссии. В то же время, по словам офицера, у солдат курляндской группы берется подписка о том, что они обязуются «оборонять занимаемые позиции до последней капли крови».

И действительно, гитлеровцы оборонялись словно фанатики. Они сдерживали наши части сильным огнем и яростными контратаками. Бои повсеместно доходили до рукопашных стычек.

1 ноября внезапной атакой противник был выбит из крупного населенного пункта Лайжува. Попытки фашистов вернуть этот пункт успехом не увенчались, хотя контратаки следовали одна за другой в течение всего дня. В конце концов враг на этом участке выбился из сил и затих. Но ослабли и мы.

Через несколько дней в состав 3-й ударной был включен 12-й гвардейский стрелковый корпус, получивший задачу наступать в центре оперативного построения армии. 14-й гвардейский стрелковый корпус, понесший наиболее тяжелые потери, был выведен во второй эшелон. Однако эта перегруппировка заметных изменений не принесла. Дивизии, как и прежде, вели тяжелые затяжные бои, медленно продвигаясь вперед.

Активность дивизий и корпусов во многом зависела от наличия боеприпасов, особенно снарядов. Как только их накапливалось более или менее достаточно, войска предпринимали нажим на противника и теснили его. Но не всегда спасало и наличие боеприпасов. Немцы в полосе нашей армии имели десять дивизионов артиллерии, а мы могли использовать для их подавления лишь одну пушечную бригаду. И если мы достигали все же успеха, то, как правило, дорогой ценой.

Значительную помощь нашим частям оказывала авиация. Летчики использовали каждый час ясной погоды, чтобы обрушить на головы фашистов бомбовый груз. Представитель авиации генерал-майор С. У. Рубанов —

командир штурмовой дивизии — почти безотлучно находился на наблюдательном пункте нашего командарма. Отсюда он руководил боями истребителей, ставил задачи своим штурмовикам.

Чтобы летчики били врага без промаха, Рубанов попросил выделить ему батарею 76-миллиметровых орудий. Эта батарея заранее пристреливала намеченные цели. Во время боя, когда штурмовики пролетали над НП, генерал Рубанов по радио давал распоряжение своим орлам: «Бомбить цель номер... Внимание, показываю!»

Батарея открывала огонь по цели дымовыми снарядами, и летчики легко находили нужный объект.

Вероятно, такой метод был успешным и крепко досаждал немцам. Вскоре противник принял контрмеры: он начал интенсивно обстреливать нашу батарею, едва она выпускала первые снаряды. И все-таки артиллеристы продолжали взаимодействовать с летчиками.

11

Прибалтийская осень давала знать о себе затяжными дождями. Не то что машины, даже пехота с трудом двигалась по разбитым, раскисшим дорогам. В промозглый, холодный день я, выполняя задание начальника штаба, выехал в свою родную 33-ю стрелковую дивизию, с которой расстался два года назад. Она воевала в составе других армий, мне так и не довелось бывать в ней. А теперь она снова пришла к нам.

Не стану скрывать, что испытывал большое волнение: ведь для меня 33-я стрелковая была самой близкой. Хотелось увидеть офицеров, вместе с которыми осваивал суровую азбуку войны. Но, к сожалению, почти никого из них уже не осталось.

Дивизией командовал незнакомый мне генерал-майор В. И. Смирнов, находившийся в момент моего приезда на наблюдательном пункте. Меня встретил начальник штаба дивизии подполковник А. М. Сахно, который в 1942 году был еще старшим лейтенантом, помощником начальника оперативного отделения. Мы обнялись и расцеловались.

Штаб размещался на хуторе, богатый хозяин которого бежал вместе с немцами. Сахно доложил обстановку. Дивизия наступала. Полки медленно продвигались вперед, преодолевая сопротивление врага. В дивизии ощущался

недостаток боеприпасов для орудий и минометов. Обычное дело: так было во всех соединениях, а помочь мы в тот период ничем не могли.

Выкроив время, я попросил Алексея Матвеевича Сахно рассказать о наших общих знакомых. Многие из них за минувшие годы пали смертью храбрых. Некоторые были переведены из дивизии и продолжали воевать в других частях.

Отважный командир истребительного отряда майор Г. П. Григорьев, уже будучи заместителем командира 164-го стрелкового полка, погиб летом 1944 года при отражении массированной контратаки танков противника в боях за плацдарм на реке Великой. Отдал жизнь за Родину наш знаменитый разведчик А. А. Бабанин. После окончания Академии Генштаба он вновь вернулся в танковые войска, командовал механизированной бригадой. Мужественный офицер подорвался на мине вместе со своей боевой машиной. Произошло это под Киевом, осенью 1943 года. Погиб в бою и смелый командир 73-го стрелкового полка подполковник Н. Д. Ивановский, который был при мне начальником оперативного отделения дивизии.

Мой однофамилец, неутомимый труженик майор А. Е. Семенов, с должности начальника штаба дивизии уехал на такую же должность в штаб стрелкового корпуса. Вырос по службе и переводчик Н. И. Гутченко, занявший должность начальника разведки в одном из стрелковых корпусов и получивший звание подполковника.

Однако некоторые ветераны еще продолжали служить в 33-й. Среди них — командир медсанбата майор Н. М. Иваницкий, начальник санитарной службы полковник И. С. Горелик, заместитель командира дивизии по тылу полковник интендантской службы Г. А. Шевелев. Но увидеть их не пришлось: слишком мало осталось у меня времени.

В охране штаба дивизии встретил я двух знакомых солдат. Теперь они были сержантами и вместе со мной радовались, что нам вновь довелось свидеться.

Эти встречи разбередили сердце. Радостно было, что побывал в родном соединении. И в то же время грустно, что никогда не возвратятся пролетевшие дни, никогда не встанут дорогие друзья, сложившие свои головы на полях сражений...

ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

1

Генерал Букштынович вызвал меня рано утром, в необычное время. Через несколько минут я был у него, захватив, как всегда, рабочую карту и тетрадь для записей. Михаил Фомич представил меня двум офицерам. Один из них, полковник Пидоренко, оказался начальником отдела военных сообщений 2-го Прибалтийского фронта. Другой, полковник Аунс, — начальником передвижения войск на Прибалтийской железной дороге. Здесь же находился и начальник ВОСО (военных сообщений) нашей армии инженер-подполковник И. Е. Мулявко. Без долгих разговоров Букштынович приказал мне совместно с этими товарищами в двухдневный срок составить план перевозки всех войск и тылов нашей армии по железной дороге.

Для меня это было как гром среди ясного неба. Железные дороги мы только отвоевывали, а ездить по ним не приходилось давно. От Селигера и до Балтики мы прошли своим ходом. А теперь — на колеса!

По директиве Генерального штаба 3-я ударная армия в составе трех корпусов со всеми тыловыми частями и учреждениями выводилась в резерв Ставки. Нашим войскам нужно было сдать свою полосу 10-й гвардейской армии и сосредоточиться в районе к югу от Елгавы для погрузки в вагоны на железнодорожных станциях Елгава, Платоне, Мейтене, Ионишкис.

Направление и цель перевозки армии, районы выгрузки держались в секрете. Штаб фронта требовал принять самые строгие меры к сохранению в тайне передислокации армии. Все передвижения войск предписывалось

совершать только в темное время. А если днем, то в нелетную погоду. Работникам железной дороги и офицерам линейных органов ВОСО разрешалось сообщать лишь номера эшелонов. Вся переписка со штабом фронта прекращалась. По вопросам перевозки войск можно было обращаться по ВЧ только к начальнику штаба фронта.

Разрабатывать план перевозки по железной дороге целой армии мне довелось впервые. Надо было определить, какое количество вагонов и открытых платформ потребуется для каждой дивизии, для всех армейских частей, а также для множества тыловых частей и учреждений, установить сроки и порядок вывода войск из боя, время их сосредоточения в районах железнодорожных станций для погрузки.

Полковники Пидоренко и Аунс оказались большими специалистами своего дела. Не теряя времени, мы сразу приступили к работе. Сначала к подготовке плана были допущены только я и Мулявко. Но когда мы взялись за расчеты на погрузку каждого эшелона, пришлось вызвать начальников штабов дивизий и начальника штаба тыла.

2 декабря подготовленный нами план был подписан генерал-лейтенантом Н. П. Симоняком и отправлен в штаб 2-го Прибалтийского фронта. На следующий день командиры корпусов получили распоряжения передать занимаемые рубежи войскам 10-й гвардейской армии и вывести свои дивизии ближе к железной дороге.

Пять суток потребовалось для того, чтобы наши войска сосредоточились в указанных им районах. Погода стояла нелетная, воздушная разведка немцев не действовала, но все передвижения войск и тылов производились только ночью. Моросил мелкий, пронизывающий дождь вперемежку с мокрым снегом. Автомашины, орудия и другая боевая техника часто застревали в грязи. Их вытаскивали солдаты и офицеры проходивших мимо подразделений.

При всем том настроение у людей было бодрое и приподнятое. Достигнув намеченных пунктов, бойцы и командиры начинали подготовку к отъезду. Дел хватало всем. Одни пилили доски для оборудования вагонов, другие заготовляли на дорогу дрова. К месту предстоящей посадки доставлялись железные печки и продовольствие, дорожные фонари и фураж, ведра и веники. Перед началом дальнего пути старались предусмотреть каждую

мелочь. А о том, что путь предстоит долгий, догадаться было нетрудно. Не станут же из-за сотни километров поднимать на колеса такую уйму людей и техники!

Командиры и политработники разъясняли бойцам правила переезда по железной дороге в составе воинского эшелона, предупреждали, чтобы никто не отстал в пути. Проводились специальные занятия с начальниками эшелонов и старшими вагонов, а также с теми, кому предстояло нести службу суточного наряда.

Задачи, связанные с переездом, обсуждались на партийных и комсомольских собраниях, на общих строевых собраниях, на совещаниях офицеров. Особое внимание обращалось на то, чтобы все солдаты и командиры строго хранили военную тайну.

В этот период численность каждой нашей дивизии в среднем составляла немногим более 3000 человек. Каждую дивизию перед отправкой обеспечивали одним боекомплектом боеприпасов, двумя заправками горючего и пятнадцатью суточными дачами продовольствия и фуража.

Время на погрузку одного эшелона планировалось так: для стрелковых войск — два часа; для артиллерии — три часа; для других войск — три с половиной часа.

10 декабря со станции Лайжува отправился наш первый эшелон под номером 7001. В нем находился полк связи. Следом двинулся эшелон, в котором разместилось полевое управление армии и часть батальона высокочастотной связи.

Из стрелковых корпусов первым начал грузиться в вагоны 7-й. В него входили 364, 265, 146-я дивизии и корпусные части. Для их перевозки выделялось 23 эшелона. Причем погрузка всех трех дивизий велась не последовательно, а одновременно с трех станций. Такой порядок отправки давал возможность иметь в районе выгрузки сразу весь корпус. При неблагоприятных условиях он мог обеспечить выгрузку других соединений армии.

Вторым отправлялся 79-й стрелковый корпус в составе 150, 171, 207-й дивизий и корпусных частей. Для него тоже было выделено 23 эшелона. И этот корпус грузился одновременно на трех станциях.

В 12-й гвардейский стрелковый корпус входили 23-я и 52-я гвардейские и 33-я стрелковая дивизии. Их намечалось отправить с 18 по 22 декабря.

Для тыловых частей и учреждений армии планировалось 35 эшелонов. Трогались они в путь со станции Реньде.

По указанию Генерального штаба для руководства отправкой войск 3-й ударной была выделена из полевого управления армии оперативная группа со средствами связи. 7 декабря она прибыла в район погрузки и разместилась на хуторе Лидаки, в 15 километрах юго-восточнее Елгавы. В состав этой группы вошли: заместитель командарма генерал-майор И. И. Артамонов, член Военного совета армии полковник П. В. Мирошников, автор этих строк — как заместитель начальника штаба армии, начальник отдела ВОСО инженер-подполковник И. Е. Мулявко, заместитель начальника связи подполковник Н. С. Федотов, армейский интендант полковник П. С. Кудрявцев, заместитель начальника штаба тыла подполковник Я. Я. Перескоков, а также офицеры оперативного и шифровального отделов, штаба артиллерии и политического отдела армии.

С хутора Лидаки мы имели телефонную связь со штабом фронта и штабами корпусов, а также с железнодорожными станциями. Это давало возможность следить за ходом подготовки войск к погрузке, за своевременной отправкой каждого эшелона. Однако основное время мы проводили непосредственно в дивизиях и на станциях погрузки, устраняя неполадки, которые обнаруживались на местах. Кроме того, я каждый вечер представлял донесение в Генеральный штаб на имя товарища Ломова. В этих донесениях указывалось, сколько и каких эшелонов отправлено за истекшие сутки, какие части в них погрузились.

К перевозке войск мы приступили точно по плану, однако вагоны и платформы подавались нам неравномерно, график нарушался. Каждый корпус уходил на три-четыре дня позже намеченного срока.

Отправка тыловых частей и учреждений продолжалась до конца декабря. Наша оперативная группа, свернув работу, убывала вечером 31 декабря. Погрузка средств связи и автотранспорта, обслуживавшего нас, производилась в сумерках. Так уж мне везло на фронте — встречать Новый год в дороге.

Благодаря заботам подполковника Мулявко наши вагоны были отеплены. В каждом приятно потрескивала

железная печка. По предложению подполковника Федотова в несколько вагонов провели электроосвещение от движка связистов.

Мы установили у себя трофейный радиоприемник. Двое работников походной столовой готовили праздничный ужин.

Как это бывает перед отъездом, каждый из нас испытывал радостное и немного тревожное чувство. Что нас ждет в Новом году, на новом месте?

Даже мы, ответственные работники штаба, уезжавшие с одним из последних эшелонов, не знали, куда ушла наша армия, куда отправится наш состав. Станция Даугавпилс была единственной, указанной в маршрутном листе. Лишь ночью стало известно: миновав Даугавпилс, эшелон повернул на Полоцк, а затем на Молодечно.

Незадолго до полуночи сели за праздничный стол. Был тут подполковник Н. С. Федотов, с которым мы ровно три года назад вместе готовились в 33-й дивизии к наступлению у озера Селигер. Был инженер-подполковник И. Е. Мулявко, с которым мы сдружились за последний месяц, выполняя задание по перевозке армии. Пришел подполковник Перескоков, занимавшийся отправкой тыловых частей и учреждений. Майор А. К. Нестулин, один из ветеранов оперативного отдела, распоряжался сейчас закуской и всем остальным. Ему активно помогали старшина Д. И. Ходько — шофер и ординарец, прошедший со мною почти всю войну, и телефонистка Лиза Симакова.

Когда стрелки часов сошлись на заветной цифре 12, мы подняли тост за то, чтобы 1945 год принес окончательную победу!

2

Через несколько дней эшелон прибыл на станцию Мрозы, в 50 километрах восточнее Варшавы. Встретил нас подполковник Тур. Он познакомил меня с ходом сосредоточения войск армии. Основная часть их была уже на месте.

Михаил Семенович Тур сообщил, что по решению Ставки 3-я ударная поступает в состав 1-го Белорусского фронта, которым командует маршал Г. К. Жуков. Эшелоны выгружаются на станциях Брошкув, Соснове, Мрозы,

после чего войска сосредоточиваются в 25 километрах восточнее Варшавы — в районе Минск-Мазовецкий, Калушин, Лив, Добре.

Штаб армии, едва прибыв на новое место, отдал подробный приказ, в котором были указаны районы сосредоточения для каждого соединения и каждой отдельной части, определены пункты размещения штабов. Офицеры оперативного отдела подполковник Пластинкин, майор Грибанов и капитан Кузнецов предварительно объехали все намеченные районы, а теперь находились на станциях выгрузки, встречая эшелоны, передавая командирам соединений и частей необходимые данные для вывода войск в отведенные им места. Армейские связисты развернули свой узел и заранее провели линии связи в районы сосредоточения.

Для скрытности прибывающие части после выгрузки отводились в ближайшие укрытия и тщательно маскировались. Передвижение войск и техники совершалось только в темное время. Все указания на марш передавались устно. Радиосвязь была запрещена, радиостанции — опечатаны. С выходом в районы сосредоточения войска располагались, по возможности, вне населенных пунктов.

Выслушав своего заместителя, я отправился к генералу Букштыновичу, доложил ему о прибытии и о том, как прошла отправка последних эшелонов из Латвии. Разместился начальник штаба в одном из домов у местных жителей. Непрерывно раздавались звонки телефонов. Букштынович то и дело брал трубку, быстро и уверенно отдавал распоряжения. Настроен был Михаил Фомич весьма бодро. Его активность, его энергия словно бы передавались офицерам штаба.

— Вот что, товарищ Семенов, — сказал Михаил Фомич, — отправляйтесь в семьдесят девятый корпус и проверьте, как там организована подготовка штабов. Имейте в виду, в ближайшие дни мы с вами поедем в Седлец, в штаб фронта. Надо представиться новому начальству и получить ориентировку на будущее.

Последний эшелон прибыл на станцию назначения 10 января. Вечером ко мне зашел подполковник Мулявко и мы подвели некоторые итоги перевозки войск. На передислокацию армии в новый район ушел ровно месяц.

Всего мы использовали 117 эшелонов. Погрузку в основном закончили за 17 дней: грузилось семь эшелонов в сутки. Для ускорения перевозки эшелоны пустили по трем направлениям с выходом во фронтовой район через Белосток, Волковыск и Брест.

Передислокация армии прошла без воздействия авиации противника, и это, естественно, было большим плюсом. Немцы либо не заметили переброски такой массы людей и техники, либо не имели возможности помешать нам. Эту ответственную задачу армия выполнила успешно. Однако главное ожидало нас впереди.

Отправляясь в штаб 1-го Белорусского фронта, генерал Букштынович взял с собой меня и начальника разведки полковника В. К. Гвозда. Через час наша машина мчалась по улицам небольшого чистенького городка Седлец. Обстановка здесь была спокойная, до передовой линии — около 50 километров.

Прибыв в штаб, каждый из нас отправился к начальникам «по своей службе». Михаил Фомич Букштынович — к начальнику штаба фронта генерал-полковнику М. С. Малинину, Владимир Климентьевич Гвозд — к начальнику разведывательного управления, а я — к заместителю начальника оперативного управления фронта полковнику В. М. Крамару.

После взаимного знакомства Владимир Михайлович Крамар развернул на большом столе карту, на которой красными стрелами были нанесены задачи армий. Пользуясь этой картой, он познакомил меня с общей обстановкой в полосе действий фронта, с замыслом предстоящей операции.

Суть дела была такова. Немецкое командование любой ценой стремилось удержать оставшуюся в руках гитлеровцев часть Польши. Из семи оборонительных рубежей противника между Вислой и Одером наиболее подготовленным был первый — вислинский. Его занимали главные силы группы армий «А». Остальные рубежи предназначались для того, чтобы последовательной обороной обескровить, в случае прорыва, наши наступающие войска и не допустить их к Одеру. Вражеский гарнизон Варшавы состоял из четырех-пяти крепостных батальонов.

По решению Ставки разгром немецко-фашистских оккупантов в Польше возлагался на войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Им предстояло завер-

шить освобождение польского народа от гитлеровского господства и создать выгодные условия для наступления на Берлин.

Основная идея намеченной Висло-Одерской операции состояла в том, чтобы одновременными сильными ударами на нескольких участках взломать оборону гитлеровцев, быстро ввести в образовавшиеся бреши крупные массы войск и, развивая успех танковыми и механизированными соединениями, стремительно преследовать противника. При этом предполагалось овладеть промежуточными рубежами вражеской обороны раньше, чем их займут отступавшие немецкие части или резервы.

1-й Белорусский фронт наносил главный удар с магнушевского плацдарма южнее Варшавы в общем направлении на Познань. Другой удар наносился южнее, с пулавского плацдарма, в направлении Радом, Лодзь. Еще один удар — в обход Варшавы с севера, на Сохачев. Непосредственно против варшавской группировки противника должна была наступать 1-я армия Войска Польского.

Выслушав информацию полковника Крамара, я не удержался от вопроса:

— Уверены ли вы, что такой большой и сложный план будет полностью выполнен?

Крамар удивленно посмотрел на меня своими серыми глазами. Ответил сдержанно и спокойно:

— Планы, которые нам приходилось разрабатывать до сих пор, войсками фронта осуществлялись успешно. Под Сталинградом, под Курском, в боях за Днепр и за Белоруссию. Верю, что и на этот раз намеченная цель будет достигнута.

Владимир Михайлович Крамар был ветераном этого фронта, имел богатый опыт работы в оперативном управлении одного из лучших фронтовых штабов. Здесь не бросали слов на ветер. Его уверенность опиралась на реальные силы. Лишь после войны мне стало известно, что накануне Висло-Одерской операции в составе двух фронтов — 1-го Белорусского и 1-го Украинского — было 2 млн. 200 тысяч человек, свыше 32 тысяч орудий и минометов, около 6500 танков и самоходных артиллерийских установок и до 5000 боевых самолетов. Эти два фронта имели половину танков и примерно одну треть орудий и самолетов всей действующей армии.

В январе 1945 года я, разумеется, не знал этих цифр. Грандиозный и смелый план наступательных действий фронта поразил меня.

3-й ударной армии в Висло-Одерской операции отводилась на первых порах довольно скромная роль. Нам было приказано стоять в резерве фронта восточнее Варшавы и готовиться к выдвижению в западном направлении. Более подробных директив мы еще не имели.

3

Три года наша армия сражалась с врагом на так называемых второстепенных направлениях, среди лесов и болот. Не было на нашем пути крупных промышленных центров, известных на всю страну. До Риги — и то не дошли. Уж не о нас ли писал в своей замечательной поэме А. Т. Твардовский:

Бой в лесу, в кустах, в болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь — по грудь,

Где брели бойцы понуро
И, скользнув с бревна в ночи,
Артиллерия тонула,
Увязали тягачи, —

Этот бой в болоте диком...
Не за город шел великий,
Что один у всей страны,

Не за гордую твердыню,
Что у матушки реки,
А за некий, скажем ныне,
Населенный пункт Борки.

Сколько таких безвестных населенных пунктов стояло на пути 3-й ударной! Нельзя было миновать их — через них лежала дорога на запад. А в них сидели фашисты. И чтобы освободить каждый такой населенный пункт, приходилось расплачиваться кровью.

Не витала над нашими знаменами громогласная слава, но, вероятно, не так уж плохо воевала 3-я ударная, если в конце войны Ставка решила вывести ее на направление главного удара, на прямой путь, ведущий к фаши-

стской столице. Это была высокая честь. Ее заслужили бойцы и командиры, навеки оставшиеся у истоков Волги, на обледенелых берегах Ловати, в дремучих сырых лесах под Великими Луками и Невелем. Эту честь заслужили солдаты и офицеры, громившие врага в Латгалии и Курляндии, закалившиеся в многочисленных тяжелых сражениях.

Мы привыкли довольствоваться малым, надеяться главным образом на свои силы. Трудно вспомнить такой период, когда у нас было достаточно боеприпасов, горючего, других видов снабжения. Пополнение приходило редко, дивизии наши, как правило, имели примерно половину положенного состава. Но мы не жаловались, мы понимали — фронт велик, есть более ответственные участки. И при всех этих трудностях воевали по меньшей мере не хуже других. Во всяком случае, 3-я ударная ни разу не отступила перед противником.

Оказавшись на главном направлении боевых действий, где страна сосредоточивала основные усилия, мы сразу ощутили, какова разница между прежним и новым положением армии. Теперь нам щедро давалось все: вооружение, техника, боеприпасы. И главное — люди. Армия получила пополнение — 30 тысяч солдат и офицеров. Никогда раньше мы не могли даже помышлять о такой цифре. В короткий срок численность каждой дивизии была доведена до 6000—6500 человек. 3-я ударная превратилась в полнокровный, хорошо оснащенный боевой организм.

Все наши заявки рассматривались в высших инстанциях в первую очередь. Щедрость интендантов порой удивляла нас.

Характерна, на мой взгляд, такая история. В начале ноября генерал Симоняк был вызван в Москву для доклада в Ставке. Наши снабженцы, разумеется, не преминули воспользоваться случаем: каждый нес командарму заявки по своей служебной линии. Авось, мол, в столице генерал сумеет получить имущество.

Майор Лисиц, узнавшая об отъезде генерала позже других, тоже составила заявку. Второпях, не по форме, на листке бумаги она перечислила то, что было особенно нужно нашим армейским связистам. А нуждались они во многом. 1000 километров кабеля, 300 радиостанций РБ, 500 новейших полевых телефонов и многое дру-

гое просила Агриппина Яковлевна. Цифры эти даже ей самой казались столь большими, что она не питала надежд. И все же...

Начальник связи генерал Акимов, отправляясь на доклад к командарму, даже не захватил заявку майора Лисиц, пренебрежительно назвав этот наспех составленный документ бумажкой. Стыдно, мол, такую фитюльку нести командарму.

Но Агриппину Яковлевну не зря считали человеком настойчивым. Когда Акимов возвратился от командующего, она отправилась к адъютанту командарма и сказала, что генерал Акимов просит приобщить к документам отдела связи небольшую заявку по технике связи.

Адъютант выполнил эту просьбу. А майору Лисиц простителен такой шаг: за снабжение армии имуществом связи с нее спрашивали строго, без всяких скидок. Не могла же она упустить представившуюся возможность!

Документы ушли в Москву. Минуло порядочно времени, армия передислоцировалась в Польшу. Агриппина Яковлевна успела забыть про свою бумажку. И вдруг — новость! На имя начальника связи армии из Москвы пришла телеграмма. В ней говорилось, что прямо из Управления связи, минуя фронт, для 3-й ударной отгружено большое количество аппаратуры. Было отпущено все, что перечислялось в заявке: и новый кабель, и новые рации, и телефонные аппараты.

На станцию Мрозы стали прибывать вагоны и платформы с грузами. Правда, эти грузы пришлось ловить по всему западному направлению железных дорог, но тут на высоте оказались наши восовцы.

Лисиц в те дни была больна. Лежала в избушке польского крестьянина с температурой 39. По телефону она принимала сообщения, чего и сколько прибыло. Ее помощница Настя Голева металась между Мрозами и Калушином, сгружая, принимая, перевозя всеми возможными способами драгоценную аппаратуру в подобранные для складов сараи. Грузов везли так много, что генерал Букштынович решил выселить Агриппину Яковлевну с ее хозяйством из деревни — она демаскировала штаб. Наша связистка перебралась ближе к железной дороге.

Среди ночи вдруг раздался звонок. Помощник подполковника Мулявко сообщил, что на станцию Мрозы идет специальный состав: в нем в спальных вагонах едут

«очень большие люди» (маршал и генералы), а впереди и сзади состава прицеплены по три платформы с кабелем.

Позднее стало известно, что железнодорожники предыдущих станций, стремясь скорее протолкнуть груз, уговорили маршала прицепить платформы «для безопасности».

Глубокая ночь, а поезд вот-вот прибудет. Что делать? Лисиц позвонила прямо члену Военного совета генералу Литвинову. Поднятый с постели, генерал не сразу понял, о чем речь: женщина говорила, что, если не будет людей, кабель провезут дальше и он будет потерян. В конце концов Литвинов приказал выделить из роты охраны солдат и полуторку.

Эшелон уже на станции. Лисиц бросилась к железнодорожникам: задержите, насколько можно. Те доложили маршалу, что не уверены в исправности путей и ждут сообщения с линии. А солдаты и связисты принялись скатывать барабаны с кабелем под откос на обе стороны железнодорожного полотна. За полчаса были освобождены все шесть платформ.

Восовцы доложили, что путь исправен, и начальство поехало дальше, но уже с пустыми платформами.

Наши связисты разбогатели. Пожалуй, ни в одной армии нашего фронта не было в ту пору столько имущества связи, сколько в 3-й ударной. Вызвав начальников связи дивизий и артполков, майор Лисиц вручила им накладные на такое количество аппаратуры, о котором они и не мечтали. С лихвой были удовлетворены все запросы. Заодно связистов предупредили, что теперь им грех жаловаться, связь должна работать отлично: для этого есть все условия.

4

В декабре 1944 года, воспользовавшись временным затишьем на советско-германском фронте, немцы стянули крупные силы на запад и нанесли в Арденнах удар по американцам. Едва сумели они затормозить продвижение гитлеровцев на этом участке, как потерпели еще одно крупное поражение — под Страсбургом. Американские и английские руководители так встревожились, что обратились к руководителям Советского Союза с просьбой облегчить их трудную участь. Наше Верховное

Командование, верное союзническому долгу, приказало начать новую крупную операцию, хотя подготовка к ней была еще далеко не завершена.

14 января, в морозный туманный день, ударная группировка 1-го Белорусского фронта перешла в наступление. Главная полоса обороны противника на вислинском рубеже была прорвана. Введенные в сражение танковые войска, используя успех пехоты, устремились на запад. За первые два дня они продвинулись в глубину обороны врага до 40 километров, нанеся ему тяжелые потери.

В это же время 47-я и 61-я армии, наступая с боями, обходили Варшаву с севера и с юга. Танкисты 2-й гвардейской танковой армии частью сил нанесли удар по варшавской группировке противника с тыла. Почувствовав угрозу окружения, враг начал оставлять свои позиции. Почетная задача вступить в столицу Польши была возложена на 1-ю армию Войска Польского.

Главные силы этой армии начали наступление через Вислу в ночь на 17 января из района Гуры Кальвария, а также по мостам, наведенным советскими саперами в районе Магнушева. Форсировав Вислу севернее и южнее Варшавы, 1-я армия Войска Польского сломила сопротивление немцев и утром 17 янзаря ворвалась в город. Вслед за ней вошли советские части. К 14 часам польская столица была полностью освобождена от фашистских оккупантов.

Узнав об этом по ВЧ из штаба фронта, генерал Букштынович приказал мне выехать с небольшой группой офицеров в район Варшавы: требовалось провести разведку дорог для предстоящего выдвижения войск армии. Мы выехали на двух машинах по шоссе, где недавно наступали части 47-й армии. К концу дня, рискуя взорваться на немецких минах, с большим трудом пробрались в северную часть Варшавы.

В городе было тихо. Поражали масштабы разрушений. Все здания были превращены в руины. Груды битого кирпича загромождали улицы. Из подвалов выходили немногие уцелевшие жители. Со слезами радости на глазах они обнимали и целовали нас, сердечно приветствуя каждого советского и польского воина.

Вечером того же дня дивизии 3-й ударной выступили из обжитых районов, получив задачу — к утру 19 января

сосредоточиться восточнее Варшавы. Штаб армии переходил в Прагу. Это предместье польской столицы, расположенное на восточном берегу Вислы, сохранилось от разрушений благодаря тому, что еще осенью 1944 года было занято советскими войсками.

Итак, нашим ожиданиям настал конец. Все части, штабы и тылы армии пришли в движение. Переход был рассчитан на две ночи, протяженность его не превышала 80 километров. Справа двигались дивизии 12-го гвардейского стрелкового корпуса: они нацеливались в обход польской столицы с севера. В центре — 79-й стрелковый корпус, который должен был пройти через город. Дивизии 7-го стрелкового корпуса, артиллерия которых участвовала в артподготовке на магнушевском плацдарме, выдвигались в район западнее Варшавы, обходя ее с юга.

Утром 20 января армия выступила в район Сохачев, Ловач, Скерневице, находившийся в 80 километрах к западу от Варшавы. Походный порядок состоял теперь из двух эшелонов. В первом двигались 12-й гвардейский стрелковый корпус генерала Будкова и 79-й стрелковый корпус генерала Переверткина. Вместе с ними следовали и армейские артиллерийские части. Во втором эшелоне — 7-й стрелковый корпус генерала Чистова. Тылы армии выдвигались по маршрутам войск. Автомобильного и гужевого транспорта не хватало. Мы смогли взять лишь часть положенных запасов. С каждым днем тылы все больше отставали от главных сил.

С выходом дивизий в назначенный район штаб армии разместился в небольшом населенном пункте Белимув, совершенно не пострадавшем во время боев. Наши связисты приехали сюда с рекогносцировочной группой офицеров штаба заранее, поэтому к прибытию отделов и управлений уже действовала телефонная и телеграфная связь со штабом фронта и штабами корпусов.

Однако на месте мы не задержались. Марш продолжался. Приказ торопил армию на запад. К исходу 25 января мы должны были выйти в район Избица, Коло, Клодава. Путь не близкий. А тут еще ухудшилась погода. Похолодало, повалил снег. Справа по ходу движения колонн дул резкий холодный ветер. Идти стало очень трудно. Войска двигались днем.

Части шли по грунтовым и полевым дорогам, которые были занесены сугробами. Приходилось преодолевать скрытые под снегом незамерзшие ручьи. Останавливались в заносах автомашины, отставали повозки, но люди упрямо шагали вперед. Несмотря на усталость бойцов и офицеров, заданный график марша выдерживался. Дивизии приходили в свои районы сосредоточения к указанному сроку.

5

Армии, наступавшие в первом эшелоне, вели боевые действия далеко впереди нас. Мы — резерв фронта — не слышали даже отзвуков канонады. В каждом районе сосредоточения генералы Симоняк, Литвинов и Букштынович получали по ВЧ ориентировку о ходе наступления и общем положении войск фронта. Мы с нетерпением ожидали этих сведений, а получив их, немедленно сообщали командирам корпусов. Еще бы — всегда приятно передавать радостные известия.

К вечеру 22 января танковые и механизированные войска 1-го Белорусского фронта подошли к познанской оборонительной полосе и возле городов Накель, Бромберг и Познань вклинились в нее. Передовые части этих войск оторвались от главных сил общевойсковых армий более чем на 100 километров. Пехота никак не могла догнать подвижные соединения, хотя шла хорошо: средний темп наступления достигал 30—40 километров в сутки.

Сопротивление гитлеровцев постепенно возрастало. Используя значительные лесные массивы и реку Варта, немцы пытались остановить продвижение советских соединений. Вражеское командование стремилось выиграть время для организации обороны по старой германско-польской границе, проходившей по линии Шнайдемюль, Чарникау, Бетше.

Положение войск 1-го Белорусского фронта затруднялось тем, что не было аэродромов. Подготовить их в условиях зимы оказалось делом нелегким. Авиация помогала наземным войскам гораздо меньше, чем могла бы.

23 января 1-я гвардейская танковая армия вышла в район западнее Познани, а части 2-й гвардейской танковой армии и 2-го гвардейского кавалерийского корпуса,

наступавшие в северо-западном направлении, овладели городом Бромберг (Быдгощ). Для содействия им туда же были выдвинуты передовые отряды 47-й армии.

Продолжая наступать, танкисты 2-й гвардейской к исходу 25 января достигли переправ через реку Нетце в районе Чарникау: передовые отряды этой армии завязали бои на восточной окраине Шнайдемюля. Тут успех следовал за успехом. Но на правом фланге фронта обстановка осложнялась. Противник сосредоточивал здесь крупные силы для удара в южном направлении. А войска 2-го Белорусского фронта были в это время повернуты на северо-восток для разгрома восточно-прусской группировки. Эти обстоятельства вынудили командование 1-го Белорусского фронта выделить значительные силы для обеспечения правого фланга.

Маршал Жуков решил прикрыться от померанской группировки противника, оставить часть войск для блокирования и уничтожения гарнизонов в Шнайдемюле и Познани, а главными силами фронта наступать в западном направлении, чтобы с ходу захватить пограничные укрепления, которые, по имевшимся данным, не везде были заняты постоянными гарнизонами. Быстрое преодоление пограничных укреплений обеспечивало выход войск фронта к реке Одер, захват плацдармов на ее западном берегу.

В связи с тем что главные силы 2-го Белорусского фронта были повернуты против окруженной восточно-прусской группировки противника, а войска его левого фланга задержались на реке Висле в районе города Торн, разрыв между смежными флангами 1-го и 2-го Белорусских фронтов к 25 февраля достиг 110—120 километров. Маршал Жуков направил в этот разрыв соединения 47-й и 61-й армий и 2-го гвардейского кавалерийского корпуса.

В населенный пункт Клодаву, где остановился наш штаб, пришла телеграмма, в которой были изложены дальнейшие задачи 3-й ударной. Мы быстро нанесли полученные указания на рабочую карту генерала Букштыновича. Армии предстояло резко повернуть на северо-запад и двигаться в общем направлении на Иноврацлав, Бромберг. Впереди еще не менее 150 километров пути. Приказ требовал двигаться быстрее. Штаб работает без задержки. Вот уже готовы боевые распоряжения корпу-

сам и армейским частям. Начальник штаба докладывает их командарму на подпись. Изменений нет, можно отправлять по назначению. Через несколько минут начальник секретной части оперативного отдела старший лейтенант Цопов вручает под расписку офицерам связи опечатанные пакеты. Еще 30—40 минут — и они доставят распоряжения командирам корпусов. Мы уверены: завтра утром дивизии без опоздания снова выступят в поход.

Погода стала ухудшаться. Началась метель. Наклонившись вперед, закрывая руками лица, проваливаясь по колено в сугробы, бойцы пробивались вперед, стремясь не потерять из виду друг друга. Каждый шаг давался с трудом. Командиры и политработники шли в колоннах вместе с бойцами, следили, чтобы все получали пищу, помогали тем, кто выбился из сил.

Буксовали и оставались в сугробах автомашины. С каждым днем ухудшалось снабжение горючим и продовольствием. Начались перебои с питанием. Но особенно тревожили нас боеприпасы. Перед началом марша армия была полностью обеспечена ими. Однако значительная часть боеприпасов из-за нехватки транспорта осталась восточнее Варшавы. Другая часть застряла на дорогах. Проверка показала, что войска имеют в среднем 0,2 боекомплекта мин, 0,4 боекомплекта 76-миллиметровых снарядов, от 0,5 до 0,8 боекомплекта винтовочных патронов и 0,3 боекомплекта ручных и противотанковых гранат. А ведь мы шли в бой.

Армейские тылы, склады и госпитали отстали от главных сил армии на 150—200 километров. Основная причина — наша застарелая болезнь — нехватка горючего и автотранспорта. Из-за морозов и обледеневших дорог дивизионные тылы и полковые обозы тоже двигались медленно. Лошади, кованные в Прибалтике без шипов, падали, теряя силы. Часть войскового транспорта была занята ненужным имуществом и штабным оборудованием, за которое цепко держались хозяйственники и различные обеспечивающие службы. Пришлось вмешаться Военному совету армии, навести порядок и очистить обозы от лишнего груза.

Командование, офицеры штаба и политического отдела армии целыми днями находились в войсках, устраняя на месте обнаруженные недостатки.

Наиболее организованно совершали марш соединения

79-го стрелкового корпуса. Походные колонны его частей двигались на установленных дистанциях. Личный состав был подтянут и выглядел менее усталым. Выделялась и 171-я стрелковая дивизия.

Несколько иначе проходил марш в 7-м стрелковом корпусе. Здесь недостаточно использовались параллельные дороги, вследствие чего увеличивалась глубина колонн дивизий; артиллерия на механической тяге шла вперемешку с пехотой, задерживая ее движение; комендантская служба была поставлена плохо, на перекрестках дорог и при объездах крупных населенных пунктов создавались заторы и пробки; походный порядок не соблюдался, бойцы двигались группами и в одиночку; управление подразделениями на марше нарушалось.

Безусловно, ежедневные переходы в 40—50 километров тяжело сказывались на состоянии людей. Однако настроение основной массы личного состава было хорошее, бодрое.

Как раз в эти дни Военный совет фронта обратился к воинам с призывом усилить натиск на врага. Обращение это было встречено с воодушевлением, оно поднимало наступательный порыв бойцов и офицеров.

В последних числах января войска 3-й ударной, совершив трудный 450-километровый марш, вышли на территорию Германии северо-западнее Бромберга. Здесь мы начали занимать оборону на выгодных рубежах, чтобы не допустить возможных ударов противника в южном направлении.

12-й гвардейский стрелковый корпус силами 33-й стрелковой и 52-й гвардейской стрелковой дивизий занял рубеж Бушково, Цемпельбург, Клайн-Висневка фронтом на север. Длина участка — около 40 километров. Во втором эшелоне корпус имел 23-ю гвардейскую стрелковую дивизию, готовую к нанесению контратак. Против корпуса действовали части 32-й и 15-й пехотных дивизий СС, которые предприняли несколько атак силами до полка пехоты с танками. Все атаки были отбиты с большими для немцев потерями.

Остальные соединения нашей армии по мере продвижения последовательно занимали оборону западнее 12-го гвардейского стрелкового корпуса.

79-й корпус перешел к обороне фронтом на север в районе Фандсбурга и Флатова. 7-й корпус продвинулся еще дальше на запад и 13 февраля сосредоточился в районе Бальстер, Нойведель, Минкен, где временно поступил в оперативное подчинение командующего фронтом — совместно с 115-м укрепленным районом этот корпус тоже занял оборону фронтом на север.

Таким образом, войска 3-й ударной, обеспечивая правый фланг 1-го Белорусского фронта, растянулись в обороне более чем на 150 километров. Левее 79-го стрелкового корпуса действовали дивизии 2-го гвардейского кавалерийского корпуса. С гарнизоном противника в районе Шнайдемюля вели борьбу части 47-й армии. В промежуток между 79-м и 7-м корпусами выдвигались дивизии 1-й армии Войска Польского. Западнее 7-го стрелкового корпуса действовали войска 61-й армии.

Наш штаб разместился в небольшом населенном пункте Лохово, который находился на хорошей дороге в 10 километрах западнее Бромберга. Однако мы опасались, что по этой дороге могут двинуться гитлеровцы, если им удастся вырваться из окружения в городе Торн. Телефонной связи непосредственно со штабом 70-й армии 2-го Белорусского фронта, блокировавшей гарнизон Торна, у нас не было. Чтобы знать обстановку и при необходимости быстро принять соответствующие меры, мы ежедневно посылали туда офицеров штаба на автомашине с охраной. Опасения наши были не напрасны: основная группировка противника из Торна вырвалась. Правда, ушла она в северо-западном направлении. В нашу сторону проникли по лесам только разрозненные группы немцев. Их успешно вылавливали бойцы тыловых частей и подразделений.

Войска ударной группировки 1-го Белорусского фронта продолжали двигаться на запад. Особенно значительного успеха они достигли 31 января. В этот день 5-я ударная и 2-я гвардейская танковая армии вышли к реке Одер и захватили северо-западнее Кюстрина плацдарм шириной более четырех и глубиной до двух километров. Войска 1-й гвардейской танковой армии преодолевали упорное сопротивление противника южнее Мезеритц. Соединения 8-й гвардейской армии овладели городом Шверин. 69-я и 33-я армии весь этот день вели тяжелые бои за Мезеритцский укрепленный район и на отдельных участках прорва-

ли его. В то же время шли напряженные бои с гитлеровцами в городах Шнайдемюле и Познань.

Итак, на левом берегу Одера появился первый плацдарм. Для закрепления достигнутого успеха необходимо было расширить фронт форсирования, захватить и закрепить на Одере другие плацдармы, ликвидировать окруженные гарнизоны противника. Правый фланг ударной группировки фронта должны были обеспечить 3-я ударная армия и 1-я армия Войска Польского.

Для нас начался новый этап: мы теперь сражались на территории фашистской Германии. Это и вдохновляло людей, и накладывало на них серьезную ответственность. В частях армии были проведены митинги, которые проходили празднично и торжественно. В 63-м гвардейском стрелковом полку старший сержант Юрченко, сняв от волнения шапку, горячо и страстно заявил:

— Я шел сюда, чтобы отомстить врагу, и дошел. Немцы пять раз ранили меня, но советского воина нельзя остановить, его не берет фашистский свинец. У меня на груди броня из гнева. А гнев мой велик — немцы угнали сюда, в неметчину, мою сестру. Я должен ее найти. Они сожгли мою деревню вблизи Смоленска, разорили колхоз, разбросали по свету всю мою семью. Я дошел до Германии! Это — счастье воина! Сколько пар сапог пришлось износить, чтобы прийти сюда! А теперь до Берлина я обязательно дойду!..

Каждый из нас чувствовал — победа не за горами. И каждому хотелось закончить войну именно в центре фашистского логова. Однако мы понимали, что Германия велика и военные дороги приведут в Берлин далеко не всех...

6

В восемь утра 14 февраля позвонил мне из Флатова генерал Переверткин:

— Товарищ Семенов, только что к нам в штаб приехал заместитель командира второго гвардейского кавалерийского корпуса по тылу полковник Бугров. Он сообщил, что сегодня на рассвете на их полевую хлебопекарню, расположенную в лесу севернее Шнайдемюля, вышли немцы, двигавшиеся в колоннах на север. По всей вероятности, это прорвались части шнайдемюльского гарнизона, чтобы соединиться со своими войсками в Померании.

— Семен Никифорович, что вы предприняли?

— Послал разведку в юго-западном направлении, принимаю меры к разгрому прорвавшейся группировки. Сам выезжаю в сто пятидесятую дивизию, к Шатилову. Прошу сообщить командующему армией, дозвониться к нему я не смог.

Я сказал, что командующий рано утром уехал в 12-й гвардейский корпус, пообещал немедленно разыскать его по телефону и доложить о создавшейся обстановке.

От Шнайдемюля, который был блокирован частями 47-й армии, до линии соприкосновения с врагом, где сейчас оборонялись части нашей 23-й гвардейской стрелковой дивизии, было не более 50 километров. Через все это пространство широкой полосой вдоль реки Кюддов тянулся на север хвойный лес. Его-то немцы и решили использовать при выходе из окружения.

Данные разведки, доложенные начальником штаба 79-го корпуса полковником Летуновым, подтвердили, что остатки шнайдемюльского гарнизона, усиленные самоходной артиллерией, пытаются пробиться по лесам в северном направлении, в район Ландек, на соединение с обороняющимися там немецкими частями.

Район Ландека удерживался 63-м гвардейским стрелковым полком 23-й гвардейской дивизии. Южнее, возле Флатова, находилась 150-я стрелковая дивизия. Юго-восточнее ее — части 207-й стрелковой дивизии. Таким образом, все основные дороги, идущие на север, были в руках наших войск. Однако лес, по которому двигались колонны противника, тянулся в 10 километрах западнее Флатова и не был занят нашими частями.

Требовалось принять самые срочные меры, чтобы задержать группировку фашистов. Одновременно надо было не допустить наступления немцев из района Ландек навстречу прорвавшемуся гарнизону.

Проанализировав сложившуюся обстановку, генерал Симоняк приказал организовать круговую оборону населенного пункта Кроянке на южных подступах к Флатову, вести непрерывную разведку на Ястров, Тарновке и Шенфельд. Командиру 12-го гвардейского корпуса двумя полками атаковать противника на своем левом фланге в районе Ландек и Каппе, отбросить немцев на север. Одновременно в борьбу с прорывающейся группировкой была

включена армейская артиллерия, оказавшаяся в этом районе.

Общее руководство по разгрому шнайдемюльской группировки было возложено на командира 79-го стрелкового корпуса. Получив эту задачу и не имея точных данных о силах противника, генерал-майор С. Н. Переверткин решил преградить немцам пути отхода на север. Для этого он приказал генералу В. М. Шатилову занять главными силами 150-й стрелковой дивизии район Хоэнфир, Гурзен, Дейч-Фир; одним полком — Радовнитц, Штрассфорт; одним стрелковым батальоном оборонять населенный пункт Кроянке к югу от Флатова.

За день части 150-й дивизии в основном вышли в указанный район. Однако 756-й полк запоздал и только к вечеру занял Гурзен. Эта задержка дала возможность противнику, продвигавшемуся по двум маршрутам, захватить несколько населенных пунктов, расположенных вблизи лесного массива, куда должны были выйти наши части.

Обстановка осложнялась. Видя это, командир 79-го корпуса усилил стрелковые полки в районе Флатова, передвинул сюда часть армейской артиллерии. Командиру 207-й стрелковой дивизии было приказано выбить немцев из Заколльнова и Тарновке (в 15 километрах к юго-западу от Флатова), которые к исходу дня также оказались в руках противника.

К нашим разведчикам попал приказ коменданта шнайдемюльской крепости полковника Ревлингера, изданный 13 февраля. Он подробно, до мелочей, регламентировал порядок выхода немецкого гарнизона из города. Приказ помог нам определить цели противника. Приведу некоторые пункты этого документа:

Шнайдемюль 13.1.45. Приказ по боевой группе «Ревлингер»

. . . .

2. Боевая группа в 19.30 13.2 выходит из города Шнайдемюль на участке гренадерского батальона, прорывает кольцо окружения противника и двигается через Шенфельд на север с целью соединения с нашими войсками в районе северо-восточнее Ландек.

. . . .

4. Исходные позиции занять в 19.00. Командирам подразделений прислать на исходные позиции связных. Рас-

поряжается ими и строит колонну — начальник противотанковой артиллерии.

. . . .

7. При встрече на пути движения противника уничтожать его быстрыми и короткими ударами, в случае упорного сопротивления — обходить его.

. . . .

13. КП боевой группы с 19.00 — господский двор Грюнталь, с началом движения — я следую за гренадерским батальоном.

Комендант шнайдемюльской крепости
полковник Ревлингер.*

15 февраля бои разгорелись с новой силой. Стояла сплошная низкая облачность, температура поднялась до трех градусов тепла, моросил мелкий дождь, горизонт затянулся дымкой. На дорогах — грязное месиво. Немцы, заняв к утру Хоэнфир и лес западнее Гурзена, пытались при поддержке самоходных орудий прорваться в северном направлении. Однако все их атаки были отбиты.

К полудню фашистам удалось захватить западную часть Радовнитц. После этого у них появилась реальная возможность прорваться к своим частям в районе Ландека, расстояние до которого не превышало 10 километров. В этот критический момент решающую роль сыграла неожиданная для противника атака 164-го стрелкового полка 33-й дивизии под командованием подполковника Пейсаховского.

Стремительным ударом немцы были выбиты из Радовнитц. Затем их вышибли и из Хоэнфира. У противника началась паника. Бросая оружие, гитлеровцы в беспорядке стали разбегаться по лесу. Некоторые подразделения целиком сдавались в плен.

В момент напряженного боя в районе Радовнитц наши 594-й и 598-й стрелковые полки атаковали противника в районе Вангерц, Тарновке (юго-западнее Флатова). Оттесняя гитлеровцев, они к концу дня овладели рубежом Дейч-Фир, Эспенхаген, Тарновке. Части 150-й дивизии продолжали вести бой западнее Флатова.

На следующий день остатки шнайдемюльского гарнизона еще раз пытались пробиться в район Ландека. После

---

* Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 541, лл. 66—68.

упорного и длительного боя с подразделениями 469-го стрелкового полка они захватили Штрассфорт и начали продвигаться в северном направлении. Снова создалась угроза выхода немцев в тыл частям 23-й гвардейской дивизии. Отдельным группам противника удалось проникнуть в леса южнее Ландека. Там их своевременно обнаружили подразделения 63-го гвардейского полка. В короткой схватке враг был уничтожен.

Прошло еще двое суток, и разгром остатков шнайдемюльской группировки был завершен. Небольшие разрозненные группы немцев пытались просочиться из лесов на север через боевые порядки наших частей. Однако к исходу 17 февраля были ликвидированы и эти мелкие группы.

Наши войска взяли в плен двух важных офицеров из шнайдемюльской крепости: полковника и майора. Полковник сообщил, что шнайдемюльский гарнизон в момент выхода из окружения насчитывал до 10 тысяч человек. Потеряв связь со штабом 10-го армейского корпуса 11-й армии и с верховным командованием, комендант крепости решил прорваться из окружения в северо-восточном направлении двумя колоннами. В первой (моторизованной) колонне насчитывалось до 3 тысяч человек. Во второй, следовавшей в пешем строю, были все остальные.

В ночь с 13 на 14 февраля после короткой артподготовки гарнизон прорвал оборону русских и начал двигаться к северо-востоку на Шенфельд. Пройдя 15 километров, колонны встретили упорное сопротивление русских и понесли большие потери в живой силе и технике. В связи с этим я отдал приказ выходить из окружения мелкими группами, по 4—5 человек. Однако уйти мне не удалось... *

В боях со шнайдемюльской группировкой противника войска 3-й ударной армии уничтожили до 7000 солдат и офицеров, 12 танков, 73 орудия и миномета, 150 автомашин, 225 пулеметов. Было захвачено 3192 пленных, 5 танков, 66 орудий и минометов, 384 автомашины и много другого военного имущества, снаряжения и боеприпасов.

Еще раз хочу подчеркнуть, что разгром прорвавшегося противника во многом предопределили решительность и быстрота действий 164-го полка подполковника Н. Г. Пей-

---

* Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 541, лл. 29—30.

саховского в районе Радовнитц, а также отличные действия 3-го батальона 469-го полка под командованием капитана В. И. Давыдова, принимавшего участие в том же бою.

Когда войска армии громили шнайдемюльскую группировку немцев, части 7-го стрелкового корпуса, находившиеся в обороне, были контратакованы гитлеровцами с трех направлений. Особенно мощной была их контратака в центре, возле Хассендорфа. Здесь противник сосредоточил до двух полков пехоты с 40 танками и самоходными орудиями.

Части 7-го корпуса и 115-го укрепленного района имели мало боеприпасов и с трудом отбивали фашистов. Понеся значительные потери, наши подразделения подались назад, но все же сумели задержать врага на рубеже озеро Альт-Лобитц, Гутсдорф, Рестенберг, Реетц.

17 февраля в район 7-го корпуса прибыл штаб нашей армии. Мы разместились в населенном пункте Минкен. На следующий день противник снова попытался улучшить свои позиции. Канонада не умолкала. Но мы уже не опасались за это направление. На помощь 7-му корпусу шли дивизии 79-го корпуса, закончившие разгром шнайдемюльской группировки. Эти дивизии заняли исходное положение для наступления левее 7-го корпуса. После непродолжительной артподготовки они атаковали противника, но не очень удачно. Встреченные организованным огнем, они вынуждены были прекратить наступление.

20 февраля обе стороны перешли к обороне. Наша армия продолжала сосредоточивать свои силы, подтягивала тылы. Предстоящих задач мы еще не знали. Вместе с тем все понимали: надо готовиться к наступлению.

Главной заботой для Военного совета армии, для всех командиров соединений был подвоз горючего и боеприпасов, без которых нельзя было рассчитывать на успех. А между тем войска армии удалились от пунктов своего базирования более чем на 500 километров. Взорванные противником железнодорожные мосты через Вислу еще не были восстановлены. Единственным средством подвоза оставался автотранспорт: два армейских автобата и автороты дивизий.

Каждая машина, отправлявшаяся в рейс за горючим или боеприпасами, должна была пройти в два конца более

1000 километров, израсходовав при этом значительное количество бензина. К тому же на поездку затрачивалось несколько дней, а нам нужно было как можно скорее обеспечить войска. Некоторую помощь оказывал тыл фронта. Однако основную роль играл все же армейский транспорт.

7

Выходом войск 1-го Белорусского фронта на реку Одер и захватом плацдармов на ее западном берегу успешно завершилась одна из крупнейших наступательных операций Великой Отечественной войны. Дальнейшая борьба за расширение и закрепление плацдармов приняла весьма напряженный характер. В результате упорных боев войска 5-й ударной армии в первой половине февраля расширили свой плацдарм до 27 километров по фронту и 3—5 километров в глубину. В это же время 8-я гвардейская армия расширила плацдарм южнее Кюстрина до 14 километров по фронту и до 5 километров в глубину. Объединить эти плацдармы удалось лишь в марте.

Несмотря на поражение на центральном направлении, немцы продолжали удерживать в своих руках побережье Балтийского моря в Восточной Померании. Стремясь использовать нависающее положение восточно-померанского выступа над соединениями 1-го Белорусского фронта, вышедшими к Одеру, немецкое командование сосредоточивало здесь свои войска, готовясь нанести мощный контрудар по правому флангу и тылу нашего фронта, чтобы сорвать наступление на Берлин. Силы противника в Восточной Померании непрерывно росли.

Сначала задача по разгрому этой вражеской группировки была возложена Ставкой на войска 2-го Белорусского фронта. Утром 10 февраля его войска перешли в наступление из района юго-западнее Грудзёндза в общем направлении на Штеттин. В условиях распутицы, преодолевая сопротивление противника в лесисто-озерной местности, войска фронта к исходу 19 февраля продвинулись на отдельных направлениях до 70 километров. Затем наступление 2-го Белорусского фронта приостановилось.

В это время на правом фланге 1-го Белорусского фронта уже действовали четыре общевойсковые армии и один кавалерийский корпус. В их числе и 3-я ударная. Обще-

войсковые армии совершали перегруппировку в западном направлении, вели бои по ликвидации окруженных группировок противника, отражали его контрудар к югу от Штатгарда. Здесь противнику удалось потеснить части 47-й армии на 8—12 километров и овладеть городами Пиритц и Бан. Опасность усугублялась тем, что в этом районе перегруппировывались советские войска, которые имели задачу выйти к Одеру. Частный успех немцев еще раз показал необходимость принять срочные меры для разгрома вражеской группировки в Померании.

17 февраля Ставка приняла решение: ударом крупных сил, сосредоточенных на смежных флангах 1-го и 2-го Белорусских фронтов, быстро выйти к Балтийскому морю и тем самым рассечь восточно-померанскую группировку противника, а затем уничтожить ее по частям.

2-й Белорусский фронт получил задачу нанести главный удар своим левым флангом в направлении города Кезлин; достигнув побережья Балтийского моря, резко повернуть на восток и, наступая на Данциг, разгромить 2-ю немецкую армию.

1-й Белорусский фронт должен был нанести главный удар войсками правого фланга в направлении на Кольберг; после расчленения вражеской группировки наступать на запад, на Каммин, Голлнов и Альтдамм, уничтожить 11-ю немецкую армию, выйти к Штеттинской бухте и к Одеру от его устья до Цедена.

Войска фронтов переходили в наступление не одновременно, а по мере готовности: 2-й Белорусский фронт — 24 февраля, а 1-й Белорусский — 1 марта.

По решению маршала Жукова наш фронт наносил основной удар силами двух общевойсковых и двух танковых армий.

Вечером 22 февраля мы получили оперативную директиву фронта. Нашей армии предстояло «перейти в наступление с задачей прорвать оборону противника на участке высота 115.4, Реетц и, развивая удар в общем направлении Якобсхаген, Фрайенвальде, Шенвальде, на третий день операции овладеть рубежом Карвитц, Вангерин, Брейтенфельде, Хермельсдорф. В дальнейшем иметь в виду наступление в направлении Наугард».

Таким образом, 3-й ударной необходимо было сосредоточить свои основные силы на левом фланге и двигаться в северо-западном направлении. Общая ширина полосы на-

ступления армии равнялась 36 километрам. Участок прорыва вражеской обороны — 16 километрам.

Войска 3-й ударной были усилены одним укрепленным районом, танковым корпусом, артиллерийской дивизией РГК, двумя истребительно-противотанковыми артиллерийскими бригадами, дивизией и тремя полками гвардейских минометов. Действия армии поддерживали 567-й штурмовой авиационный полк и 278-я истребительная авиационная дивизия.

С выходом пехоты на рубеж Клайн-Шпигель, Фалькенвальде в полосе наступления 3-й ударной вводилась в прорыв 1-я гвардейская танковая армия, наносившая удар на север. Правее нас на второй день операции переходила в наступление 1-я армия Войска Польского. Слева, одновременно с нами, прорывала оборону противника 61-я армия. В полосе ее действий вводилась в прорыв 2-я гвардейская танковая армия.

В директиве фронта с исчерпывающей полнотой были даны все указания по подготовке наступления. Чтобы сохранить в тайне содержание директивы, командарму разрешалось ознакомить с нею только начальника штаба, начальника оперативного отдела и командующего артиллерией армии.

Против 3-й ударной оборонялись соединения 10-го армейского корпуса немцев: 402-я запасная дивизия, 5-я легкая пехотная дивизия, 49-й мотополк 23-й мотодивизии СС и танковая бригада СС «Фюрер».

Оборонительный рубеж гитлеровцев имел две позиции, которые первоначально были оборудованы лишь отдельными окопами и ячейками. Однако с 20 февраля, после неудачных контратак, немцы приступили к форсированному совершенствованию своих позиций. На отдельных участках были отрыты траншеи и ходы сообщения полного профиля, установлены минные поля и проволочные заграждения. На танкодоступных направлениях в районах Нантиков и Реетц появились противотанковые мины и завалы.

Вторая позиция вражеской обороны проходила по линии железной дороги на участке Гусдорф — Реетц. Так же, как и первая, она усиленно оборудовалась в инженерном отношении. По рельефу местности эта позиция для немцев была более выгодна. Она тянулась по высокой и крутой насыпи железной дороги, скрывавшей от нашего

наблюдения передвижение войск противника в его ближайшем тылу. В то же время насыпь позволяла немцам просматривать всю лежавшую впереди местность и представляла весьма серьезное препятствие для наших танков.

Все дома и другие каменные постройки на переднем крае и в тактической глубине обороны противника, а также важнейшие высоты, командные пункты полков, батальонов и дивизионов, огневые позиции тяжелого пехотного оружия и артиллерии были оборудованы как опорные пункты и приспособлены к круговой обороне.

Получив директиву, штаб армии, не теряя времени, приступил к планированию операции. Предстояло в сжатые сроки разработать ряд документов, без которых не могла начаться подготовка к активным действиям.

23 февраля, в соответствии с предварительным решением генерал-лейтенанта Н. П. Симоняка, я составил план перегруппировки войск армии к левому флангу. Боевые распоряжения были сразу доведены до командиров корпусов и начальников родов войск и служб.

В этот же день рано утром командарм и командующий артиллерией выехали в штаб фронта для участия в розыгрыше предстоящих боевых действий на картах. Руководил маршал Г. К. Жуков. В ходе игры, как потом рассказывал генерал Симоняк, выяснилось, что положение противника, показанное на нашей карте, не совпало с данными на картах фронта.

По тем донесениям и сводкам, которые мы ежедневно представляли в штаб фронта, железная дорога, где проходила вторая позиция противника, была занята немцами во время последних контратак. На картах же штаба фронта дорогу эту занимали наши части. Командующий фронтом выразил неудовлетворение и нашему командарму и в адрес своего штаба. Генерал Симоняк, возвратившись с игры, упрекнул Букштыновича. Тот приказал мне подготовить в штаб фронта подробное объяснение. Найти виновных оказалось трудно. К счастью, к этому казусу больше никто не возвращался.

Полковник М. С. Тур подготовил план рекогносцировок полосы наступления армии последовательно всеми командными инстанциями. Во второй половине дня 24 февраля Н. П. Симоняк с командирами корпусов и командирами приданных соединений провел рекогносцировку участ-

ка прорыва на местности. В последующие дни рекогносцировку проводили командиры корпусов, дивизий, бригад, полков, батальонов и дивизионов.

25 февраля к нам на командный пункт приехал с группой офицеров и генералов командующий 1-й гвардейской танковой армией генерал-полковник танковых войск М. Е. Катуков: надо было организовать взаимодействие между нашими армиями. 3-й ударной впервые предстояло наступать рука об руку с прославленной танковой армией, в состав которой входили 11-й гвардейский танковый и 8-й гвардейский механизированный корпуса.

Получив указания своих командармов, я и начальник оперативного отдела штаба 1-й гвардейской танковой армии полковник М. Т. Никитин начали готовить план взаимодействия на карте масштаба 1 : 100 000. В плане указывался рубеж и порядок ввода в прорыв корпусов танковой армии, намечались их маршруты, задачи, порядок выдвижения и смены боковых отрядов. Согласовывались мероприятия по артиллерийскому и инженерному обеспечению, определялась организация связи между армиями.

По решению генерала Катукова непосредственно за боевыми порядками дивизий первого эшелона нашей армии выдвигались передовые отряды танкистов — по одной усиленной танковой бригаде от каждого корпуса танковой армии. Когда пехота овладеет рубежом железной дороги на участке Хассендорф — Реетц, бригады вступят в бой с противником. Обгоняя пехоту, они будут развивать наступление в северном направлении. Главные силы танковой армии в этот период стоят в исходном районе, готовясь войти в прорыв с рубежа Клайн-Шпигель, Фалькенвальде. Вся артиллерия танковой армии привлекалась к участию в артиллерийской подготовке 3-й ударной.

Надо сказать, что план, составленный с участием танкистов, отличался от наших обычных планов своей конкретностью, краткостью и наглядностью.

Среди танкистов находился командир 8-го гвардейского механизированного корпуса генерал И. Ф. Дремов, который в период борьбы за Великие Луки командовал 47-й механизированной бригадой. Встретились мы как старые фронтовые друзья: обнялись и расцеловались.

Распрощавшись с танкистами, я закончил разработку боевого приказа армии на предстоящее наступление и до-

ложил его на подпись начальнику штаба, командарму и члену Военного совета. Отпечатанный в шести экземплярах на пишущей машинке, приказ сразу же был отправлен всем командирам корпусов. Штаб армии находился в нескольких километрах от штабов корпусов, времени на доставку приказа потребовалось немного.

По боевому приказу наша армия наносила удар на своем левом фланге силами трех стрелковых корпусов. Задачи им были поставлены на ближайшие три дня наступления. Оборона 20-километрового участка на правом фланге возлагалась на 115-й укрепленный район.

7-й стрелковый корпус генерал-майора В. А. Чистова в составе 265, 364 и 146-й стрелковых дивизий прорывал оборону противника на участке Хассендорф, Кройц протяжением 8 километров. Задача: к исходу первого дня овладеть рубежом Грос-Меллен, Бутов, который находился в 8—10 километрах от переднего края наших войск.

79-му стрелковому корпусу генерал-майора С. Н. Переверткина в составе 150, 171 и 207-й стрелковых дивизий предстояло прорвать немецкую оборону на 4-километровом участке Кройц, Буххольц. К концу первого дня операции корпус должен был продвинуться вперед на 12 километров.

12-й гвардейский стрелковый корпус генерал-лейтенанта А. Ф. Казанкина в составе 23-й и 52-й гвардейских и 33-й стрелковой дивизий действовал совместно с 79-м стрелковым корпусом на главном направлении. Он тоже прорывал оборону противника на 4-километровом участке и тоже имел задачу продвинуться до вечера на 10—12 километров.

9-й танковый корпус, которым командовал генерал-лейтенант И. Ф. Кириченко, должен был действовать вместе с дивизиями 79-го и 12-го гвардейского корпусов. Танки использовались для непосредственной поддержки пехоты. С этой целью бригады и полки танкового корпуса были приданы корпусам нашей армии.

В приказе были определены задачи поддерживающей авиации. 567-й штурмовой авиационный полк с началом атаки пехоты и танков наносил удары по опорным пунктам обороны противника в ближайшей тактической глубине. 278-я истребительная авиационная дивизия прикрывала с воздуха боевые порядки армии в исходном положении и во время наступления.

На участке прорыва создавалось значительное превосходство наших войск над противником. По пехоте мы превосходили немцев в четыре раза, по танкам — в два раза, а по артиллерии и минометам — в восемь раз. Плотность артиллерии в 79-м и 12-м гвардейском корпусах достигала 250 орудий и минометов на километр фронта прорыва.

Погода в районе, где предстояло действовать нашим войскам, обычно бывает капризной: сказывается близость Балтийского моря. После непродолжительной зимы с неустойчивым снежным покровом наступает ранняя сырая весна. Март 1945 года не был исключением из этих правил. Еще в период подготовки войск к наступлению весенняя распутица полностью дала себя знать. Грунтовые и полевые дороги стали непроходимыми для танков, артиллерии и автомашин. Создавались заторы боевой техники и автотранспорта даже на хороших дорогах, которых было недостаточно при таком большом количестве войск.

Утром 26 февраля генерал-майор Букштынович с документами по планированию операции выехал в штаб фронта к генерал-полковнику Малинину. Наш начштаба взял с собой карту-решение командарма на наступление, боевой приказ, план наступательной операции, карту противостоящей группировки противника, таблицу соотношения сил на фронте прорыва, план организации связи, планы взаимодействия с танковой армией и поддерживающей авиацией, а также план подготовительных мероприятий.

В штабе фронта с этими документами прежде всего ознакомился начальник оперативного управления генерал-лейтенант Бойко. Затем вместе с ним генерал Букштынович отправился на доклад к начальнику штаба фронта. Особых возражений наши документы не вызвали: они соответствовали директиве фронта.

Наш план операции был разработан полковником М. С. Туром по принятой у нас в штабе армии традиции — в форме таблицы. В нем предусматривались: подготовительный период продолжительностью пять суток и два этапа боевых действий на последующие три дня. Первый этап включал прорыв тактической обороны противника и обеспечение ввода в прорыв танковой армии. Второй этап продолжительностью в два дня предусматривал наступление вслед за танковой армией, борьбу с оперативными резервами противника и ввод в бой вторых эшелонов корпусов.

Утром 27 февраля командирам корпусов были доставлены выписки из плана операции. Одновременно мы отправили им и армейскую таблицу сигналов взаимодействия.

Перегруппировка войск к левому флангу армии, выход артиллерии в позиционные районы, организация связи и управления, подвоз боеприпасов, занятие пехотой и танками исходного положения для наступления — все это осуществлялось только в темное время суток.

Режим огня артиллерии и минометов, а также поведение наших войск на переднем крае оставались без изменений. Всему личному составу частей и подразделений, находившихся в первом эшелоне, разъяснялось, что нашей ближайшей задачей является упорная, длительная оборона.

На рекогносцировках, проводимых на местности командирами соединений и частей, определялись направления главных ударов корпусов и дивизий, устанавливались разграничительные линии между ними, уточнялись задачи артиллерии, порядок использования танков и авиации. Одновременно здесь же, на местности, проводился и розыгрыш предстоящих боевых действий.

Развернулась инженерная подготовка наступления. Отрывались окопы полного профиля для пехоты, оборудовались исходные позиции для танков. Создавалась сеть наблюдательных пунктов, с которых велось непрерывное изучение обороны противника. Огромная работа в условиях распутицы выпала на долю инженерных частей армии: они восстанавливали дороги, укрепляли мосты для прохода артиллерии и танков.

Накануне наступления дивизии провели на широком фронте разведку боем. Немцы были вытеснены из двух небольших населенных пунктов. Удалось захватить пленных, принадлежавших частям 402-й запасной дивизии, 5-й легкой пехотной дивизии и 49-му мотопехотному полку СС. Их показания полностью подтвердили данные о группировке противника. Было также установлено, что управление 11-й немецкой армии сменено управлением 3-й танковой армии.

Подготовка операции близилась к завершению. 28 февраля из штаба фронта была получена дополнительная директива, в которой указывались задачи на пятый — седьмой дни наступления. Армия должна была двигаться в об-

щем направлении на Дабер, Регенвальде, Грос-Юстин. К концу седьмого дня операции — овладеть рубежом Керстин, Кроне, Кольберг и выйти на побережье Балтийского моря. Новые указания не изменяли, а лишь развивали и дополняли основную директиву.

Уже стемнело, когда группа офицеров штаба армии во главе со старшим помощником начальника оперативного отдела подполковником Б. В. Вишняковым выехала на наблюдательный пункт командарма в Либенов. Туда к утру должен был прибыть и командующий 1-й гвардейской танковой армией со своей группой. Я оставался на командном пункте армии вместе с начальником штаба армии.

Началась последняя ночь перед наступлением. В 20 часов командирам корпусов передали, что атака назначена в 9.00 1 марта, артиллерийская подготовка — в 8.15, как раз в то время, когда у противника начинался завтрак и менялся личный состав на переднем крае.

Исходное положение для атаки пехота занимала к 5 часам утра. Танки непосредственной поддержки сосредоточивались на исходных позициях к часу ночи. В это время, чтобы заглушить шум двигателей, пехота первой линии из пулеметов и минометов вела массированный огонь по противнику.

Командиры корпусов, дивизий, бригад, полков и батальонов получили приказ к 5 часам утра 1 марта быть на своих наблюдательных пунктах и еще раз проверить состояние связи по всем направлениям. Сигнал атаки — серия зеленых ракет — подавался точно в назначенный срок с наблюдательных пунктов командиров всех степеней.

Местность на участке прорыва была слабо пересеченная, господствующие высоты занимал противник. Очень трудно было выбрать место для наблюдательного пункта командующего армией. Руководил этим делом подполковник Вишняков. Он обследовал весь район, но ничего подходящего не нашел. Пришлось остановиться на колокольне костела в населенном пункте Либенов. Условия наблюдения были хорошие: просматривалась оборона противника на всем фронте прорыва. Но генерал Симоняк этот выбор не одобрил. И не из-за того, что на колокольне было

опасно. Просто Симоняк часто болел ангиной и боялся простуды. Вместе с начальником артиллерии генералом Морозовым командарм выбрал место для НП в полосе наступления 171-й стрелковой дивизии, на небольшой высоте, с которой виден был, да и то не полностью, лишь участок прорыва этой дивизии. Высота находилась всего в 600 метрах от нашего переднего края. Когда саперный батальон приступил к оборудованию НП, Вишняков все же выделил одну роту для подготовки пункта на колокольне. И оказался прав. В конце концов командарм перебрался туда, потребовав предварительно ликвидировать сквозняки.

Неподалеку от костела заняла огневые позиции армейская пушечная бригада, которую командарм держал всегда ближе к себе: кроме других задач она при налетах артиллерии противника по району НП должна была вести контрбатарейную борьбу.

Мы очень опасались, как бы враг не засек наблюдательный пункт, но все обошлось благополучно. А вот вспомогательный НП в расположении 171-й дивизии, где вели наблюдение офицеры связи, противник обнаружил и произвел несколько артиллерийских налетов. Вот уж, воистину, на войне не угадаешь, где опасней!

Перед началом артиллерийской подготовки на наш НП прибыл командующий 1-й гвардейской танковой армией генерал Катуков с начальником оперативного отдела. Вместе с Симоняком он следил за развертыванием событий.

Обзор с колокольни был превосходный. Артиллерийская подготовка началась еще затемно. Отдельные вспышки на всем фронте прорыва слились в сплошное море огня.

С рассветом пехота вместе с танками пошла в атаку, быстро овладела первой и второй траншеями.

8

Восточно-Померанская операция началась точно по плану. Немцы понесли большие потери от огня нашей артиллерии, не смогли оказать организованного сопротивления. Пленный лейтенант из 2-й роты 56-го егерского полка заявил: «В результате артиллерийского огня русских батальон потерял половину личного состава, а во второй

роте осталось только двадцать человек». О крупных потерях говорили и другие пленные.

Над районом боевых действий стояла низкая облачность, моросил мелкий дождь. Продвижение пехоты и танков тормозилось не только сопротивлением врага, но и плохими дорогами. Противник, оправившись после нашего первого натиска, оказывал возраставшее сопротивление. Бросив в бой ближайшие резервы, он стремился сдержать наступление советских войск. Во второй половине дня немцы предприняли несколько контратак, каждая силой до батальона, против 265-й и 364-й стрелковых дивизий. Одновременно возросло сопротивление и на левом фланге армии.

В 14 часов в полосе 79-го стрелкового корпуса была введена в сражение 1-я гвардейская танковая армия. Обогнав передовые части генерала С. Н. Переверткина, танкисты устремились на север и к вечеру вышли в район Темнитц, в 15 километрах от линии фронта. Наш офицер, находившийся с мощной радиостанцией на передовом командном пункте генерала Катукова, систематически докладывал генералу Симоняку о том, как идут дела у танкистов.

Развивая наступление, войска нашей армии к концу дня достигли рубежа Хассендорф, Гламбек, Бутов, Якобсдорф, продвинувшись в центре до 10 километров. Однако в целом задачу первого дня мы выполнили не полностью. Дивизии, наступавшие на флангах, были несколько задержаны огнем и контратаками противника и не вышли на указанные им рубежи.

Активные действия наших передовых отрядов не прекращались и ночью.

В штабе и политотделе подводили первые итоги боев, назывались фамилии отличившихся солдат и офицеров.

Быстро и решительно действовал 1-й батальон капитана А. С. Твердохлебова из 674-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии. Наступая в первом эшелоне, батальон смело атаковал позиции противника и ворвался в его траншеи. Сержант Иван Золотухин по ходу сообщения подбежал к блиндажу и бросил туда гранату. Раздался взрыв, несколько фашистов было убито.

Отделение сержанта Виноградова уничтожило до взвода вражеской пехоты, а 20 гитлеровцев захватило в плен. Бойцы Игнатов, Кислый и Гарбуз, продвигаясь вперед, на

ходу вели огонь из ручных пулеметов по уцелевшим вражеским точкам.

Разгромив немцев в первой траншее, батальон Твердохлебова устремился в глубину обороны противника.

Отважно сражались с фашистами гвардейцы 155-го стрелкового полка 52-й гвардейской дивизии. Наступление этого полка было настолько стремительным, что вражеские подразделения бросили свои укрепленные позиции и разбежались по лесам, спасаясь от полного уничтожения.

2 марта наступление продолжалось. В 9 часов утра, после мощного артиллерийского налета, наши войска снова атаковали противника и двинулись вперед, не выпуская инициативы из своих рук.

Немцы ввели в сражение 11-ю моторизованную дивизию СС, усиленную различными сводными отрядами. Поддержанные танками и самоходными орудиями, части этой дивизии контратаковали наступавшие войска армии. Однако повлиять на общий ход сражения они не смогли.

Противник продолжал оказывать упорное сопротивление на флангах. Особенно яростно оборонялись части 402-й запасной немецкой дивизии, действовавшие против 7-го стрелкового корпуса. Буквально за каждый метр цеплялись части 23-й моторизованной дивизии СС, сражавшиеся против нашей 33-й стрелковой дивизии, которая наступала на самом левом фланге армии.

И все же удача сопутствовала нам. Войска 3-й ударной, используя успех танкистов, быстро продвигались вперед в центре полосы наступления. Окончательно было сломлено сопротивление частей 5-й легкопехотной дивизии: ее разрозненные подразделения беспорядочно отходили на север и северо-восток.

1-я гвардейская танковая армия продолжала наступать в северном направлении. Ее передовые отряды к вечеру 2 марта вышли на рубеж Ринов, Цюльцерин, Вангерин, отстоявший более чем в 30 километрах от места прорыва.

Погода улучшилась. Наша авиация активно поддерживала действия войск на главном направлении. А вражеская авиация в воздухе не появлялась. Лишь отдельные самолеты вели разведку.

Менее удачно складывалась боевая обстановка у наших соседей. Дивизии 1-й армии Войска Польского, пере-

шедшие в наступление 2 марта, встретили упорное сопротивление и добились лишь незначительного успеха. Ведя кровопролитные бои, медленно продвигалась и 61-я армия. В связи с этим 2-я гвардейская танковая армия не смогла войти в прорыв всеми своими силами. Командующий фронтом приказал ввести один корпус этой армии за нашим 12-м гвардейским корпусом. Распоряжение маршала было выполнено быстро и точно.

9

1-я гвардейская танковая армия продолжала продвигаться на север. Вечером 3 марта она вела бои на линии Шифельбайн, Регенвальде. Введенные в сражение на нашем левом фланге, части 2-й гвардейской танковой армии достигли района Раддов, Дабер и развивали успех в северо-западном направлении.

Быстрое продвижение танкистов и войск 3-й ударной привело к дальнейшему расширению полосы прорыва вражеской обороны, способствовало наступлению соседних армий. Оказавшись под угрозой окружения, противник ослабил сопротивление перед фронтом наших соседей и начал постепенный отход. 1-я армия Войска Польского, наступавшая правее нас, к вечеру 3 марта вышла на рубеж Плагов, Хайнрихсдорф, Гюнтерсхаген. 61-я армия генерала П. А. Белова к этому времени достигла рубежа Пензин, Швендт, Витихов.

Наши войска так глубоко проникли в расположение противника, что управление дивизиями в 10-м армейском корпусе немцев было нарушено. Как показывали захваченные в плен штабные офицеры, еще 2 марта на дорогах, идущих к северу и северо-востоку, скопилось так много вражеских обозов и боевой техники, что совершенно приостановилось всякое движение.

Командир 10-го армейского корпуса генерал Краппе, находившийся в Драмбурге, вынужден был для ликвидации заторов на дорогах выслать штабных офицеров в район населенного пункта Лабес. Однако события 3 марта разворачивались так стремительно, что пути отхода немецких войск на запад, к Одеру, были перехвачены частями 1-й гвардейской танковой армии и пехотой нашего 7-го стрелкового корпуса. Не дождавшись возвращения

штабных офицеров и не имея возможности использовать дороги, генерал Краппе принял решение выводить свои войска лесами в северо-западном направлении. Сначала на Лабес, а затем на запад к Воллину.

В ночь на 4 марта остатки 5-й легкопехотной дивизии сосредоточились юго-западнее Драмбурга. Утром командиру этой дивизии генерал-лейтенанту Зикету стало известно, что остальные силы 10-го армейского корпуса окружены советскими войсками. Не имея связи с командиром корпуса, генерал Зикет решил пробиваться к линии фронта. Выполняя его указание, остатки разбитых частей, насчитывавшие около 1000 солдат и офицеров, устремились по лесам на северо-запад.

Чтобы оказать помощь группировке 10-го армейского корпуса, отрезанной возле Драмбурга, немецкое командование перебросило на это направление два моторизованных полка добровольцев, разведывательный отряд 15-й танковой дивизии и артиллерийскую школу особого назначения. Фашисты попытались активными действиями сдержать дальнейшее наступление наших войск. Однако все эти резервы были разгромлены нашими частями во встречных боях.

4 марта войска армии продолжали двигаться вперед. 7-й стрелковый корпус, ведя борьбу с окруженной группировкой противника, наступал левым флангом на Драмбург и Лабес. 79-й стрелковый корпус основные свои усилия сосредоточивал в направлении Регенвальде. 12-й гвардейский корпус после взятия Фрайенвальде развивал наступление на Дабер и Наугард.

Командный пункт армии перешел из Минкена в Бутов. Оттуда, как и из других населенных пунктов, жители были эвакуированы по приказу немецкого командования. Но весь скот остался на месте. В каждом дворе ревели непоеные, некормленые и недоеные коровы, криком и визгом давали знать о себе голодные свиньи. Повсюду словно бы чувствовалось присутствие недавно ушедших людей...

Через некоторое время к нам в Бутов приехал со своего НП генерал Симоняк. Следующий переход командного пункта намечался в район Регенвальде. Посоветовавшись с командармом, генерал Букштынович пришел к выводу, что в условиях быстро развивающихся боевых действий органы управления армии делить нецелесообразно. Было решено все управление войсками сосредоточить на основ-

ном командном пункте, перемещая его последовательно, частями, за наступающими войсками.

В этот день наше наступление имело большой успех на всех направлениях. Это был кульминационный момент операции. 7-й стрелковый корпус, окружая совместно с польской армией группировку 10-го армейского корпуса, вечером вел бой на рубеже Шенвальде, Зааген, Деберитц. 79-й стрелковый корпус овладел рубежом Фланкенхаген, Лабун и завязал бои на южных подступах к Регенвальде, в 60 километрах от бывшей линии фронта. Хорошо действовал и 12-й гвардейский корпус. После полудня он овладел городом Дабер, в 20 километрах к северу от Фрайенвальде, и продолжал наступать на Наугард. 9-й танковый корпус, помогавший пехоте прорвать оборону противника, был выведен в резерв фронта.

Наибольший успех в этот день выпал на долю 1-й гвардейской танковой армии. Ее 11-й танковый корпус под командованием полковника А. Х. Бабаджаняна вышел вечером на побережье Балтийского моря в районе Кольберга. 8-й механизированный корпус генерала И. Ф. Дремова ворвался в город Бельгард, что в 40 километрах к юго-востоку от Кольберга, и рассеял там немецкий гарнизон, состоявший из резервного моторизованного батальона танковой дивизии «Гольдштейн».

Итак, советские танки вышли на побережье Балтики. Восточно-померанская группировка немцев была рассечена надвое. Решением Ставки 1-я танковая армия была повернута на восток, против группировки противника, которая действовала перед 2-м Белорусским фронтом.

Главная цель наступления оказалась достигнутой. Однако напряженность и динамичность боевых действий не снижались. 3-я ударная армия получила задачу двумя корпусами продолжать наступление в северо-западном и западном направлениях, выйти на восточный берег реки Одер и Штеттинской бухты. Один корпус — 7-й стрелковый — должен был не допустить отхода окруженного противника западнее линии Шифельбайн, Лабес. Во взаимодействии с частью сил 1-й гвардейской танковой армии и с соединениями 1-й армии Войска Польского ему предстояло разгромить и уничтожить врага в районе Каппе, Клютцов, Лабес.

5 марта соединения 7-го стрелкового корпуса значительно продвинулись на северо-восток. Разрозненные ча-

сти противника безуспешно пытались прорваться на запад. 171-я и 150-я дивизии форсировали реку Рега на подступах к Плате, овладели этим городом и к концу дня вели бои на рубеже Грайфенберг, Труцлац. 207-я стрелковая дивизия находилась на марше в район Регенвальде, куда переместился командный пункт корпуса.

Дивизии 12-го гвардейского корпуса, тесня мелкие группы противника, с боем заняли Наугард и ряд населенных пунктов севернее этого города. Части 3-го танкового корпуса СС отступали, прикрываясь арьергардами пехоты. В небе изредка показывались одиночные самолеты противника, которые, вероятно, вели разведку.

Корпусам армии предстояло теперь действовать на самостоятельных направлениях, и на весьма широком фронте. Роль каждого корпуса в общей операции армии возрастала. Командный состав и штабы корпусов имели возможность продемонстрировать свою зрелость, показать, на что способен каждый из них.

На следующий день 79-й стрелковый и 12-й гвардейский корпуса решительным ударом отбросили противника к Штеттинской бухте. Передовые части 171-й стрелковой дивизии вышли в район города Каммин и к побережью Балтийского моря севернее его. Южнее, в направлении города Воллин, выдвигались части 150-й стрелковой дивизии. На Штепенитц двигались наши гвардейцы. Однако наш левый сосед приотстал. Поэтому во второй половине дня 6 марта из штаба фронта поступило указание: частью сил 12-го корпуса нанести удар в южном направлении и, взаимодействуя с частями 2-й гвардейской танковой армии, овладеть городом Голлнов.

В полосе действий 7-го стрелкового корпуса отдельные группы противника пытались по ночам пробраться на запад и северо-запад. Однако основные силы 10-го армейского корпуса немцев еще продолжали вести бои. Как всегда в условиях высокоманевренных действий, наши войска, окружавшие совместно с 1-й армией Войска Польского вражескую группировку, не имели сплошного фронта. Это затрудняло планомерное уничтожение противника. А гитлеровцы, хорошо знавшие местность, стремились использовать для вывода своих войск лесные массивы и промежутки между нашими частями.

По существу, борьба шла с подвижной немецкой группировкой, которая стремилась вырваться из кольца и уйти на северо-запад, к побережью Балтийского моря. В таких условиях особое значение приобретало знание намерений противника, а также четкое и устойчивое управление своими войсками. К сожалению, с разведкой и управлением в штабе 7-го стрелкового корпуса было не все в порядке. Связь с дивизиями и полками нарушалась, сведения в штаб поступали с опозданием и не всегда точные. Впрочем, установить границы окруженной группировки было довольно трудно. Вражеские группы появлялись в ближайшем тылу армии то в одном, то в другом месте. Имея при себе только личное оружие, гитлеровцы пробивались на запад через походные порядки наших тыловых частей и подразделений. Сотни и тысячи немецких солдат и офицеров сдавались в плен.

На рассвете 6 марта по приказанию генерала Букштыновича я с группой офицеров штаба армии отправился в город Регенвальде, где оборудовался наш новый командный пункт. От Бутова до Регенвальде предстояло проехать 50 километров. Командарм, начальник штаба и член Военного совета должны были выехать туда после моего доклада о том, что установлена связь с корпусами и со штабом фронта.

Когда мы прибыли в Регенвальде, связь уже действовала. Однако я вынужден был предупредить генерала Симоняка, чтобы он повременил с переездом. Все дороги, связывавшие Бутов и Регенвальде, находились под воздействием мелких групп противника, стремившихся просочиться на запад. Работа телеграфных и телефонных линий, проложенных с юга через Бутов, часто нарушалась, связь со штабом фронта работала неустойчиво.

Город Регенвальде горел. Жителей в нем не было. Наслушавшись Геббельса, они бежали вслед за войсками. Повсюду были расклеены плакаты и лозунги, призывавшие мужское население вступать в части фольксштурма «для защиты немецких белокурых женщин от восточных варваров».

Вечером положение осложнилось. Никаких наших воинских частей в городе не было. Отступавшие гитлеровцы с минуты на минуту могли появиться на улицах, прилегавших к командному пункту. Я собрал всех бойцов и командиров, находившихся в городе. Их оказалось около

50 человек. Взял на учет все личное оружие, в первую очередь автоматы и ручные гранаты. Людей разбил на четыре команды, назначив во главе каждой старшего офицера. Поставил личному составу задачу на охрану и оборону командного пункта, который к этому времени уже полностью был готов принять управление войсками армии.

Практически мы оказались в окружении немецких подразделений, пробивавшихся из кольца. Пришлось занять круговую оборону. Все окрестные улицы были забаррикадированы.

Незадолго до полуночи генерал Букштынович приказал по телефону разыскать командный пункт 12-го гвардейского корпуса и поставить ему новую задачу: наступать на Голлнов. Из офицеров со мной были Вишняков, Войно и начальник АХО Зеленцов. Отправиться к гвардейцам я приказал подполковнику Вишнякову. С тяжелым сердцем посылал я своего товарища в неизвестность, на дороги, по которым шли немцы.

Посоветовавшись с шофером Митрофановым, Вишняков решил добираться на командный пункт 12-го корпуса не лесом, а по шоссе, где можно маневрировать и развить скорость. Машину сопровождали два автоматчика. Разобрав баррикаду, наши товарищи на большой скорости выскочили из города. Как потом выяснилось, все обошлось благополучно. Правда, машина дважды попадала под обстрел, но никто не пострадал.

А у нас была очень тревожная ночь. Мы с начальниками команд не сомкнули глаз. Остальные товарищи по очереди несли службу охранения. Отходившие гитлеровцы в бой с нами не ввязывались, старались обойти стороной. Вспыхивали лишь короткие перестрелки. До рассвета бойцы и командиры взяли в плен более 30 немецких солдат.

Утром 7 марта обстановка в районе Регенвальде постепенно разрядилась. Сюда подошли с юго-востока части 207-й стрелковой дивизии. В первой половине дня прибыли из Бутова генералы Н. П. Симоняк, А. И. Литвинов, М. Ф. Букштынович. С ними — остальной состав штаба. Командный пункт заработал на полную мощность.

Начали поступать сведения из соединений. Оказалось, что минувшая ночь была трудной для многих наших дивизий. Особенно ожесточенные бои шли в полосе 7-го стрелкового корпуса, где гитлеровцы делали все, что-

бы вырваться из окружения. Только против 265-й стрелковой дивизии было предпринято более десяти контратак силами от батальона до полка пехоты, при поддержке артиллерии и танков. Ценою больших потерь остатки вражеской группировки пробились на северо-запад и вышли в район, расположенный в 15 километрах от побережья Балтийского моря. Как потом выяснилось, в составе вырвавшейся группировки оказались остатки четырех дивизий: 402-й запасной, 163-й пехотной, 15-й пехотной СС и пехотной дивизии «Бервальде».

Части 7-го стрелкового корпуса соединились с частями 1-й армии Войска Польского в лесах западнее Лабес лишь после того, как немцы вырвались из кольца. Иначе говоря, корпус не сумел полностью выполнить поставленную ему задачу.

Вырвавшиеся из окружения гитлеровцы сосредоточились возле населенного пункта Трептов, заняли оборонительные рубежи и начали оказывать сопротивление нашим войскам.

На центральном направлении, где действовал 79-й стрелковый корпус, наступление развивалось более успешно. Дивизии этого корпуса 7 марта вышли на восточный берег Одера в его нижнем течении, полностью выполнив задачу командования армии.

12-й гвардейский стрелковый корпус после короткой артподготовки нанес вместе с частями 2-й гвардейской танковой армии удар на Голлнов. Этот город, расположенный среди лесов по обоим берегам сравнительно небольшой реки Ина, представлял для наступавших трудный объект. Заболоченная местность мешала маневренным действиям. На подступах к городу немцы заранее создали систему инженерных заграждений. И все-таки наши бойцы овладели Голлновом за один день и отбросили остатки разгромленного гарнизона на юг. Одновременно часть сил 12-го корпуса вела бои местного значения — очищала от врага восточный берег Штеттинской бухты.

В боях за Голлнов отличились бойцы и командиры 52-й гвардейской и 33-й стрелковой дивизий. На подступах к городу 1-я рота 155-го гвардейского полка, которой командовал старший лейтенант Трубников, попала под фланкирующий пулеметный огонь противника и вынуждена была залечь. Командир отделения гвардии сержант Карим Султанов решил уничтожить вражеский пулемет.

Используя складки местности, он подобрался к огневой точке и дал по ней автоматную очередь. Однако немецкие пулеметчики уцелели: им удалось смертельно ранить Султанова. Сделав несколько шагов, он упал на вражеский пулемет и на какое-то время заставил его замолчать. Этой паузой воспользовались гвардейцы. Рота стремительно ворвалась на позиции противника и в рукопашной схватке завершила его разгром. Успех этой роты дал возможность всему батальону быстро развить наступление на Голлнов.

Много раз добрым словом поминался в сводках 82-й стрелковый полк 33-й стрелковой дивизии. Хорошо сражался он и в Померании. Умело руководил своими подразделениями в бою за Голлнов командир 1-го батальона этого полка капитан Р. С. Кудрин. Обойдя город с востока, батальон внезапно ворвался на одну из улиц и обеспечил продвижение своего полка, который с незначительными потерями достиг центра города и вышел к реке Ина. В боях за переправу через эту реку батальон Кудрина снова применил обходной маневр, незаметно форсировал Ину, вышел в тыл врага и тем самым значительно облегчил переправу основных сил дивизии.

За умелое командование батальоном, за мужество и отвагу, проявленные в этом бою, капитан Роман Степанович Кудрин был представлен к званию Героя Советского Союза.

10

В Померании наши войска взяли в плен немецкого майора, начальника химической службы корпуса. Этот факт привлек к себе внимание: за всю войну в полосе 3-й ударной немецкие офицеры-химики в плен не попадали, а тут сразу такая фигура! После первых допросов пленного срочно отправили в штаб фронта.

Нашему командованию важно было знать, готовится ли противник применить отравляющие вещества. Дело шло к окончательному разгрому гитлеровской Германии. Попытаются ли фашисты изменить ход событий с помощью химического оружия? От ответа на этот вопрос зависело, как готовить наши войска к последним боям.

В ходе Померанской операции тылы 3-й ударной сильно растянулись, некоторые склады остались восточнее Вислы, в том числе и армейский химический склад. Меры

к подтягиванию тылов принимались, но транспорт еле справлялся с подачей минимально необходимого количества боеприпасов и продовольствия. Переправить через Вислу и продвигать за войсками удалось только летучку (подвижное отделение) армейского химического склада с небольшим запасом противогазов, дымовых и зажигательных средств.

Все эти обстоятельства вынуждали наших химиков повседневно заниматься анализом и оценкой данных о противнике с точки зрения его подготовки к применению отравляющих веществ, чтобы своевременно принять меры к защите своих войск.

Плененный нашими солдатами начальник химической службы корпуса показал, что гитлеровцы к использованию химического оружия не готовы и не готовятся. Противохимическая дисциплина в немецких воинских частях чрезвычайно низка, мер для ее повышения не принимается. Никакие отравляющие средства в войсках не сосредоточиваются.

Эти данные подтверждались многочисленными показаниями других пленных. Но важность их заключалась именно в том, что об этом говорил специалист. Сомневаться в достоверности его показаний у нас не было оснований.

Уверенность, что противник не готов к применению отравляющих веществ, позволила офицерам нашей химической службы уделить все внимание другим вопросам. В частности — дымовой маскировке войск и применению огнеметных средств.

11

8 марта центр борьбы переместился в район Грос-Юстин, Грайфенберг, Клайн-Юстин, Трептов, где сосредоточились разбитые, разрозненные полки и дивизии немцев, объединенные в различные боевые группы. Командовал ими генерал-лейтенант Фойх. Как выяснилось впоследствии, группы эти состояли из остатков 163-й пехотной и 402-й запасной дивизий, дивизии «Бервальде» и танковой дивизии «Гольдштейн». Сюда же, по данным разведки, пробивались с востока отброшенные войсками 2-го Белорусского фронта остатки еще трех-четырех дивизий — так называемая корпусная группа «Фон Теттау», общей численностью до пяти тысяч человек. Однако точного положения ее никто не знал.

Район сосредоточения группировки противника примыкал к побережью Балтийского моря. С юга он прикрывался на рубеже Трептов, Дрезов частями наиболее сохранившейся пехотной дивизии «Бервальде», которая была усилена различными отрядами и группами. По существу, вся эта территория находилась в тылу боевых порядков 79-го стрелкового корпуса и выглядела на карте как эллипс: протяженность с запада на восток достигала 40 километров, а с юга на север была вдвое меньше.

Возле города Воллин и севернее, до устья Одера, немцы обороняли прежние позиции. На левом фланге армии, югозападнее города Голлнов, части 10-й танковой дивизии СС оказывали сопротивление наступавшим войскам 12-го гвардейского корпуса.

Перед нашей армией встала задача как можно скорее разгромить приморскую группировку противника. Необходимо было принять меры, чтобы немцы не прорвались на запад, и быстро сосредоточить достаточные силы для нанесения удара. С этой целью 8 и 9 марта проводилась перегруппировка сил армии.

171-я стрелковая дивизия, находившаяся на правом фланге, заняла круговую оборону, имея основные силы на рубеже Бены, Куммин, Швизен, Клайн-Юстин фронтом на восток. Два батальона оборонялись по берегу Штеттинской бухты от Вальддивенова до Шархова фронтом на запад. 525-й стрелковый полк занимал позиции по берегу моря на участке между Пустховом и Калькбергом. 150-я стрелковая дивизия оборонялась южнее, вдоль восточного берега Штеттинской бухты. 207-я стрелковая дивизия сосредоточилась в районе Клайн-Юстин и поступила в подчинение командира 79-го стрелкового корпуса генерала Переверткина.

7-й стрелковый корпус генерала Чистова, завершивший боевые действия в лесах восточнее города Лабес, находился южнее Регенвальде. Утром 9 марта, после того как стало известно о движении с востока немецкой группы «Фон Теттау», генерал Симоняк приказал сосредоточить этот корпус в районе Штухов, Швизен, Каммин, Дорхаге.

В то же время, по указанию командующего фронтом маршала Г. К. Жукова, в полосу действий нашей армии на рубеж Цирквитц, Грос-Лютцов выдвигался 7-й гвардейский кавалерийский корпус генерала М. П. Констан-

тинова: он получил задачу наступать на северо-восток, в направлении Карнитц, Ревальд.

Приданный нам 5-й мотоциклетный полк 2-й гвардейской танковой армии прибыл в город Гюльцов. Здесь мотоциклисты были подчинены командиру 79-го корпуса и по его решению вышли на берег моря в районе Грос-Поббернов.

Днем 9 марта командный пункт армии переместился ближе к войскам, в небольшую деревню Хинденбург, расположенную в 6 километрах западнее города Наугард.

Весь день наши войска, выполняя полученные распоряжения, выдвигались на новые направления. Противник активных действий не предпринимал. Лишь мелкие группы немцев пытались пробраться на запад. Число пленных быстро росло: только за 7 и 8 марта части армии захватили 2096 вражеских солдат и офицеров.

В 14 часов 9 марта разведка обнаружила семь транспортных судов, приближавшихся к Гоффу и Хорсту. Мы предполагали, что это — возможные пункты погрузки вражеских войск на корабли. Как стало известно позже, немецкое командование усиленно распространяло ложные слухи о том, что указанный район является сборным пунктом войск для последующей эвакуации их морем. Через пленных эти слухи доходили до нас.

Чтобы уточнить данные разведки и нанести бомбовые удары по судам, по группировке противника на берегу, генерал Букштынович передал по ВЧ в штаб фронта заявку на вылет авиации.

Вечером, во время моего доклада генералу Симоняку, ему позвонил маршал Жуков и поставил задачу армии на следующий день: мы должны были ликвидировать вражеские части на берегу Балтийского моря. Жуков сообщил, в каких направлениях и с какими задачами будут наступать дивизии 7-го гвардейского кавалерийского корпуса и 1-й армии Войска Польского.

В полдень 10 марта перешла в наступление 207-я стрелковая дивизия, усиленная артиллерией и 5-м мотоциклетным полком. Отбросив противника на несколько километров, части дивизии захватили ряд населенных пунктов на побережье моря и завязали бои за Нинимов и Гофф. От фашистов полностью были очищены леса южнее и юго-западнее Пустхова. В это же время 525-й стрелковый полк

171-й дивизии двигался вдоль берега на запад, чтобы овладеть проливом Дивенов.

А вот наступление двух дивизий 7-го гвардейского кавалерийского корпуса успеха не принесло. Даже наоборот: части 15-й кавалерийской дивизии контратакой гитлеровцев были отброшены от Карнитца. Это вынудило генерала Симоняка изменить задачу 7-му стрелковому корпусу. Командарм приказал генералу Чистову начать наступление на Карнитц и оказать содействие кавалерийским частям.

364-я и 265-я дивизии 7-го стрелкового корпуса перешли в наступление вечером и за несколько часов достигли рубежа Цирквитц, Грос-Лютцов, Карнитц, где встретили упорное сопротивление. Однако левофланговым частям 265-й дивизии совместно с 380-м полком 171-й дивизии все же удалось выбить немцев из населенного пункта Клайн-Юстин.

Ночью неожиданно и резко осложнилась обстановка перед фронтом 207-й стрелковой дивизии. Здесь противник скрытно сосредоточил два полка пехоты и при поддержке танков предпринял атаку на Пустхов. Врагу удалось потеснить на пять километров 594-й и 597-й полки, отбросить их к западной окраине Пустхова и в леса, находившиеся южнее. 597-й стрелковый полк продолжал удерживать рубеж Дрезов, Пустхов.

За ночь враг подвел к этому участку основные силы своей полуокруженной группировки и на рассвете вторично атаковал 597-й полк, наступая вдоль побережья на запад. При поддержке мощного огня пьяные немцы шли в атаку во весь рост несколькими цепями. В кровопролитном ожесточенном бою они смяли боевой порядок 597-го полка. До 4000 фашистов устремились по лесу на запад и с тыла обрушились на 525-й стрелковый полк 171-й дивизии, нанеся ему большие потери. Однако полк продолжал героически отбивать непрерывные атаки.

Чтобы оказать помощь своей прорывающейся группировке, гитлеровцы большими силами атаковали подразделения 525-го полка с фронта и после двухчасового боя овладели населенными пунктами Раддак и Фритцов. В 14 часов 30 минут они сбили с позиций батальон 525-го полка и соединились со своими частями в районе Вальддивенова. Кольцо вокруг вражеской группировки разомкнулось.

Через несколько часов 7-й стрелковый корпус, оттесняя части прикрытия, достиг побережья Балтийского моря. Однако его удар, как и удар 7-го гвардейского кавалерийского корпуса, который действовал правее, фактически пришелся по пустому месту. Основных вражеских сил там уже не оказалось.

Большой группе гитлеровцев, до 4000 человек, удалось вырваться из окружения и соединиться со своими войсками. В штабе фронта высказывались предположения, что вместе с этой группой на запад по берегу моря ушло значительное количество местного населения.

К концу дня 12 марта положение на правом фланге армии было полностью восстановлено, весь берег от Деепа до Вальддивенова полностью очищен от противника. Однако сам факт прорыва через наши боевые порядки группы фашистов был неприятен. На фоне больших успехов он не имел серьезного значения. Но эта ложка дегтя испортила нам бочку меда. Маршал Жуков снова выразил генералу Симоняку свое резкое недовольство. Мне пришлось готовить для отправки в штаб фронта различные донесения и объяснения.

Итоги боев в Восточной Померании были весьма значительны. Наша 3-я ударная армия нанесла противнику большие потери. В период 1—12 марта враг потерял убитыми 26 290 солдат и офицеров; 8243 человека мы взяли в плен. Было уничтожено 160 танков и самоходных орудий, 36 бронетранспортеров, 400 орудий, 240 минометов, около 1000 пулеметов, 1200 автомашин и 9 морских бронекатеров. В качестве трофеев удалось захватить 98 танков, 643 орудия и миномета, 40 бронетранспортеров, 1450 автомашин, 40 паровозов, более 1000 вагонов, а также много различного военного имущества и боеприпасов.

Родина высоко оценила боевые действия 3-й ударной в Восточной Померании. 33-я стрелковая дивизия удостоилась ордена Суворова II степени, 52-я гвардейская, 150-я и 171-я стрелковые дивизии были награждены орденом Кутузова II степени, 207-я стрелковая дивизия стала именоваться Померанской.

Многие солдаты, сержанты, офицеры и генералы получили правительственные награды. Я был награжден орденом Кутузова II степени.

Столица нашей Родины — Москва трижды салютовала войскам 3-й ударной за их успешные боевые действия.

БРОСОК НА БЕРЛИН

1

Третью ударную вывели в резерв фронта. Сдав свою полосу польским дивизиям, армия совершила марш на юго-запад и сосредоточилась в районе небольшого города Кенигсберг, километрах в двадцати от реки Одер.

23-я и 52-я стрелковые дивизии 12-го гвардейского корпуса заняли оборону по восточному берегу Одера на участке протяженностью 30 километров: от Нидер-Кренина до Альт-Рюдница. Все остальные соединения находились в тылу, приводили себя в порядок после боев в Померании, принимали пополнение, занимались боевой учебой.

Наш штаб удобно разместился в деревне Штрезов на берегу живописного озера Гроссер-Зее. Вокруг простирались леса, еще по-зимнему темные и неприветливые. Однако днем пригревало солнце, в воздухе уже чувствовалась весна.

Жили мы и работали по московскому времени, которое на два часа опережало местное. Получалось так, что вечер здесь наступал гораздо позже, чем у нас в России. Я долго не мог привыкнуть к такой перемене.

Активных действий армия пока не вела. Штабные офицеры, разумеется, пытались определить наши перспективы, предусмотреть дальнейший ход событий. Если нам прикажут наступать строго на запад, то армия, форсировав Одер, пройдет значительно севернее Берлина. Некоторые товарищи вздыхали: жаль, мол, что не придется самим громить фашистское логово.

Как бы ни развивались события, дальнейший наш путь вперед лежал через Одер, левый берег которого находился

в руках противника. А опыта форсирования крупных водных преград дивизии нашей армии не имели.

Учить войска преодолевать водные преграды при помощи табельных и подручных средств — на этом было сосредоточено основное внимание всех командиров и инженерных начальников. При обучении использовалось все, что могло держаться на воде, вплоть до бревен и досок.

Занятия по форсированию водных преград проводились на ближайших озерах, как правило, в сумерках или на рассвете.

Одновременно командиры соединений и частей, штабы и политорганы уделяли большое внимание тактической подготовке войск. С каждой ротой было проведено по два-три тактических учения. На батальонных учениях с боевой стрельбой отрабатывались вопросы взаимодействия подразделений между собою и с родами войск, а также формы и способы ведения боев в крупном населенном пункте и в ночных условиях. Командиры полков, офицеры штабов и политработники большую часть времени проводили в подразделениях, обучая солдат, сержантов и младших офицеров.

Армия получала пополнение за счет бойцов, вернувшихся из госпиталей. Кроме того, было много молодежи, призванной на военную службу из недавно освобожденных районов. Приходили и те, кто был некоторое время в плену. Эти люди требовали особого внимания и заботы.

Численность дивизий в 12-м гвардейском и в 79-м стрелковом корпусах в среднем была доведена до 5200 человек. Роты насчитывали в своем составе по 60—80 человек.

В каждом полку создавался штурмовой батальон. Отбирали в эти батальоны молодых, физически крепких и уже побывавших в бою солдат и сержантов. Туда назначались лучшие командиры и политработники, тоже, как правило, имевшие опыт ведения ближнего боя. Обучение штурмовых батальонов велось на специально оборудованных участках местности под личным руководством командиров полков. Отрабатывались элементы и приемы боя, применяемые при прорыве оборонительных позиций противника и при штурме городских укрепленных объектов.

Особое внимание уделялось усилению партийных и комсомольских организаций. Из-за потерь, понесенных в Померании, распались многие ротные парторганизации. Их восстанавливали, принимая в ряды партии отличив-

шихся воинов, перераспределяя по подразделениям имевшихся коммунистов, а также за счет тех товарищей, что прибывали с пополнением. Однако главным и основным источником был все же прием в партию.

Плоды большой и напряженной работы вскоре дали себя знать. К началу апреля в армии насчитывалось 550 первичных организаций и 831 ротная парторганизация. Они объединяли 17 923 коммуниста. В стрелковых ротах было по 4—6 членов партии, в организациях танковых рот и артиллерийских батарей — до 30 коммунистов в каждой.

В нашем оперативном отделе серьезных изменений не произошло. Отдел состоял из политически грамотных офицеров, прошедших хорошую боевую школу. Многие имели высшее и среднее образование. Значительная часть людей работала в отделе по два-три года и начиная с Великих Лук участвовала во всех боевых делах армии.

Не «прижился» у нас подполковник Пластинкин. Его перевели на другую должность, а к нам вместо него пришел майор И. Ф. Вильховой, который был начальником оперативного отделения в штабе 207-й стрелковой дивизии. В отдел были взяты также майор А. Г. Овчинников, капитан Шушемоин (из штаба 33-й стрелковой дивизии), майор Муравьев (из штаба 23-й гвардейской дивизии) и майор Михмель (из оперативного отдела штаба 12-го гвардейского стрелкового корпуса). Эти новые товарищи быстро сжились со стариками, усвоили наш стиль работы.

Роль начальников направлений выполняли мои старшие помощники. В 12-м гвардейском корпусе — подполковник Б. В. Вишняков, в 79-м корпусе — майор И. Ф. Вильховой, прибывший к нам из этого корпуса и хорошо знавший его дивизии. Направленцем в 7-м корпусе был опытный и серьезный майор Аинцев. В помощь каждому из них я выделил по одному офицеру, с тем чтобы в период боевых действий они, чередуясь, выезжали в войска.

Подготовкой и оборудованием командных и наблюдательных пунктов теперь занимался майор В. Т. Михмель. Наш ветеран майор Ванчиков неизменно ведал офицерами связи, а также следил за охраной и комендантской службой на командном пункте.

Представление боевых донесений и оперативных сводок лежало на подполковнике В. М. Звонцове, которому помогал образованный и аккуратный в работе капитан Шушемоин. Василий Михайлович Звонцов к этому времени был уже вполне сложившимся офицером-оператором армейского масштаба.

В штаб фронта ежедневно представлялись в 8.00, 13.00 и 20.00 краткие боевые донесения, которые подписывал начальник штаба армии или я. Кроме того, к 17.00 передавалась вверх более подробная информация об обстановке. В 22 часа на имя командующего фронтом отправлялось итоговое боевое донесение за прошедший день. Эти донесения подписывались Военным советом и являлись основными документами при подготовке штабом фронта докладов в Ставку. Наконец, последним документом за сутки была обширная оперативная сводка, которая составлялась наиболее подробно. В полночь ее подписывали начальник штаба армии и я.

Оперативный отдел — это тот центральный узел штаба, в котором концентрируются все важнейшие данные, который координирует работу сложной армейской машины управления, ее отделов и служб. Офицеры оперативного отдела обычно раньше всех и лучше всех были ориентированы в обстановке. Один из наших офицеров постоянно находился в группе командующего армией. При выездах командующего или начальника штаба в войска на их рабочем месте, у телефонов, опять-таки дежурили офицеры оперативного отдела. Со срочными ответственными заданиями в войска также посылались офицеры-операторы. Обязанности их были очень многообразны.

Дисциплина в оперативном отделе была строгая, но не жесткая. Строилась она на высоком сознании офицеров и постоянном чувстве ответственности за порученное дело. В то же время каждый из работавших в отделе, вплоть до машинистки, гордился своей службой. А это, безусловно, способствовало слаженности и спаянности коллектива.

Подавляющее большинство офицеров оперативного отдела были коммунистами. Все они по-партийному относились к своим служебным обязанностям и являлись примером исполнения воинского долга.

Коммунисты наши были очень загружены и часто находились в разъездах. Это требовало гибкости и оператив-

ности в партийной работе. Парторг Василий Михайлович Звонцов учитывал такие особенности. Упор делался на индивидуальную работу. Партийные собрания, как правило, проводились накоротке. Выступления были конкретными, немногословными. Усилия коммунистов направлялись на лучшее выполнение боевых задач.

Работа нашей парторганизации усложнялась и тем, что в ней состояли командарм и начальник штаба армии. В силу занятости они присутствовали лишь на немногих собраниях. О планах парторганизации, об очередных партийных делах Звонцов информировал их, когда принимал партийные взносы или когда приносил на подпись донесения в штаб фронта.

Как парторг, В. М. Звонцов действовал всегда в тесном контакте со мной. Мы заранее обсуждали вопросы, выносимые на партийные собрания. Обычно мы вместе решали, как будет наш коллектив встречать революционные праздники, кого и как надо отметить. Если позволяла обстановка, устраивали торжественные заседания.

2

Снова сменился командующий армией.

В середине марта Николай Павлович Симоняк сказал мне, что имел резкий и неприятный разговор с маршалом Жуковым, вызванный каким-то незначительным фактом. Работать в таких условиях он не может, поэтому решил послать телеграмму в Москву с просьбой, чтобы его отозвали.

Николай Павлович был весьма скромным и в то же время бесстрашным и прямым человеком. О таких говорят, что они не боятся ни врагов, ни начальства.

Симоняка очень ценил командующий Ленинградским фронтом маршал Говоров. А вот на 1-м Белорусском фронте все сложилось иначе. Вероятно, сыграло свою роль и то, что стремительный, динамичный характер боевых действий был непривычен для Николая Павловича.

Бывает иногда, что некоторые качества полководца, положительные и полезные в одних условиях, могут обернуться при других обстоятельствах отрицательной стороной. Так произошло и в данном случае. Стремление находиться ближе к передовой, самому чувствовать пульс боя помогало Симоняку, когда он командовал бригадой и ди-

визией. Были ли необходимы такие качества командиру корпуса — я не уверен. Но командарму подобные тенденции скорее мешали.

В самом деле. Армия — организм большой и сложный. В ее полосе могут вершиться одновременно несколько серьезных событий, требующих единого и четкого руководства. Но Симоняк, не изменивший своим привычкам, находился, как правило, на НП вблизи от передовой. Оттуда он видел только один участок, в лучшем случае мог непосредственно влиять на действия одного из корпусов. Другие события выпадали из его поля зрения. Всеми остальными соединениями зачастую руководил штаб во главе с Букштыновичем. Ведь чтобы связаться с Симоняком, требовалось время, а дело не допускало даже малейшего промедления. Нечего греха таить: армия имела достаточно сил, чтобы предотвратить в Померании прорыв окруженного противника. Однако не была проявлена необходимая распорядительность.

Высшие командиры, как правило, растут постепенно. С корпуса идут на должность заместителя командующего армией. И, только вжившись в армейские масштабы, освоив управление большими массами войск, берут руководство в свои руки. Симоняк же не прошел эту ступень. После корпуса он сразу возглавил армию. Ему трудно было вникнуть в специфику новой сложной работы. А события не ждали.

Как бы там ни было, мы тепло простились с Николаем Павловичем Симоняком и сохранили о нем самые хорошие воспоминания.

18 марта к нам прибыл с должности заместителя командующего 1-м Прибалтийским фронтом генерал-полковник Василий Иванович Кузнецов. Пожилой, с небольшими седоватыми усиками, новый командарм был невысок ростом, имел спокойный и ровный характер. Опыт руководства войсками у него имелся значительный. Перед войной он командовал в Гродно 3-й армией, принявшей на себя первые удары врага. Затем возглавлял армии под Москвой и под Сталинградом.

Генерал-полковник Кузнецов сразу начал знакомиться с войсками. Он посещал дивизии в районах, где проводились различные учения и занятия по боевой подготовке. Бывая в частях, генерал-полковник не расточал похвал, но и не устраивал разносов. В стиле его работы чувствова-

лась уверенность много повидавшего, много знающего человека.

Едва прибыл новый командарм — внезапно и тяжело заболел начальник штаба армии генерал-майор М. Ф. Букштынович. Приехавшие из медицинского управления фронта врачи-специалисты заявили, что необходимо срочное хирургическое вмешательство, и потребовали немедленно эвакуировать Михаила Фомича в глубокий тыл. Однако он категорически воспротивился этому.

С разрешения маршала Жукова генералу Букштыновичу сделали операцию в одном из госпиталей нашей армии. К общему удовлетворению, она прошла удачно.

Зная неспокойный характер начальника штаба, я и полковник Гвозд отправились в госпиталь проведать его. Михаил Фомич лежал весь забинтованный и, против обыкновения, небритый. Настроение у него было бодрое, а глаза, как всегда, светились. Нас он принял хорошо, подробно расспросил о ходе подготовки войск, о возможных планах на будущее, о результатах разведки через Одер. Прощаясь, пообещал скоро возвратиться к работе.

А пока обязанности начальника штаба армии исполнял полковник А. Бадерко, прибывший из резерва отдела кадров фронта.

Как раз в этот период, по указанию штаба фронта, намечалось провести ограниченными силами частную операцию по захвату дамб на Одере, занятых боевым охранением противника.

Операция была тщательно разработана штабом. 26 марта части 52-й гвардейской стрелковой дивизии, поддержанные мощным артиллерийским огнем, форсировали Одер южнее города Шведт. Удалось захватить не только дамбы, но и небольшой плацдарм на западном берегу. Оборонявшиеся там фашисты были либо уничтожены, либо взяты в плен. Но развития наметившийся успех не получил. Наши части остановились на захваченных рубежах.

Позже мы узнали, что эта частная операция носила демонстративный характер. Командование фронта хотело ввести противника в заблуждение, отвлечь его внимание от главной группировки, создаваемой значительно южнее.

3

Война близилась к победному завершению. Советские войска освободили от немецких захватчиков Польшу, Вен-

грию и часть Чехословакии, овладели Восточной Пруссией, Восточной Померанией, Силезией, вступили в Вену. Стремительный выход 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов к Одеру и Нейсе поставил на очередь вопрос об овладении Берлином. До вражеской столицы оставалось всего 60 километров!

Войска наших западных союзников вышли на Рейн и готовились к быстрому продвижению в глубь Германии. Эта задача облегчалась для них тем, что основные силы противника находились на восточном фронте: гитлеровское руководство было склонно прекратить сопротивление на Западе.

Фашистские заправилы отлично понимали, что падение Берлина явится концом их господства, последует неизбежная расплата за все совершенные ими злодеяния. Они знали, что самым грозным и беспощадным судьей будет советский народ, который больше всех пострадал в войне. Поэтому гитлеровское командование стремилось задержать советские войска на рубеже Одер, Нейсе, не допустить их дальнейшего проникновения в Германию. Гитлеровские главари надеялись, что им удастся выиграть время упорным сопротивлением, поссорить союзников по антигитлеровской коалиции и, заручившись поддержкой реакционных кругов Соединенных Штатов Америки и Англии, заключить с ними сепаратный мир.

Вражеское командование принимало все возможные меры для усиления группировки войск, необходимой для обороны Берлина. Причем усиление шло главным образом за счет переброски частей и соединений из внутренних районов Германии, за счет снятия отдельных дивизий с западного фронта. Для восполнения огромных потерь, понесенных в предыдущих боях, в армию призывались 16—17-летние юноши.

Общая численность немецких войск, предназначенных для обороны Берлина, достигала миллиона человек. На их вооружении имелось более 10 тысяч орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, около 3 миллионов фаустпатронов и 3300 боевых самолетов.

В конце марта почти все танковые и моторизованные дивизии гитлеровцев, которые до этого обороняли главную полосу обороны, были выведены в резерв.

Готовясь к защите своей столицы, немецкое командование прилагало большие усилия для создания глубокой

обороны, чему в немалой степени способствовал характер местности, затруднявший наступательные действия. На пути наших войск находилось значительное количество рек, озер, каналов и крупных лесных массивов.

Наиболее серьезной преградой являлась река Одер, которая в полосе действий 1-го Белорусского фронта достигала ширины 200—250 метров и глубины до трех метров. По берегам Одера, почти на всем его протяжении, были сооружены земляные дамбы высотой до 1,5—2,5 метров. Кроме того, препятствием для наступления на Берлин являлась гряда Зеловских высот, тянувшаяся с севера на юг. Она начиналась в 6—9 километрах от переднего края войск 1-го Белорусского фронта на кюстринском плацдарме. Гряда возвышалась над долиной Одера на 40—50 метров.

Кюстринский плацдарм — это заболоченная и пересеченная многочисленными осушительными каналами пойма реки. Лесов здесь не было. Плацдарм просматривался противником с Зеловских высот на всю глубину.

По данным разведки, на западном берегу Одера враг подготовил достаточно сильную в инженерном отношении и глубоко эшелонированную оборону. Основной, так называемый одерский рубеж имел общую глубину 20—40 километров и состоял из трех полос, между которыми были построены промежуточные и отсечные позиции.

Против кюстринского плацдарма первая полоса обороны гитлеровцев состояла из двух-трех позиций. Каждая позиция имела три-четыре траншеи полного профиля и густую сеть ходов сообщения. Передний край своей обороны противник прикрыл минными полями, проволочными заграждениями и малозаметными препятствиями.

Вторая полоса обороны, глубиной от 1 до 5 километров, была подготовлена на линии Ангермюде, Бад Фрайенвальде, Врицен, Зелов. Наиболее сильно эта полоса была развита перед кюстринским плацдармом. Здесь она проходила по Зеловским высотам и имела две-три сплошные траншеи. Крупные деревни и города противник превратил в опорные пункты, подготовил их к круговой обороне.

Третья, тыловая полоса была оборудована на рубеже Эберсвальде, Мюнхеберг, Фюрстенвальде. Эта полоса находилась на удалении 20—40 километров от переднего края и состояла из ряда сильно укрепленных населенных пунктов, превращенных в узлы сопротивления.

Одновременно с сооружением одерского рубежа немецко-фашистское командование приступило к строительству берлинского укрепленного района, состоявшего из трех кольцевых обводов и самого города, подготовленного к упорной обороне.

На пути к вражеской столице советским войскам предстояло вести ожесточенную борьбу буквально за каждый клочок земли, за каждую улицу и каждый дом.

Утром 5 апреля наш командарм, член Военного совета, командующий артиллерией армии и командиры корпусов были вызваны в штаб фронта. Там в течение двух дней проводилась игра на картах: наступательные действия войск 1-го Белорусского фронта на берлинском направлении. После игры маршал Г. К. Жуков поставил армиям задачи и дал указания о порядке подготовки к операции.

Мы ожидали своего командарма с большим нетерпением. Нас волновал вопрос: куда будет нацелена 3-я ударная? Все прояснилось на заседании Военного совета, на которое были приглашены ответственные работники штаба. С нескрываемым волнением генерал Кузнецов сообщил: мы будем наступать на Берлин!

Удовлетворением, радостью и гордостью наполнились наши сердца!

Командарм в общих чертах познакомил нас с замыслом Берлинской операции. Затем определил всем задания по подготовке армии к наступлению, предупредив, что мероприятия должны осуществляться в строгой тайне.

1-й Белорусский фронт наносил главный удар силами четырех общевойсковых и двух танковых армий с кюстринского плацдарма непосредственно на Берлин. В первом эшелоне наступали 47-я армия, 3-я и 5-я ударные и 8-я гвардейская армии. За ними, севернее и южнее Кюстрина, сосредоточивались 2-я и 1-я гвардейские танковые армии. Ввод их в прорыв намечался в первый день операции, после того как общевойсковые армии овладеют грядой Зеловских высот. Задача танкистов — развивать успех в общем направлении на Берлин, обходя его с севера и юга.

Кроме главного удара 1-й Белорусский фронт наносил один удар севернее Берлина силами 61-й армии и 1-й армии Войска Польского, которые должны были форсировать

Одер и наступать на Эберсвальде, Фербеллин, Зандау. Другой удар, чтобы обеспечить главную группировку фронта с юга, наносили 69-я и 33-я армии. Их направление — на Фюрстенвальде, Потсдам, Бранденбург.

По решению Ставки для участия в Берлинской операции привлекались также войска 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Как теперь известно, эти три фронта имели в своем составе около двух с половиной миллионов человек, 41 600 орудий и минометов, 6250 танков и самоходных орудий, 7500 боевых самолетов. Превосходство над противником в людях было в два с половиной раза, в артиллерии, танках и самоходных орудиях — в четыре раза, в авиации — более чем в два раза.

Берлинская наступательная операция предусматривала разгром вражеской группировки, оборонявшей это направление, овладение столицей фашистской Германии и выход советских войск на Эльбу для соединения с союзниками.

Определенную долю усилий в достижение этой цели предстояло вложить войскам 3-й ударной. Прежде всего требовалось незаметно переместить все наши силы на 30 километров южнее — в район Бервальде, Ноймюль, Нойдамм. Дивизии двигались в темное время, соблюдая тщательную маскировку. С наступлением рассвета передвижение войск прекращалось.

Соединения 79-го стрелкового и 12-го гвардейского корпусов сосредоточивались в лесах в 8—10 километрах к востоку от Одера с расчетом, что они будут наступать в первом эшелоне армии. 7-й стрелковый корпус сосредоточивал свои дивизии в глубине: он предназначался во второй эшелон.

10 апреля штаб армии перешел в новый район и разместился в населенном пункте Фюрстенфельде. Перед нами был Одер, на его левом берегу находился плацдарм, занимаемый войсками 5-й ударной армии. С этого плацдарма нам предстояло в ближайшее время начать наступление.

В этот день генерал Букштынович, несмотря на возражения лечащих врачей, вернулся из госпиталя и сразу с присущей ему энергией взялся за дело. Наш штаб снова заработал как точный, хорошо отлаженный механизм.

4

Утром 12 апреля из штаба фронта поступила частная оперативная директива за № 00542/оп. В ней были указа-

ны задачи двум армиям — 3-й ударной и 47-й, которым предстояло действовать севернее Берлина.

Нашей армии нужно было прорвать оборону противника на участке Золиканте, отметка 8.7, в трех километрах юго-западнее Киннитца, и, развивая удар в общем направлении Нейтреббин, Мецдорф, Бернау, к концу третьего дня операции овладеть рубежом Альбертсхоф, Таефельде, Люме. В дальнейшем наступать в обход немецкой столицы с севера, чтобы на восьмой день овладеть районом Геннигсдорф, Фарлянд, Гатов, Шпандау.

Армия усиливалась одной артиллерийской дивизией, двумя истребительно-противотанковыми артиллерийскими бригадами, двумя бригадами и двумя полками гвардейских минометов, танковым корпусом, двумя танковыми и двумя самоходно-артиллерийскими полками, четырьмя инженерными батальонами и батальоном химической защиты.

Правее нас начинала наступление 47-я армия генерала Перхоровича. Она должна была на одиннадцатый день операции, выйти к Эльбе. Слева 5-я ударная армия, которой командовал генерал Берзарин, наносила удар по берлинской группировке противника непосредственно с востока.

Подготовку операции предлагалось вести скрытно, чтобы достигнуть максимальной внезапности. Как всегда, с директивой разрешалось ознакомить только начальника штаба, начальника оперативного отдела и командующего артиллерией армии. Остальным исполнителям давать задания в пределах выполняемых ими обязанностей. Командирам полков письменных распоряжений не отправлять, задачи поставить устно за три дня до наступления.

Прочитав директиву и получив указания командующего армией, генерал Букштынович приказал мне закончить разработку всех документов по планированию операции не позже 13 апреля.

Боевой приказ войскам 3-й ударной армии был подготовлен мною в точном соответствии с решением командарма. В 23.30 13 апреля его подписали генералы Кузнецов, Литвинов и Букштынович. Задачи корпусам были поставлены на первые три дня наступления. Отпечатанный на машинке приказ занимал всего четыре страницы.

Одновременно полковник М. С. Тур составлял план армейской наступательной операции. По этому плану под-

готовительный период определялся в восемь дней. За этот ограниченный срок войскам, командирам, штабам, политорганам и работникам тыла предстояло сделать очень многое. Требовалось сосредоточить войска армии в районе предстоящего наступления, провести во всех звеньях командирские рекогносцировки на участке прорыва, изучить систему обороны противника и провести разведку боем, доукомплектовать стрелковые роты за счет прибывающего пополнения и тыловых подразделений, пополнить части боеприпасами, оборудовать исходный район для наступления, организовать взаимодействие с авиацией и танками, подготовить связь и пункты управления, сменить на плацдарме части 5-й ударной армии, чтобы занять исходное положение для атаки.

Первый этап операции (первый день наступления) заключался в прорыве тактической глубины обороны противника. Войска армии должны были выйти на рубеж Кунерсдорф, Альт-Фридланд. В этот же день намечалось ввести в прорыв 9-й танковый корпус.

Второй этап операции охватывал следующие двое суток наступления. Предусматривались развитие прорыва, борьба с оперативными резервами противника, ввод в бой вторых эшелонов наших корпусов.

В плане операции, как и в боевом приказе, рассматривались подробно только первые три дня боевых действий. Выписки из указанных документов были вручены командирам корпусов утром 14 апреля.

По решению генерал-полковника Кузнецова наша армия прорывала оборону немцев на 10-километровом фронте, имея в первом эшелоне 79-й стрелковый и 12-й гвардейский стрелковый корпуса. 7-й корпус составлял второй эшелон. Приданный нам 9-й танковый корпус предполагалось ввести в прорыв двумя колоннами, когда пехота выйдет на рубеж Грос-Барним, Вильгельмсауэ.

По сведениям, полученным в штабе 5-й ударной армии, перед нами оборонялись части пехотной дивизии «Курмарк» и 309-я пехотная дивизия противника, усиленные артиллерией и танками. В глубине вражеской обороны в районе Буков, Мюнхеберг стояла в резерве 25-я моторизованная дивизия. Однако не было полной уверенности в том, что немцы держат на передовых позициях свои основные силы. Чтобы убедиться в этом, требовалось провести дополнительную разведку.

Подготовка к наступлению не прекращалась в штабе армии ни днем, ни ночью. Кроме основных документов (карта-решение, боевой приказ и план операции) был разработан целый ряд других. Мы составили подробный план рекогносцировок во всех звеньях. Затем, совместно со штабом инженерных войск и штабом артиллерии, подготовили план вывода войск армии на плацдарм. По этому плану артиллерия переправлялась через Одер в первую очередь и занимала огневые позиции в темное время суток. В ночь на 14 апреля один полк от каждой дивизии первого эшелона сменял соответствующие части 5-й ударной армии. Все остальные стрелковые полки корпусов, наступавших в первом эшелоне, переправлялись на плацдарм в ночь на 15 апреля. Исходное положение пехота и танки занимали к часу ночи 16 апреля.

Войск у нас было немало. Чтобы не произошло путаницы, мы составили детальный график переправы частей через Одер. В разработке графика приняли участие начальник инженерных войск армии, начальник штаба артиллерии, начальник дорожного отдела и я. График был утвержден командармом и являлся основным регулирующим документом при переправе войск.

По ночам, незаметно для противника, саперы построили три моста через Одер грузоподъемностью 5, 15 и 60 тонн. На правом фланге армии дополнительно действовал 30-тонный паром, на левом — пункт для переправы пехоты на подручных средствах.

Кропотливо велась работа по инженерному дооборудованию плацдарма и исходных районов для наступления. Саперы готовились пропустить войска через минные заграждения. Все минные поля в глубине расположения своих войск были заранее сняты. В заграждениях на переднем крае проходы для танков и пехоты прокладывались накануне наступления.

В штабе армии отрабатывались с представителями авиации вопросы взаимодействия и авиационного обеспечения. Войска 1-го Белорусского фронта прикрывала с неба 16-я воздушная армия. Она должна была помогать ударной группировке фронта, и особенно танковым армиям.

Незадолго до начала подготовки Берлинской операции в 3-ю ударную прибыл новый начальник тыла — полковник К. П. Бугров. Деловой, подвижный и энергичный, он

уверенно взялся за большое и сложное дело. Войска получили все необходимое. Пожалуй, никогда раньше у нас не насчитывалось столько ресурсов, сколько имели мы перед началом штурма вражеской столицы. Вот несколько цифр: боеприпасов для стрелкового оружия в армии было до 2 боекомплектов, для минометов — до 2,6 боекомплекта, для артиллерии — до 4 боекомплектов, дизельного топлива — 2,6 заправки, автобензина — 3,8 заправки.

Огромная подготовительная работа легла на плечи наших артиллеристов. В полосе армии сосредоточивалось 1640 орудий, минометов и боевых машин реактивной артиллерии. Такое количество артиллерии на главном направлении позволяло создать плотность более 250 орудий и минометов на километр фронта.

При создании группировки артиллерии учитывалось такое требование: каждый общевойсковой командир, от командующего армией до командира стрелкового полка, должен был иметь свою артиллерийскую группу, огнем которой он мог бы влиять на ход боя. Поэтому пришлось создавать армейскую, корпусные, дивизионные и полковые артиллерийские группы.

Для достижения тактической внезапности маршал Жуков предполагал начать наступление ночью. Артиллерийская подготовка — 30 минут. Поддерживать атаку пехоты и танков намечалось двойным огневым валом на глубину до двух километров. Следующие два километра — одинарным валом. Дальнейшее наступление войск обеспечивалось последовательным сосредоточением огня.

Для освещения местности и ослепления противника в полосе нашей армии по сигналу начала атаки включалось 20 зенитных прожекторов.

Готовя операцию, офицеры 3-й ударной широко использовали разнообразные методы и способы боевого применения артиллерии и минометов. Первостепенную роль играл при этом штаб артиллерии армии, возглавляемый полковником А. П. Максименко.

Подготовка к артиллерийскому наступлению состояла из двух основных частей — организационной и непосредственного огневого планирования.

Организационная часть включала разумное распределение средств и сил артиллерии в соответствии с замыслом

командарма, передислокацию артиллерийских частей, выбор позиционных районов, организацию связи и комендантской службы.

Планирование огня на весь период артиллерийского наступления было, пожалуй, более важным и трудоемким процессом. Ведь от того, насколько правильно будет наложен огонь артиллерии и минометов на вражескую систему огня, на его заграждения, оборонительные сооружения и районы сосредоточения живой силы и техники, зависело многое. Разве можно допустить, чтобы залп сотен орудий и минометов пришелся по пустому месту, по позициям, которые оставлены войсками противника! Поэтому артиллеристы уточняли и корректировали свой план в соответствии с изменением обстановки. Последние поправки вносились в него буквально за несколько часов до начала атаки.

5

Наступление на Берлин! Сражаясь у стен Москвы, на Волге, в предгорьях Кавказа и в лесах Валдая, советские воины верили — придет час расплаты, когда под ударом окажется фашистская столица.

Личный состав армии, от солдата до генерала, был охвачен в те дни небывалым подъемом. Это в значительной степени облегчало работу партийно-политических органов. Пропагандисты и агитаторы старались довести до сознания каждого солдата и офицера важность происходящих событий, призывали укреплять воинскую дисциплину, повышать бдительность. Немалую роль играла армейская газета «Фронтовик». Она учила, как лучше бить врага, преодолевать его оборону, умело пользоваться своим оружием. «На Берлин!» — таков был в те дни главный лозунг «Фронтовика».

Чтобы обеспечить ведущую роль коммунистов и комсомольцев в бою, во многих частях перед началом наступления были проведены краткие партийные и комсомольские собрания. Каждый коммунист и комсомолец должны были первыми в своем подразделении подняться в атаку.

За несколько часов до наступления в частях и подразделениях армии было прочитано обращение Военного совета 1-го Белорусского фронта ко всем бойцам, сержантам, офицерам и генералам. В нем говорилось:

Боевые друзья!

Наша Родина и весь советский народ приказали войскам нашего фронта разбить противника на ближних подступах к Берлину, захватить столицу фашистской Германии — Берлин и водрузить над нею Знамя Победы!

Пришло время нанести врагу последний удар и навсегда избавить нашу Родину от угрозы войны со стороны немецко-фашистских разбойников. Пришло время вызволить из фашистской неволи еще томящихся там наших отцов и матерей, братьев и сестер, жен и детей наших.

Дорогие товарищи!

Войска нашего фронта прошли за время Великой Отечественной войны тяжелый, но славный путь. Боевые знамена наших частей и соединений овеяны славой побед, одержанных над врагом на Дону и под Курском, на Днепре и в Белоруссии, под Варшавой и в Померании, на Украине и на Одере.

Славой наших побед, потом и своей кровью завоевали мы право штурмовать Берлин и первыми войти в него, первыми произнести грозные слова сурового приговора нашего народа гитлеровским захватчикам.

Мы призываем вас выполнить эту задачу с присущей вам воинской доблестью, честью и славой. Стремительным ударом и героическим штурмом мы возьмем Берлин, ибо не впервые русским воинам брать Берлин.

...От вас, товарищи, зависит преодолеть последние оборонительные рубежи врага и ворваться в Берлин.

За нашу Советскую Родину — вперед на Берлин! Смерть немецким захватчикам!

Это обращение сыграло большую роль. В частях и подразделениях, где позволяла обстановка, сразу были проведены митинги, на которых выступали представители руководящего состава армии, корпусов и дивизий. Горячо, искренне говорили бойцы.

Автоматчик 713-го полка 171-й стрелковой дивизии рядовой Николаев сказал так:

— Еще в боях в Померании мы мечтали о том, когда пойдем на штурм Берлина. И вот этот долгожданный час настал. Мы имеем возможность до конца рассчитаться с врагом за все его злодеяния. Нет такой силы, которая могла бы остановить наш яростный натиск. Мы добьем врага в его собственном логове и водрузим Знамя Победы

над Берлином! Я заверяю всех, что буду беспощадно истреблять гитлеровцев, отдам все свои силы, а если потребуется, то и жизнь, для полной победы над врагом!

Командир 5-й роты 155-го гвардейского полка капитан Крошкин заявил:

— Коммунисты и беспартийные моей роты видят в обращении Военного совета фронта конкретное воплощение программы нашей Коммунистической партии по окончательному разгрому врага. Мы клянемся, что боевую задачу выполним с честью!

С такими мыслями, с таким настроением шли в бой солдаты и офицеры 3-й ударной.

6

В конце дня 13 апреля две группы офицеров штаба армии отправились в войска для контроля за ходом подготовки к атаке. Группу, которая выехала в дивизии 79-го стрелкового корпуса, возглавлял подполковник И. Ф. Вильховой. Старшим среди офицеров, направленных в дивизии 12-го гвардейского корпуса, был полковник М. И. Новиков, прибывший к нам в штаб после Восточно-Померанской операции на стажировку по моей должности.

Михаил Иванович внимательно следил за работой оперативного отдела, но предпочитал находиться в войсках, видеть все своими глазами. Он сам обратился к генералу Букштыновичу за разрешением возглавить одну из групп. Генерал согласился и, кроме того, приказал нашим офицерам остаться в корпусах на весь период боевых действий.

В ночь на 14 апреля 79-й стрелковый и 12-й гвардейский стрелковый корпуса сменили на плацдарме части 89-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й ударной армии, выставив на передний край одиннадцать батальонов. Полными данными о противостоящем враге мы к этому времени еще не располагали. Прежде всего требовалось уточнить систему огня и группировку сил противника. А главное — установить истинное начертание переднего края немецкой обороны.

Дать ответ на эти вопросы могла лишь разведка боем, которую решили провести утром 14 апреля. Гитлеровцев должны были атаковать два усиленных батальона 89-й гвардейской дивизии. Части наших корпусов в бой не

ввязывались, чтобы противник преждевременно не узнал о перегруппировке войск.

В 7 часов 27 минут по московскому времени оба батальона, поддержанные артиллерией, поднялись в атаку, ведя на ходу сильный ружейно-пулеметный огонь. Через три минуты артиллерия и минометы перенесли огонь на вторую траншею и отсечные позиции противника. Пехота стремительно хлынула через проходы в минных полях, сделанные ночью саперами. Враг был выбит из первой траншеи. Наши бойцы захватили 37 пленных, принадлежавших 1234-му полку пехотной дивизии «Курмарк» и 653-му полку 309-й пехотной дивизии. Был установлен настоящий передний край обороны противника и частично вскрыта система вражеского огня.

Но и этих данных оказалось все-таки недостаточно: они касались лишь ограниченного участка. Поэтому генерал Кузнецов, с согласия маршала Жукова, решил 15 апреля продолжить разведку боем на более широком фронте, выделив для этой цели пять батальонов и значительные силы артиллерии.

Выполняя приказ командарма, наши пушкари произвели короткий, но мощный артиллерийский налет. Затем два батальона 79-го корпуса и три батальона 12-го гвардейского корпуса одновременно атаковали позиции противника, ворвались в первую траншею и начали продвигаться в глубину вражеской обороны. Вскоре была занята и вторая траншея. При этом удалось захватить 132 пленных из 309-й пехотной дивизии.

Сам бой был проведен в таком ошеломляющем темпе и при такой мощной артиллерийской поддержке, что немцы приняли эту разведку за начало наступления наших главных сил. Они вынуждены были подтянуть резервы и полностью раскрыть систему огня.

Группировка противника в полосе наступления армии была определена. Нашим артиллеристам, уточнявшим в ходе разведки местоположение вражеских огневых средств, пришлось срочно вносить изменения в свой план.

В проведенном бою славный подвиг совершил комсомолец первой роты 82-го полка 33-й стрелковой дивизии Алексей Олимпиевич Алексеев, которого товарищи звали просто Аликом. Роте, в которой служил автоматчик Алексеев, была поставлена задача форсировать канал и выбить противника из траншеи на противоположном берегу. На

рассвете бойцы под командованием старшего лейтенанта Куликова скрытно подошли к каналу и навели мостки. По сигналу атаки Алик Алексеев первым пробежал по мостику и устремился вперед. Застучал вражеский пулемет. Алик метнул гранату, но пулемет продолжал вести огонь. Вскочив из-за бугорка, мужественный комсомолец бросился на пулемет и закрыл его своим телом. Пулемет смолк на несколько секунд, но этого оказалось достаточно, чтобы через канал перебрались многие наши солдаты. Враг был выбит из траншеи.

Во время разведки в руки советских бойцов попало обращение Геббельса к немецким солдатам. Возведенный в роль гаулейтера и имперского комиссара обороны Берлина, Геббельс, оказывается, побывал 14 апреля в 9-й армии, оборонявшей восточные подступы к столице. Игнорируя действительную обстановку, совершенно не учитывая безвыходность немецко-фашистских войск, Геббельс, как всегда в высокопарном и демагогическом тоне, писал:

Солдаты девятой армии!

Посетив вашего командующего, я увожу с собою в Берлин уверенность, что оборона нашей родины, подвергающаяся столь суровым испытаниям от степных извергов Востока, находится в руках самых лучших солдат Германии...

Как это имело место и раньше в истории нашей страны, немецкий солдат явится той преградой, о которую разобьется поток, несущийся из далеких азиатских пространств. Пусть вас не смущают настоящие события. Мы знаем наши шансы и знаем, почему таков ход событий. Вечно господствующая историческая справедливость будет с нами.

Любовь к родине и вера в фюрера укажут нам путь, в конце которого находится победа. Несмотря на все, что произошло, мы вспоминаем в эти часы единственного человека, посланного нам провидением. Да здравствует фюрер!

Ваш доктор Геббельс.

Немецкое командование любыми путями стремилось внушить народу и армии, что еще есть возможность отразить ожидаемое наступление русских и, таким образом, избежать окончательного разгрома Германии. В своих приказах Гитлер требовал от солдат и офицеров во что

бы то ни стало обескровить и остановить наступательный порыв русских.

В воззвании к солдатам 15 апреля 1945 года Гитлер заявил:

Если каждый выполнит свой долг на восточном фронте, последний штурм азиатов будет сломлен точно так же, как штурм наших врагов был сломлен несмотря на его максимальное напряжение.

Берлин — немецкий и останется немецким, а Европа никогда не будет русской! Я призываю вас к сплочению не для защиты страны, а для защиты ваших детей и жен, для защиты вашей судьбы.

В эти часы на вас смотрит весь мир! Мои восточные бойцы, учтите, что только благодаря вашему мужеству, смелости, упорству и фанатизму мы затопим кровью большевистское нашествие!

Как видно из этих лживых и хвастливых заявлений, никто не собирался «открывать нам двери в Берлин», как пишут об этом сейчас некоторые западные историки. Нет, фашистские руководители призывали своих головорезов оказать самое упорное сопротивление советским войскам.

Утром 15 апреля командирам корпусов было направлено последнее приказание, касающееся наступления: «Начало артподготовки — 5.00 16.4.45. Атака пехоты и танков — 5.30 16.4.45. Кузнецов, Литвинов, Букштынович».

Время Ч, которое держалось в строжайшей тайне, было наконец объявлено командирам соединений.

Поздно вечером мы с командармом выехали на наблюдательный пункт армии, оборудованный на высоте 23.3 вблизи Одера. Высота эта господствовала над прилегающей местностью, отсюда плацдарм просматривался почти весь, до самого переднего края. С НП под руководством подполковника Н. С. Федотова, исполнявшего обязанности начальника связи армии, была организована надежная радио- и проводная связь со всеми командирами корпусов и дивизий.

Наступила темная, тревожная ночь. Войска армии незаметно занимали исходное положение для завершающего сражения войны. Противник, как обычно, вел редкий ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь. Его авиа-

ция до 3 часов бомбила наши переправы на Одере и боевые порядки войск на плацдарме. К 5 часам саперы подготовили и обозначили указателями 60 проходов в минных полях противника, шириной от 20 до 50 метров каждый.

После войны товарищи, близкие, многие люди, с которыми доводилось встречаться, часто спрашивали меня, что испытывали мы накануне штурма фашистского логова. Выше я уже говорил о мыслях и чувствах наших солдат и офицеров. Хочется добавить только одно: перед началом операции мы в штабе армии были настолько загружены разнообразными и срочными делами, что времени для эмоций просто не оставалось.

Солдаты и офицеры армии с подъемом, с вдохновением выполняли каждый свою работу, видя ближайшую цель — Берлин. Величие происходившего, грандиозность и историческое значение развернувшихся событий мы осмыслили позже.

В ту ночь в армии почти никто не заснул. Вглядываясь в темноту, люди с напряжением ожидали начала артиллерийской подготовки. Офицеры штаба заранее заняли свои рабочие места на наблюдательном пункте командарма. До рассвета было еще далеко. Время тянулось медленно. Снова и снова проверялась связь.

Генерал-майор И. И. Морозов доложил генерал-полковнику В. И. Кузнецову о полной готовности всей артиллерии к открытию огня. Через некоторое время доложили о занятии пехотой и танками исходного положения командиры корпусов генералы С. Н. Переверткин и А. Ф. Казанкин.

Смотрю на часы: идут последние минуты. Офицеры разговаривают вполголоса, никто не может скрыть волнения.

И вот — ровно 5 часов по московскому времени. По местному — 3 часа. Воздух над кюстринским плацдармом содрогнулся от залпа нескольких тысяч орудий и минометов. Небывалый шквал огня обрушился на позиции врага. Мы прильнули к стереотрубам и биноклям. Ничего не видно в темноте, только яркие вспышки пламени взметываются в расположении противника. Стоит сплошной гул. В районах позиций нашей артиллерии небо озаряется

вспышками орудийных залпов. Огненные стрелы реактивных снарядов, описав гигантские дуги, мгновенно уносятся на запад.

В 5 часов 30 минут просигналил один из прожекторов вблизи нашего наблюдательного пункта. Как только мощный вертикальный луч вонзился в небо, сразу включились еще 19 прожекторов, ослепляя противника ярким светом. Одновременно артиллерия перенесла огонь в ближайшую глубину вражеской обороны. Дружно ринулись в атаку пехота и танки непосредственной поддержки.

Стремительно катившийся вал наступающих захлестнул немецкие траншеи и устремился дальше.

С рассветом над полем боя появились наши штурмовики и бомбардировщики. Истребители прикрывали наступавшие войска с воздуха. Противник, подавленный огнем артиллерии, почти не оказал сопротивления на переднем крае. Но затем, оправившись от потрясения, гитлеровцы начали драться с ожесточением.

На НП командарма стали поступать первые доклады командиров корпусов. Но войска двигались так стремительно, что в 11 часов дня мы с генерал-полковником В. И. Кузнецовым вынуждены были переместиться на новый наблюдательный пункт, срочно подготовленный саперами и связистами на только что отвоеванной территории. По дорогам выдвигались вторые эшелоны стрелковых дивизий, шли на новые огневые позиции орудия, подтягивались войсковые тылы. На запад стремился сплошной поток войск.

79-й стрелковый корпус генерала С. Н. Переверткина, наступавший на правом фланге армии, преодолел несколько неприятельских траншей, овладел рядом укрепленных опорных пунктов и продолжал с боями теснить противника. 150-я стрелковая дивизия под командованием генерала В. М. Шатилова к 13.30 сломила на своем участке сопротивление фашистов и вышла к широкому, наполненному водой каналу Позедин-грабен. Введя в бой резервный полк, дивизия пыталась с ходу форсировать канал на подручных средствах. Однако противник сильным минометным и пулеметным огнем сорвал переправу. Лишь после тщательной артиллерийской обработки противоположного берега, в которой приняли участие орудия прямой наводки, танки и самоходные установки, частям дивизии удалось захватить небольшой плацдарм северо-западнее

Клайн-Нойендорфа. Пользуясь наступившей темнотой, саперы быстро навели понтонный мост и начали переправлять на западный берег орудия и танки.

171-я стрелковая дивизия полковника А. И. Негоды в 10 часов 30 минут отразила контратаку немецкого батальона, усиленного танками, и продолжала продвигаться вперед. Введя в бой свой второй эшелон, дивизия овладела узлом сопротивления Клайн-Нойендорф и к 20 часам, как и 150-я дивизия, форсировала канал Позедин-грабен.

Несколько медленнее развивались боевые действия в полосе 12-го гвардейского стрелкового корпуса, который наступал на левом фланге армии в направлении на Ной-Фридлянд. Основным препятствием для 33-й стрелковой дивизии генерала В. И. Смирнова оказался крупный, сильно укрепленный пункт обороны противника — город Лечин. Оборудованные в каменных зданиях Лечина огневые точки не были подавлены в период артиллерийской подготовки. Поднявшиеся в атаку цепи 164-го и 82-го стрелковых полков были встречены организованным огнем и не смогли прорвать вражеский рубеж. Наступление 33-й дивизии задерживалось.

Более успешно действовала 23-я гвардейская стрелковая дивизия генерала П. М. Шафаренко. Отбив контратаку немецкого батальона в районе Вильгельмсауэ, дивизия в ожесточенном бою овладела опорным пунктом Позедин, прорвала вторую позицию гитлеровцев и начала обходить Лечин с севера. Успех 23-й дивизии немедленно был использован 33-й дивизией. Произведя перегруппировку, она тоже направила свои основные силы в обход Лечина с севера.

Этот маневр оказался удачным. Части 33-й дивизии сбили противника с позиций севернее города и к 15 часам вышли в тыл вражескому гарнизону. Оказавшись под угрозой окружения, лечинский гарнизон вечером прекратил сопротивление и был полностью пленен вместе с командиром и штабом 309-го пехотного батальона.

После взятия Лечина части 12-го гвардейского стрелкового корпуса форсировали канал Хаупт-грабен и к концу дня вышли на рубеж Зитцинг, Луизенхоф. Однако задержка в бою за Лечин неблагоприятно отразилась на дальнейшем развитии событий. В течение следующих двух-трех дней дивизии 12-го гвардейского корпуса не-

сколько отставали от дивизий 79-го стрелкового корпуса, тормозя тем самым продвижение соседей.

Бригады 9-го танкового корпуса генерала И. Ф. Кириченко были введены в бой в 10 часов утра. Они достигли передовых подразделений нашей пехоты в районах Грос-Барним и Позедин, но не смогли преодолеть канал Позедин-грабен. Лишь вечером 23-й танковой бригаде, действовавшей в полосе наступления 79-го стрелкового корпуса, удалось форсировать канал южнее Грос-Барним. При этом было подбито 5 боевых машин. 95-я танковая бригада задержалась в районе Позедина в боевых порядках пехоты. Таким образом, танковый корпус не смог войти в прорыв, как было намечено по плану. Основную тяжесть напряженных боев несли на своих плечах пехотинцы и артиллеристы.

Отлично действовал на подступах к населенному пункту Грос-Ноейндорф 674-й стрелковый полк 150-й дивизии. Особое упорство проявила штурмовая рота старшего лейтенанта Ю. А. Шандалова, которой пришлось отразить несколько сильных контратак противника, поддержанных танками и огнем артиллерии. Наиболее ожесточенной оказалась четвертая контратака. У противотанковых орудий, взаимодействовавших с ротой, кончились снаряды. Два вражеских танка приближались к позициям наших солдат. В этой критической обстановке командир роты не растерялся. С двумя бойцами он быстро выдвинулся навстречу врагу. Трофейными фаустпатронами ротный подбил сначала головной, а затем и второй танк.

Гитлеровские автоматчики окружили смельчаков. В неравной схватке погибли оба бойца. Оставшись один, старший лейтенант Шандалов продолжал отбиваться от наседавших немцев. Кончились фаустпатроны, опустели три автоматных диска. Гитлеровцы осмелели и бросились на советского офицера. В рукопашной схватке Шандалов погиб смертью героя. Когда полк отбросил противника, на месте, где сражался бесстрашный офицер, валялось 48 вражеских трупов.

За мужество и отвагу, проявленные при прорыве обороны противника на западном берегу реки Одер, старшему лейтенанту Юрию Абрамовичу Шандалову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Умело управлял своими подразделениями командир 1-го батальона 380-го стрелкового полка 171-й дивизии старший лейтенант К. Я. Самсонов. На подступах к де-

ревне Мецдорф батальон выдвинулся к небольшой реке, за которой оборонялся противник. Впереди лежала ровная и открытая местность. Оценив обстановку, старший лейтенант Самсонов приказал одной роте развернуться и вести интенсивный огонь по противнику на противоположном берегу. Бойцы остальных двух рот незаметно для врага поползли по неглубоким канавам к реке. Под прикрытием огня своих товарищей, они быстро преодолели реку и ворвались в траншеи гитлеровцев. 60 фашистов было уничтожено и 94 взято в плен. Успешные действия батальона Самсонова обеспечили продвижение остальных сил 380-го стрелкового полка.

Первый день Берлинского сражения завершился. Несмотря на задержку в районе Лечина, войска 3-й ударной армии в этот решающий день добились немалых успехов. Они прорвали первую, основную полосу вражеской обороны, продвинулись на запад до 8—9 километров и подошли к промежуточной позиции противника. Однако задача дня была решена не полностью. Контратаками тактических резервов и огнем артиллерии враг оказывал упорное сопротивление. К тому же одерская пойма, на которой действовали наши войска, изобиловала множеством осушительных каналов, ручьев и речек. Вкупе с противотанковыми препятствиями, возведенными немцами, они очень затрудняли продвижение танков. В этих условиях возросла роль войсковых саперов, которые под огнем врага наводили мосты и переправы.

Велики были потери противника от нашей артиллерии. По словам пленных, эти потери достигали половины личного состава вражеских подразделений. На всех трех позициях главной полосы обороны, кроме опорного пункта Лечин, система неприятельского огня была полностью подавлена. На этот раз боеприпасов мы не жалели. За первый день наступления артиллерией армии было израсходовано 162 тысячи различных снарядов и мин.

Противник потерял убитыми и ранеными до 1000 солдат и офицеров, более 900 человек было взято в плен. В качестве трофеев было захвачено 208 пулеметов, 20 орудий и 16 различных складов.

Таких же примерно успехов добилась и наступавшая справа 47-я армия генерала Перхоровича, войска которой

к концу дня тоже вышли к промежуточной позиции противника. Действовавшая слева 5-я ударная армия генерала Берзарина достигла рубежа Альт-Фридлянд, Вульков и завязала бои за Зеловские высоты, по которым проходила вторая полоса немецкой обороны. Однако основные бои по прорыву вражеского рубежа на Зеловских высотах развернулись южнее, в полосе 8-й гвардейской армии, которая наступала непосредственно на Зелов. Неоднократные попытки пехоты 8-й гвардейской армии и передовых частей 1-й гвардейской танковой армии штурмом овладеть высотами успеха не имели. Продвинуться вперед мешал не только сильный огонь противника, но и крутые, почти отвесные склоны.

В первой половине дня 16 апреля маршалу Г. К. Жукову стало ясно, что 8-я гвардейская армия не сможет самостоятельно взломать оборону противника и обеспечить ввод в прорыв 1-й гвардейской танковой армии. Маршал дал указание ввести в полосе действий 8-й гвардейской армии главные силы 1-й гвардейской танковой армии. Но и совместные усилия двух мощных гвардейских армий не принесли желаемого результата: противник продолжал удерживать Зеловские высоты.

Командующий фронтом решил наращивать темпы наступления в полосе 3-й и 5-й ударных армий, добившихся наибольшего успеха. С этой целью 2-я гвардейская танковая армия в 16 часов 30 минут начала выдвигать вперед два своих корпуса. Они получили задачу обогнать пехоту и нанести удар в общем направлении Рейхенберг, Бернау в обход Берлина с севера. Однако, выйдя к 19 часам на линию передовых частей 3-й и 5-й ударных армий, танкисты встретили сильное сопротивление противника и вынуждены были остановиться.

Фашисты повсюду дрались упорно и ожесточенно. Наши части с боем захватывали каждый метр территории.

А как же в этот период развивались события на Западе? Можно сказать, вполне благоприятно для союзников. Англо-американские войска в первой половине апреля, не встречая серьезного сопротивления, продолжали двигаться вперед на гамбургском, лейпцигском и пражском направлениях. К началу нашего наступления передовые части союзных армий вышли к реке Эльбе от Виттенберга до Дессау. До Берлина им оставалось 100—120 километров.

7

В ночь на 17 апреля наши передовые части вели разведку, улучшали свои позиции и на некоторых направлениях немного продвинулись на запад. Главное внимание всех командиров и штабов было сосредоточено на том, чтобы переправить как можно больше танков и артиллерии через каналы Позедин-грабен и Хаупт-грабен. Подтягивались резервы, подвозились боеприпасы.

Враг тоже наращивал силы. Против 79-го стрелкового корпуса генерала С. Н. Переверткина появились свежие части 25-й моторизованной и 1-й авиаполевой дивизий. Ночью они заняли заранее подготовленную промежуточную позицию вдоль канала Фридландер-штром. Части 309-й пехотной дивизии, оборонявшие главную полосу, понесли накануне значительные потери и отходили в юго-западном направлении на вторую полосу обороны.

Стремясь не допустить прорыва советских танков на Берлин, немцы усиливали свои пехотные части тяжелой артиллерией и зенитными орудиями, устанавливая их на танкодоступных направлениях для стрельбы прямой наводкой.

С утра соединения 3-й ударной армии, как и все войска 1-го Белорусского фронта, возобновили наступление. На рассвете 150-я стрелковая дивизия с боем заняла Барнимерфельд и форсировала канал Миттель-грабен. В 10 часов 30 минут 171-я дивизия штурмом овладела укрепленным пунктом Нойтреббин.

Во второй половине дня обе эти дивизии 79-го корпуса, оттеснив врага, вышли на восточный берег канала Фридландер-штром на участке Мариенхоф, Штромфельд. Все мосты через канал были взорваны немцами. Наступавшие вместе с пехотой танки 9-го танкового корпуса сразу открыли огонь по противнику, занимавшему противоположный берег. Передовые части, используя подручные средства, переправились через канал и захватили небольшой плацдарм юго-восточнее Кунерсдорфа. А танки не могли преодолеть водную преграду. К счастью, на помощь танкистам прибыл 138-й понтонно-мостовой батальон, снятый с одной из одерских переправ. За три часа в районе захваченного плацдарма понтонеры построили 30-тонный мост, по которому на западный берег устремились маши-

ны 23-й танковой бригады, взаимодействовавшей со 150-й стрелковой дивизией.

На левом фланге нашей армии части 12-го гвардейского корпуса сбили немцев с занимаемых позиций, в упорном бою овладели рубежом Груббе, Нейфридлянд, Нейфельд. Преследуя противника, они тоже вышли на восточный берег канала Фридландер-штром.

Особенно упорно оборонялись немцы в районе фольварка Бушхов. В каменных зданиях этого небольшого населенного пункта было установлено для стрельбы прямой наводкой 8 пушек и несколько штурмовых орудий. Здесь пришлось поработать нашим 122- и 152-миллиметровым гаубицам. С их помощью противника удалось выбить из Бушхова и отбросить на западный берег.

Попытки 63-го гвардейского полка 23-й дивизии и 164-го стрелкового полка 33-й дивизии форсировать канал с ходу не принесли желаемого результата. Наступление 12-го гвардейского корпуса задержалось еще и потому, что в его полосе подступы к каналу были совершенно открытые. Враг просматривал и простреливал всю местность с высот в районе Готтесгабе.

В 19 часов сюда была подтянута значительная часть приданной корпусу артиллерии. Только при поддержке массированного артиллерийско-минометного огня частям корпуса удалось переправиться через канал. К полуночи они овладели крупным опорным пунктом противника Готтесгабе.

Штаб гвардейского корпуса доносил, что перед ним тоже появились новые части противника. Были взяты пленные, принадлежавшие саперному батальону 25-й моторизованной дивизии и 4-му полку 1-й авиаполевой дивизии. Противник вводил свежие силы во всей полосе наступления 3-й ударной армии.

В этот день из 150-й стрелковой дивизии пришло сообщение о подвиге, который совершил начальник штаба 469-го стрелкового полка майор В. М. Тытарь. Произошло это в бою за железнодорожную станцию Нойтреббин, находившуюся в 5 км восточнее Кунерсдорфа. Первая атака полка захлебнулась. Пехота залегла под сильным огнем противника. Танки, неся потери, тоже продвинуться не могли. Командир полка подполковник М. А. Мочалов начал готовить новую атаку. 3-му стрелковому батальону было приказано переправиться через ручей и атаковать

станцию Нойтреббин справа, обходя ее с северо-востока. Выполняя это распоряжение, бойцы батальона с трудом преодолели заболоченное русло ручья и заняли исходное положение с запозданием. Начало общей атаки полка затягивалось. Майор Тытарь видел с наблюдательного пункта, что 3-й батальон задерживается. Атака снова могла сорваться. Он побежал в батальон. Когда Тытарь перебрался через ручей, в небо взмыла красная сигнальная ракета.

— Вперед, товарищи, ура-а-а! — крикнул майор, нагнав группу бойцов. Вместе с ними он устремился к зданию станции и первым ворвался на улицу, ведя огонь из автомата и воодушевляя бойцов своим примером.

Станция была взята. Противник потерял более 150 солдат и офицеров. В конце боя наш отважный офицер был смертельно ранен в грудь.

По всей армии разнеслась слава о парторге 1-й роты 63-го гвардейского стрелкового полка Людмиле Кравец. Опытный санинструктор, она во время атаки находилась в боевых порядках своего подразделения. Когда упал мертвым командир роты, старший сержант Кравец взяла командование на себя. Она возглавила атаку, поддержанную танками.

Бросившись вслед за девушкой, наши солдаты в рукопашном бою овладели частью населенного пункта Зитцинг и продолжали наступать дальше. На командном пункте полка не сразу поверили, что успешным боем 1-й стрелковой роты руководит скромная девушка-санинструктор.

За этот подвиг старшему сержанту Людмиле Степановне Кравец было присвоено звание Героя Советского Союза.

Мой старый сослуживец и друг подполковник Николай Степанович Федотов весь день находился среди связистов в боевых порядках наступавших войск. На НП он вернулся усталый, но довольный, возбужденный. Вот что он мне рассказал.

Радисты 77-го батальона связи из 33-й дивизии сержант И. С. Ткаченко и младший сержант Г. С. Волков развертывали свою рацию на восточном берегу озера Кицер-Зее. Вдруг они увидели немецкую самоходку, стоявшую в укрытии. Гитлеровцы готовились открыть огонь по боевым порядкам наступавшего батальона. Начальник рации Ткаченко вскинул автомат и полоснул по фашистам, находившимся на броне. Двое сразу рухнули на землю.

Воспользовавшись замешательством, радисты бросились к самоходке и пленили пятерых немцев. Самоходка была захвачена в полной исправности, с комплектом боеприпасов. Ее немедленно передали в нашу танковую часть. Обоих смельчаков представили к награде.

8

18 апреля наступление продолжалось. Стояла облачная погода, видимость ограничивалась туманной дымкой. День выдался теплый, температура поднялась до 18 градусов. Немецкая авиация почти не появлялась. Лишь отдельные самолеты вели разведку и бомбили боевые порядки наших войск. В воздухе господствовали советские летчики.

Ожесточенные бои развернулись на правом фланге армии: 150-я стрелковая дивизия, взаимодействуя с 23-й танковой бригадой, вела борьбу за Кунерсдорф. Немцы стремились ликвидировать там наш плацдарм на канале Фридландер-штром. Несколько раз они бросали в контратаку батальоны, поддержанные танками. Однако наши танки и артиллерия успешно отбивали гитлеровцев.

Кунерсдорф — крупный, заранее подготовленный к обороне опорный пункт. В кирпичных домах были установлены пулеметы и орудия. Высокие здания использовались врагом для размещения командных и наблюдательных пунктов. Значение Кунерсдорфа заключалось в том, что он на нашем правом фланге преграждал войскам выход из приодерской поймы. Вражеский гарнизон его состоял из двух полков 1-й авиаполевой и двух батальонов 25-й моторизованной дивизий. Эти силы только что прибыли из резерва. Их поддерживали семь минометных батарей и два артиллерийских дивизиона. Западнее Кунерсдорфа возвышалась гряда высот, покрытых лесом. Там размещались огневые точки, прикрывавшие подступы к этому опорному пункту.

Командир 150-й дивизии генерал В. М. Шатилов решил использовать для захвата Кунерсдорфа все свои части. Двумя полками охватить его с севера и юга, а третьим атаковать с востока. Бой готовился тщательно и прошел весьма успешно. Четкое взаимодействие между пехотой, артиллерией и танками позволило быстро сломить вражеское сопротивление. В 9 часов утра Кунерсдорф пал.

В это время 171-я стрелковая дивизия последовательно овладела опорными пунктами врага Мецдорф и Меглин и вырвалась вперед. Это позволило генералу С. Н. Переверткину ввести в бой из-за ее правого фланга второй эшелон корпуса — 207-ю стрелковую дивизию полковника В. М. Асафова. Свежие, полнокровные полки 207-й дивизии начали быстро продвигаться вперед. А 150-я дивизия после штурма Кунерсдорфа была выведена на второй эшелон.

Гвардейцы 12-го корпуса прорвали в тот день оборону противника, проходившую по высотам юго-западнее Мецдорфа и Готтесгабе. Овладев несколькими населенными пунктами и продвинувшись на шесть-семь километров, они подошли к крупному опорному пункту Бацлов. На подступах к нему завязался упорный бой. 23-я гвардейская стрелковая дивизия наступала севернее Бацлова. 33-я дивизия шла на него с востока. 52-я гвардейская дивизия находилась во втором эшелоне корпуса.

Попытки 23-й гвардейской дивизии овладеть шоссейной дорогой северо-западнее Бацлова, а 33-й дивизии с ходу лобовой атакой занять его успеха не имели. Была проведена мощная артподготовка. Но последовавшие за ней атаки тоже не принесли результатов.

Чтобы скорее овладеть районом Бацлов и высотами севернее его, командарм приказал генералу А. Ф. Казанкину ввести в бой 52-ю гвардейскую дивизию. Около 10 часов утра Казанкин принял правильное решение: выдвинуть части этой дивизии севернее Бацлова из-за правого фланга корпуса. Полки получили соответствующий приказ и начали марш, но через некоторое время, когда части 52-й дивизии приближались к рубежу наступления, а командиры уже вели рекогносцировку направлений предстоящей атаки, генерал Казанкин приказал вдруг совершить рокировку влево. По новому приказу 52-я дивизия должна была наносить удар из-за левого фланга 23-й гвардейской дивизии. Такой маневр был хорош на картах. Но... гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить! На поле боя этот маневр привел к отсрочке наступления. Бой за Бацлов затянулся более чем на 12 часов.

Ожесточенные стычки с противником продолжались на этом рубеже до конца дня. 23-й гвардейской дивизии удалось немного продвинуться вперед. Атаки 33-й дивизии

ничего не дали. Наконец, вечером была введена в бой 52-я гвардейская дивизия. Ее 151-й гвардейский полк при поддержке артиллерии и двух батарей самоходных установок атаковал северную окраину Бацлова, но был остановлен огнем противника. Город удалось взять только к утру. Этому способствовало продвижение 23-й гвардейской дивизии, которая ночью заняла Рейхенов и одним полком вышла в тыл немецкому гарнизону в Бацлове.

Стремясь не отстать от наступавших дивизий и своевременно влиять на развитие событий, мы с группой командарма ежедневно перемещали наблюдательный пункт армии. Боевые действия обычно не были видны непосредственно с НП, но близость к передовой позволяла генералу В. И. Кузнецову лучше чувствовать обстановку, иметь устойчивую связь с командирами корпусов и дивизий, а при необходимости сразу отправляться туда, где требовалось вмешательство командарма.

Основной командный пункт армии во главе с генералом М. Ф. Букштыновичем перемещался вслед за нами. 18 апреля к вечеру он перешел в Нейтреббин на оборудованный узел связи. Здесь в штаб поступила телеграмма, подписанная маршалом Жуковым. Учитывая успешное продвижение войск 3-й ударной армии, маршал поставил задачу 9-му гвардейскому танковому корпусу 2-й гвардейской танковой армии: войти в прорыв в полосе нашей армии и наступать в общем направлении на Херцхорн.

Это была хорошая новость. Ввод еще одного танкового корпуса мог способствовать дальнейшим успехам 3-й ударной. Однако использование танков очень затруднялось лесистой местностью. Мы не рассчитывали на их быстрое продвижение. По крайней мере до тех пор, пока пехота не преодолеет лесные массивы.

9

В руках немцев оставалась последняя перед Берлином оборонительная полоса. Чтобы удержать ее, фашисты в ночь на 19 апреля бросили против нашей армии 11-ю моторизованную дивизию СС и бригаду истребителей танков «Гитлерюгенд». Вражеские части были усилены 111-й

бригадой штурмовых орудий, двумя дивизионами тяжелой артиллерии, одним минометным и двумя зенитными полками. Бригада истребителей танков состояла из четырех батальонов, укомплектованных 15—16-летними юношами, имевшими на вооружении ручные противотанковые гранатометы «панцер-фауст». Это были последние оперативные резервы врага на пути 3-й ударной к Берлину.

Анализ первых дней наступления показал, что командиры некоторых полков и дивизий вместо выхода на фланги и тылы противника применяли фронтальные лобовые атаки и ввязывались в затяжные бои. В боевых приказах Военный совет армии напомнил командирам о недопустимости подобной практики, которая вела к замедлению темпа наступления и к излишним потерям. Однако это требование в условиях конкретной боевой обстановки не всегда было выполнимым.

Характер и особенности задач, которые приходилось решать войскам, непрерывно менялись. Первые два дня боев все усилия соединений были направлены на преодоление обороны противника в условиях труднопроходимой приодерской поймы. На третий день сражение развернулось на холмистой и пересеченной местности, решающее значение имела борьба за господствующие высоты и опорные пункты. А теперь перед частями армии сплошной стеной встал претцельский лес, прикрывавший подступы к Берлину с северо-востока. Войскам приходилось перестраиваться на ходу, не теряя ни часа, менять свою тактику. На это способны были только закаленные соединения, в совершенстве овладевшие всеми формами ведения боевых действий. Здесь, под Берлином, сказался огромный опыт, накопленный нами за четыре года войны.

Большой массив соснового леса пересекал с севера на юг всю полосу наступления нашей и соседних армий. Глубина его с востока на запад достигала 15 километров. По восточным опушкам леса противник наспех отрыл на отдельных участках траншеи и окопы, оборудовал пулеметные площадки и позиции противотанкистов. Подступы к лесу и просеки были заминированы. На танкоопасных направлениях, в дополнение к противотанковым рвам, были устроены завалы. Основные дороги, идущие через лес, прикрывались зенитными орудиями, установленными для стрельбы прямой наводкой, и многочисленными группами «фаустников».

Части 23-й и 52-й гвардейских дивизий первыми завязали бой за Претцель и Предиков, расположенные вблизи претцельского леса. После десятиминутной артподготовки части 23-й гвардейской дивизии атаковали Претцель с востока и северо-востока, а 151-й и 155-й полки 52-й гвардейской дивизии, поддержанные танками и самоходными установками, атаковали этот пункт с юга. В 20 часов сопротивление немцев было сломлено и Претцель взят. Остатки гарнизона отошли на запад, бросив технику и вооружение. Одновременно противник оставил и опорный пункт Предиков. Наши гвардейцы, не задерживаясь, устремились в лес.

Еще успешнее развивались боевые действия на правом фланге армии. Части 79-го стрелкового корпуса к полудню овладели Франкенфельде. Передовой отряд корпуса (второй батальон 713-го стрелкового полка 171-й дивизии) с боем занял Штернебек. К концу дня части корпуса углубились в претцельский лес до трех-четырех километров.

Бои в лесу приняли чрезвычайно ожесточенный характер. Большое количество противопехотных и противотанковых препятствий задерживало продвижение наших войск. Лесные завалы, минные заграждения, засады «фаустников» и противотанковые пушки сковывали действия танков и самоходных орудий. Пехота обходила заграждения, вместе с саперами подрывала и растаскивала их. Наши бойцы проникали в тыл вражеских засад, уничтожали расчеты орудий и «фаустников».

Боевые действия не прекращались и ночью. Больше того — именно ночные бои сыграли решающую роль в борьбе за претцельский лесной массив. Бойцы и офицеры 3-й ударной, привыкшие сражаться в лесах, действовали уверенно и смело. Да уж чего-чего, а ле́са никто не боялся. Он всегда был нашим союзником. Стоило, к примеру, какому-либо полку зацепиться вечером за восточную опушку, как активность подразделений сразу возрастала. Многие полки и батальоны за одну ночь прорывались через весь лесной массив и выходили утром на его западную окраину.

19 апреля в Предиков переместился наш основной командный пункт, возглавляемый генералом Букштыновичем. Я доложил Михаилу Фомичу, какова обстановка перед фронтом армии. Затем мы обменялись впечатлениями

о ходе наступления. Как обычно, Букштынович был неудовлетворен темпами продвижения.

— Нас могут обогнать соседи, — сказал он. — Надо добиваться, чтобы наша армия первой ворвалась в Берлин. Для нас это самая высокая честь. — Подумал и добавил негромко: — Стоило родиться, жить и умереть только ради того, чтобы сражаться за торжество нашего народа здесь, возле стен Берлина!

Эти слова навсегда врезались в мою память.

Начальнику штаба были известны данные о положении войск 1-го Белорусского фронта. Он сообщил мне, что к вечеру 19 апреля оборона противника была прорвана на участке протяженностью 70 километров. За четверо суток войска фронта в среднем продвинулись на 30 километров. Наибольший успех достигнут на правом фланге главной ударной группировки. 47-я и 3-я ударная армии вышли на рубеж Бисдорф, Штернебек, Претцель, Предиков, создав выгодное положение для удара по Берлину с северо-востока и для обхода его с севера.

В 22 часа, когда мы с генералом Букштыновичем были на докладе у командарма, ему позвонил по ВЧ Г. К. Жуков. Маршал потребовал ускорить движение дивизий к Берлину, пересечь берлинскую кольцевую автостраду, как можно быстрее достичь немецкой столицы.

Сразу же после этих указаний собралось совещание Военного совета. Были определены задачи войск на 20 апреля.

79-й стрелковый и 12-й гвардейский корпуса должны были продолжать наступление ночью и днем, чтобы к вечеру пересечь берлинскую автостраду на участке Блумберг-Элизенау, Блумберг. 9-му танковому корпусу генерала Кириченко тоже предписывалось выйти к этому времени на автостраду, выдвинув к окраинам Берлина сильные передовые отряды. 7-му стрелковому корпусу генерала Чистова, находившемуся во втором эшелоне армии, сосредоточиться в лесах западнее Претцеля.

Я быстро подготовил короткие телеграммы командирам корпусов. Подписав их, генерал В. И. Кузнецов, член Военного совета А. И. Литвинов, а также командующий артиллерией И. И. Морозов и начальник политического отдела полковник Ф. Я. Лисицын сразу же уехали в ди-

визии первой линии. На командном пункте в Предикове остались генерал М. Ф. Букштынович, мой заместитель полковник М. С. Тур с офицерами штаба и офицеры родов войск и служб. Я с группой командарма отправился оборудовать передовой командный пункт в районе Вернейхен, где шли бои.

Всю ночь на 20 апреля продолжались действия наших войск в западной части претцельского леса. Оставив на просеках и дорогах группы автоматчиков, «фаустников» и отдельные зенитные орудия, противник отводил свои разбитые части, на ходу объединяя их в различные сводные отряды. Покинув лес, они останавливались и закреплялись на внешнем оборонительном обводе Берлина.

Противник потерял много артиллерии. Эффективность орудийного огня с закрытых позиций значительно снизилась. Зато активизировалась вражеская авиация. За предыдущий день в полосе армии было отмечено до 200 самолето-вылетов.

207-я и 171-я дивизии 79-го стрелкового корпуса к утру 20 апреля передовыми частями преодолели лесной массив и вышли на рубеж Верфтпфуль, Хиршфельде. Развернулись бои за крупный укрепленный район Вернейхен. При этом основную роль сыграли танки 9-го гвардейского танкового корпуса из 2-й гвардейской танковой армии, которая вырвалась на оперативный простор и продвигалась в северо-западном направлении.

Успешно действовали и войска 47-й армии, наступавшей правее нас. К концу дня они захватили Бернике и вели бой на восточной окраине Бернау. Зато перед фронтом 5-й ударной армии противник продолжал удерживать укрепленный район Штраусбер. Наступление войск 5-й ударной армии замедлилось. Это в известной степени сказалось и на действиях нашего 12-го гвардейского корпуса.

Наступавшие в первом эшелоне 23-я и 52-я гвардейские дивизии были задержаны в первой половине дня контратаками гитлеровцев. Фашисты бросили против гвардейцев свежий полк «Данемарк» и несколько батальонов фольксштурма. Только к вечеру 12-му корпусу удалось продвинуться вперед и выйти правым флангом в район Везендаля. Однако на левом фланге корпуса из-за отставания соседа создалась напряженная обстановка. Опираясь на укрепленный район Штраусберг, гитлеровцы могли нанести удар в северо-восточном направлении и

выйти на тылы 12-го гвардейского корпуса. Учитывая это, командарм приказал держать ближе к левому флангу 33-ю стрелковую дивизию, составлявшую второй эшелон корпуса.

7-й стрелковый корпус к концу дня перешел в указанный ему район и продолжал оставаться в резерве. Войска армии с упорными боями приближались к Берлину. Артиллерия не отставала от пехоты. Авиация активно поддерживала наземные части, нанося удары по скоплениям немцев.

Вечером генерал В. И. Кузнецов прибыл к нам на передовой КП в Вернейхен. Мы подвели некоторые итоги: за день армия завершила прорыв третьей полосы вражеской обороны и с ходу прорвала внешний оборонительный обвод Берлина в районе Вернейхен.

Поговорив по телефону с генералом Букштыновичем, выслушав его доклад об обстановке у соседей, об общем положении перед 1-м Белорусским фронтом, Василий Иванович Кузнецов поставил армии задачи на 21 апреля:

«1. 79 ск к 5.00 21.4.45 пересечь берлинскую автостраду на участке Каров, исключительно Линденберг и ворваться в Берлин.

2. 12 гвск к 4.00 21.4.45 захватить Линденберг, Клярахе и выслать в Берлин сильные передовые отряды» *.

Начальник артиллерии генерал Морозов торжественно доложил генералу Кузнецову о том, что артиллеристы 3-й ударной 20 апреля начали вести огонь по Берлину. В 11 часов 25 минут первый залп по вражеской столице с дистанции более двадцати километров дал 1-й дивизион 624-го пушечного полка 24-й артиллерийской бригады. В 13 часов 50 минут огонь по Берлину открыла артиллерия, приданная 79-му стрелковому корпусу. В 22 часа 30 минут наши дальнобойные орудия обстреляли район рейхстага.

Да, это был необычный доклад. Не выдержав официального тона, Иван Иосифович Морозов начал рассказывать подробности:

— Мне довелось в это время находиться на позиции одной из стрелявших батарей. Наводчики особенно тщательно подводили перекрестия панорам на точку наводки,

---

* Архив МО СССР, ф. 317, оп. 29869, д. 4, л. 71.

а пузырьки уровней — на середину. На снарядах писали мелом: «По Гитлеру!», «По логову врага!»...

На этот раз адреса были не символические, а вполне реальные.

Вечером во всех батареях нашей армии была прочитана телеграмма Главного маршала артиллерии Н. Н. Воронова. Он поздравил наших артиллеристов с первыми залпами по Берлину.

Начальник политотдела Федор Яковлевич Лисицын вернулся из войск позже всех и тоже пришел поделиться с командармом своими впечатлениями. Он рассказывал, как велико у солдат и офицеров стремление первыми ворваться в Берлин.

На рассвете 21 апреля гвардейцы 52-й дивизии генерал-майора Н. Д. Козина и бойцы 171-й стрелковой дивизии полковника А. И. Негоды первыми пересекли берлинскую кольцевую автостраду и устремились в пригороды Большого Берлина. Эта радостная весть быстро разнеслась по частям армии. 3-я ударная переступила порог фашистской столицы!

Утром генерал Кузнецов решил ввести в сражение 7-й стрелковый корпус. Мы были так богаты, что до этого момента держали его в резерве.

Я подготовил телеграмму для генерала В. А. Чистова. Когда принес ее на подпись, Василий Иванович Кузнецов пошутил:

— Надо не опоздать, а то кончится война и в дивизиях этого корпуса некого будет представлять к наградам.

Над такой шуткой не грех было и посмеяться...

Поступил приказ маршала Жукова, изменявший основное направление нашей армии. Вместо продвижения на запад в обход Берлина с севера, как предусматривалось первоначальной директивой, 3-я ударная поворачивала на юго-запад, чтобы наступать к центру города. Этот приказ был принят нами с большой радостью.

Весь день войска армии вели боевые действия в пригородах Берлина. 79-й стрелковый корпус генерала Переверткина совместно с танкистами 2-й танковой армии занял крупные пригороды Каров, Линденберг и Шванебек. В бой снова ввели 150-ю стрелковую дивизию. К концу дня передовые части завязали уличные бои за Буххольц.

Успех сопутствовал и 12-му гвардейскому корпусу. Рано утром его 52-я дивизия ворвалась в Блумберг, рас-

положенный у автострады. Продолжая наступление, корпус овладел пригородами Бланкенбург и Мальхов. К вечеру бои развернулись в районе Вейсензее.

7-й стрелковый корпус генерала Чистова, введенный в сражение на левом фланге армии, тоже вступил в соприкосновение с противником. К 18 часам он вышел на восточную окраину Хоэншенхаузена, закрыв тем самым разрыв, образовавшийся между 3-й и 5-й ударными армиями.

Все силы нашей армии развернули боевые действия непосредственно в пригородах вражеской столицы. Большой город встал перед нами не умозрительно, не на картах. Мы своими глазами увидели последнюю вражескую цитадель, ощетинившуюся стволами пушек и пулеметов. И эту крепость предстояло взять!

К дому, где мы разместились, подъехали две машины. Из головной машины быстро вышел генерал.

— Кто находится здесь? — спросил он меня.

— Командующий третьей ударной армией.

— Проведите к нему.

Мы вошли в комнату Василия Ивановича Кузнецова как раз в тот момент, когда С. Н. Переверткин докладывал ему по телефону о захвате очередного опорного пункта.

— Начальник штаба второй гвардейской танковой армии генерал Радзиевский! — представился приезжий. — Мы выдвигаемся в район северо-западнее Буххорста, позвольте ознакомиться с положением войск вашей армии и доложить по карте, где ведут бои наши корпуса. После преодоления претцельского леса дела у нас пошли веселее. Сейчас основные силы второй гвардейской направляются в обход Берлина с севера.

Выслушав Радзиевского, наш командарм попросил его сообщить командующему 2-й танковой армией генералу Богданову нашу новую задачу. Я тем временем нанес положение танкистов на свою карту.

Генерал Радзиевский, которого я увидел тогда впервые, располагал к себе приветливой улыбкой, подтянутостью и молодцеватостью. Много лет спустя мне довелось служить в подчинении у этого высокообразованного, талантливого военачальника, прекрасно знающего свое дело. Несмотря на высокую требовательность, Алексей Иванович Радзиевский всегда оставался душевным, обаятельным человеком.

КОНЕЦ ФАШИСТСКОГО ЛОГОВА

1

По сведениям, имевшимся в нашем разведывательном отделе, население Берлина достигало 3 миллионов человек. Эвакуация жителей из города была запрещена еще в январе 1945 года. Тогда же все мужчины в возрасте от 16 до 60 лет были зачислены в отряды фольксштурма, которые получили задачу защищать столицу вместе с фашистскими войсками, сосредоточенными для обороны берлинского направления. Всего было сформировано около 200 батальонов фольксштурма, в которых насчитывалось до 200 тысяч человек.

По готовности и боеспособности фольксштурм подразделялся на четыре категории. Первую составляли лица, освобожденные от работы и размещенные в казармах. Вторую — те, кто не освобождался от работы. К третьей категории относились члены организации гитлеровской молодежи — «Гитлерюгенд». Четвертая — объединяла лиц с физическими недостатками. Наиболее боеспособными были, естественно, отряды первой категории. В состав фольксштурма входили и полицейские, которых в Берлине насчитывалось более 30 тысяч. Часть их свели в особые отряды. Оснащались батальоны фольксштурма различным пехотным оружием, вплоть до трофейных винтовок и автоматов.

Немецкая столица была превращена в мощный укрепленный район. Возглавлял оборону специальный штаб во главе с генерал-лейтенантом Рейманом, которого затем сменил генерал артиллерии Вейдлинг. Вокруг Берлина фашисты возвели три оборонительных обвода —

внешний, внутренний и городской. Первый обвод находился на удалении 25—40 километров от центра города. К тому времени, о котором идет речь, на отдельных направлениях он был уже прорван советскими войсками.

Внутренний обвод, созданный по окраинам берлинских пригородов, состоял из нескольких траншей. Глубина его достигала шести километров. Гитлеровское командование рассматривало его как главную полосу берлинского укрепленного района. Здесь немцы рассчитывали ввести в бой основные силы берлинского гарнизона и любой ценой удержать этот рубеж. В приказе по обороне Берлина указывалось, что при прорыве внутреннего обвода советскими танками и пехотой солдаты обязаны продолжать борьбу до восстановления утраченного положения.

И наконец — городской обвод, который проходил внутри Берлина по линии окружной железной дороги и был также подготовлен к обороне.

Территория укрепленного района была разбита на девять секторов, обозначенных буквами латинского алфавита. Восемь секторов были созданы по окружности, а один — в центре. Этот центральный сектор готовился с особой тщательностью. Многие его кварталы оборудовались как батальонные узлы сопротивления. В городе насчитывалось более 400 железобетонных долговременных сооружений. Некоторые из них представляли собой многоэтажные бункеры, врытые в землю. Они вмещали гарнизоны до 1000 человек.

Для обороны каждого сектора выделялось 8—10 батальонов фольксштурма, усиленных артиллерией и снабженных большим количеством фаустпатронов. Эти силы соответствовали примерно одной пехотной дивизии. Внутри сектора они глубоко эшелонировались, опираясь на приспособленные к обороне производственные и жилые здания. Отходившие под ударами наших войск части противника присоединялись к отрядам фольксштурма и вместе с ними продолжали оказывать ожесточенное сопротивление. Чем ближе к городу, тем заметнее возрастала концентрация вражеских сил.

Снабжение Берлина резко ухудшилось.

21 апреля перестали работать все предприятия немецкой столицы. Прекратилась подача газа и электроэнергии. Кончились запасы угля. Остановились трамваи и

троллейбусы, перестало функционировать метро. Не действовали водопровод и канализация.

Связь в городе поддерживалась при помощи городской телефонной сети. Разведка доносила, что противник использует ее для корректирования огня артиллерии по районам, занятым советскими войсками, а также для передачи данных о положении и перемещении наших частей.

В первые часы боевые действия наших войск на улицах Берлина носили недостаточно организованный характер: подразделения и части не имели опыта наступательных боев в условиях очень большого города. Сказывались также неполадки в подготовке штурмовых отрядов и групп, необходимых для захвата укреплений и приспособленных к обороне каменных зданий. Среди многоэтажных домов, где не было четко выраженной линии соприкосновения с противником и люди зачастую не видели своих соседей, весьма трудно было налаживать взаимодействие между наступавшими частями и поддерживавшими их средствами. Старшие начальники теряли управление своими подчиненными, не оказывали им должной помощи при организации боя. Атакам подвергались нередко те объекты противника, которые следовало бы обходить. Все это снижало темп продвижения и вело к неоправданным потерям.

Однако первой и главной причиной медленного продвижения войск в Берлине было ожесточенное сопротивление противника. Используя инженерные заграждения, баррикады и завалы на улицах, фашисты вели борьбу не на жизнь, а на смерть. Против наших танков, как и на подступах к Берлину, действовали зенитные пушки и фаустпатроны. Немецкая авиация все еще продолжала бомбить боевые порядки советских войск. Над 3-й ударной армией ежедневно регистрировалось до 150 самолето-вылетов.

Сражение в городе не затихало ни днем, ни ночью. Наши войска быстро овладели навыками наступательного боя в новых условиях.

Почти все дивизии 3-й ударной действовали в первой линии; только 265-я стрелковая дивизия находилась в резерве за левым флангом 7-го корпуса. Весь Военный

совет армии, начальники родов войск и служб, многие офицеры штаба, политического отдела и других отделов полевого управления большую часть времени находились в войсках, в районах их боевых действий, оказывая на месте необходимую помощь.

23 апреля командный пункт армии перешел в небольшой населенный пункт Ней-Линденберг, в пяти километрах к северо-востоку от Берлина. Здесь были сосредоточены все наши средства управления.

В Ней-Линденберге, в отличие от других берлинских пригородов, не было многоэтажных зданий: он стоял в стороне от больших дорог и утопал в садах. На деревьях уже распускались почки, появились молодые ярко-зеленые листья. Весна вступала в свои права, наперекор войне, наперекор разрухе и уничтожению.

22 и 23 апреля продолжались ожесточенные бои в предместьях Берлина. Войска 3-й ударной овладели крупными пригородными районами Буххольц, Розенталь, Панков, Вейсензее и Лихтенберг, продвинувшись до пяти километров. Установилась теплая сухая погода, она благоприятствовала ведению боевых действий. Даже при сплошной облачности видимость была хорошая. Но над Берлином висела дымка, которая мешала использовать артиллерию и авиацию для ударов по опорным пунктам противника. Можно было угодить по своим.

Командующий фронтом усилил нашу армию четырьмя тяжелыми гаубичными бригадами и двумя бригадами гвардейских минометов.

Вечером 23 апреля Василий Иванович Кузнецов поставил войскам следующие задачи.

79-му стрелковому корпусу к исходу 24 апреля овладеть в своих разграничительных линиях северным берегом реки Шпрее.

12-му гвардейскому корпусу к этому же времени выйти на северный берег реки Шпрее левее 79-го корпуса.

7-му стрелковому корпусу овладеть районом города севернее парка Тиргартен, имея одну дивизию в резерве. Одновременно командарм обращал внимание командира корпуса на недочеты в организации боя и управлении частями.

Отправив в войска эти короткие распоряжения, я выкроил немного времени, чтобы послушать полковника М. И. Новикова, возвратившегося из 12-го гвардейского корпуса, где он находился с начала наступления. У Михаила Ивановича накопилось много впечатлений. Но с особой охотой рассказывал он о героизме и мужестве наших бойцов и командиров.

Хорошо сражались с врагом полки 23-й гвардейской стрелковой дивизии. Батальон майора Никина из 66-го гвардейского полка только в течение 23 апреля отразил 15 контратак противника, уничтожил более 300 гитлеровских солдат и офицеров и 190 взял в плен. За эти бои командиру батальона майору Семену Ивановичу Никину, командиру роты лейтенанту Николаю Степановичу Шелихову и рядовому Сербеку Сугуловичу Чилингарьяну впоследствии присвоили звание Героя Советского Союза. Многие бойцы и офицеры батальона были награждены орденами и медалями.

Точными залпами громил врага 124-й гвардейский артиллерийский полк 52-й гвардейской дивизии, которым командовал подполковник Н. И. Биганенко. Находясь в боевых порядках пехоты, артиллеристы прямой наводкой уничтожали живую силу и огневые точки противника. Умело руководил своим расчетом командир орудия младший сержант А. Н. Гуссейнов. На подступах к Берлину его орудие разбило 14 ручных и станковых пулеметов, 2 пушки, подавило вражескую минометную батарею и уничтожило более 40 гитлеровцев.

23 апреля в жарком бою погиб весь расчет. Оставшись у орудия один, младший сержант Гуссейнов продолжал вести огонь и обеспечил продвижение пехоты. Он уничтожил три укрепленные точки и около 20 немецких солдат и офицеров. За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, младший сержант Али Наджарович Гуссейнов получил третий орден Славы. Он стал полным кавалером этого почетного солдатского ордена.

2

24 апреля войска армии с тяжелыми боями продвигались к центру Берлина. Наибольший успех имел 79-й стрелковый корпус генерала С. Н. Переверткина, наступавший на правом фланге. Его дивизии вышли на север-

ный берег канала Берлинер-Шпандауэр-Шиффарст в районе Фолькспарка.

Медленнее развивалось наступление 12-го гвардейского корпуса, соединения которого достигли наиболее застроенной и сильно укрепленной части Берлина: они вели бои севернее Веддинга и в районе Гезундбруннена. В аналогичных условиях действовал и 7-й стрелковый корпус. За двое суток ему удалось овладеть лишь несколькими кварталами в северо-восточной части города.

Такие результаты на нашем левом фланге не удовлетворяли штаб фронта. Каждые два часа оттуда звонили по ВЧ генералу Букштыновичу и мне. Вопрос один: продвигаются ли войска? Командарм Кузнецов с утра уехал в 79-й корпус. Член Военного совета генерал Литвинов второй день находился в 12-м гвардейском корпусе.

В полдень генерал Букштынович приказал мне выехать в 7-й корпус, на месте ознакомиться с обстановкой и ходом событий.

Передвигаться по улицам Берлина было далеко не безопасно. Немецкие снайперы, переодетые в гражданскую одежду, укрывались в домах и подвалах, охотились за советскими офицерами. Бороться с этими фашистами было чрезвычайно трудно: они прикидывались мирными жителями.

Важно было и не заблудиться, не попасть в лапы противника. Дорогу на командный пункт 364-й стрелковой дивизии, где я решил побывать, надо было найти по карте. Для верности взял с собой начальника направления 7-го корпуса майора Аинцева и офицера связи.

Повсюду в глаза бросались призывы-лозунги, выведенные белой краской на стенах домов, на заборах, на асфальте улиц: «Берлин останется немецким!», «Мы не капитулируем!»...

Добрались без особых приключений. Командир дивизии полковник И. А. Воробьев и начальник штаба подполковник И. А. Бадин находились на своем командном пункте в подвальном помещении пятиэтажного здания. Наблюдательный пункт был оборудован на верхнем этаже. Ознакомившись с обстановкой по карте, мы поднялись на НП к разведчикам и наблюдателям-артиллеристам.

После недавней атаки, которая не дала ощутимых результатов, полки готовились к ночным действиям. Слы-

шалась редкая перестрелка. Было странным и непривычным, что с НП не видно частей и подразделений. Их словно бы поглотили громады ближайших зданий.

Берлин горел. Черные облака дыма устремлялись к небу. В воздухе кружились хлопья сажи.

Подполковник Бадин доложил, какие улицы и здания заняты частями дивизии, где находится противник, как организовано взаимодействие с соседями. Затем полковник Воробьев рассказал о тактике действий штурмовых отрядов.

Борьбу с противником, засевшим в зданиях, дивизия вела штурмовыми отрядами силою от роты до батальона. Отрядам придавались артиллерия, танки, самоходки и мощные гвардейские минометы. Причем эти минометы использовались весьма своеобразно. Рамные установки, снятые с автомашин, поднимали на чердаки самых высоких зданий. Оттуда гвардейцы били реактивными снарядами по объектам противника, преграждавшим путь нашей пехоте.

Вся артиллерия, приданная штурмовым отрядам, вплоть до орудий крупных калибров, находилась непосредственно в боевых порядках пехоты и вела огонь прямой наводкой с коротких дистанций. Это увеличивало эффективность.

Серьезное препятствие для наших войск представлял канал Берлинер-Шпандауэр-Шиффарст. При сравнительно небольшой ширине — 75 метров — он имел отвесные бетонированные берега с низко опущенным зеркалом воды. Глубина достигала двух-трех метров. Все мосты были взорваны, преодолеть канал с ходу частям 79-го стрелкового корпуса не удалось. Южнее канала простирался так называемый Фольксnúmпарк, восточнее его — жилой массив Плетцензее. На юго-восток от этого района каменной громадой поднялся старинный район Моабит с его мрачной тюрьмой.

Первыми начали форсировать канал на подручных средствах части 207-й стрелковой дивизии полковника В. М. Асафова. В 18 часов, после артиллерийского налета, 1-й батальон 594-го стрелкового полка, поддержанный сильным минометным и пулеметным огнем, устремился к воде. Бойцы переправлялись на плотах, на бревнах и

вплавь. Достигнув южного берега, они вышвырнули гитлеровцев из траншеи и захватили небольшой плацдарм. Саперы тотчас навели штурмовой мостик, по которому быстро перешли остальные подразделения 594-го полка.

Тем временем 597-й полк форсировал канал несколько западнее и тоже захватил небольшой пятачок. Прибывший к месту форсирования понтонный батальон приступил к наводке 16-тонного моста. Одновременно саперы дивизии восстанавливали мост, взорванный немцами. Едва сгустились сумерки, на воду были спущены паромы. На них за ночь переправили артиллерию и минометы всех стрелковых полков 207-й дивизии. На рассвете был готов и понтонный мост, по которому устремились самоходные установки. Затем через восстановленный саперами мост начали переправу танки и тяжелая артиллерия.

Полки 150-й стрелковой дивизии вышли к каналу вблизи озера Плетцен. Успешно форсировав его, они пробивались в район Моабит. 171-я стрелковая дивизия находилась во втором эшелоне 79-го корпуса и готовилась развивать успех 207-й стрелковой дивизии.

12-й гвардейский корпус весь день вел упорные бои за отдельные дома и кварталы. Его 23-я гвардейская дивизия, обойдя несколько опорных пунктов противника, вечером 24 апреля достигла канала Берлинер-Шпандауэр-Шиффарст восточнее озера Плетцен. 33-я стрелковая и 52-я гвардейская дивизии с большим трудом преодолели окружную железную дорогу.

Части 7-го стрелкового корпуса продолжали вести тяжелые бои в районе парка Фридрихс-Хайн.

Сопротивление противника не ослабевало, а возрастало. И не только перед нами, но и на участках других армий. В бой за Берлин включилась вся ударная группировка 1-го Белорусского фронта. 47-я армия, наступавшая правее нас совместно с 9-м гвардейским танковым корпусом 2-й танковой армии, обходила город с северо-запада. 5-я ударная армия, наносившая удар с востока, встретила особенно упорное сопротивление: она вела тяжелые бои левее нашего 7-го стрелкового корпуса. 8-я гвардейская армия, наступавшая вместе с 1-й гвардейской танковой армией с юго-востока, прорвала берлинский оборонительный обвод на участке Мальсдорф, Вендешлос и завязала бои в городе.

В более благоприятных условиях развивалось наступление войск 1-го Украинского фронта. Его танковые армии, повернутые на Берлин, разгромили противника в районах Цоссен, Лук켄вальде, Ютерборг и тоже прорвали внешний оборонительный обвод немецкой столицы. 3-я гвардейская танковая армия вышла на южную окраину Берлина — в пригороды Ланквиц и Тельтов. 4-я гвардейская танковая армия достигла южных подступов Потсдама, заняв выгодные позиции для того, чтобы замкнуть кольцо вокруг берлинской группировки противника.

Маневр, осуществляемый войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов для окружения вражеских сил в Берлине, был близок к завершению. 25 апреля части 47-й и 4-й гвардейской танковой армий соединились западнее города. Противник был взят в стальные тиски. Берлин оказался отрезанным от остальной Германии.

В окружение попали остатки шести дивизий 9-й немецкой армии и различные соединения и части гарнизона Берлина. Общая численность вражеской группировки составляла около 300 тысяч человек. Она имела 3000 орудий и минометов и 250 танков и штурмовых орудий.

Положение противника резко ухудшилось. Однако он продолжал еще на что-то надеяться. В Берлине не прекращалось формирование батальонов фольксштурма. Из тюрем выпустили уголовников: их тоже привлекли к обороне города.

Многочисленные пожары, бушевавшие в городе, затрудняли ведение боевых действий. В этих условиях решающее значение приобрели бои мелких подразделений. Они просачивались между очагами вражеской обороны и наносили по ним удары с флангов и тыла. В таких боях наши опытные, закаленные солдаты и офицеры значительно превосходили гитлеровцев.

Вечером 25 апреля Москва сообщила о том, что передовые подразделения 58-й и 97-й гвардейских дивизий 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта вышли на Эльбу в районе Торгау. Здесь части 58-й гвардейской дивизии генерала В. В. Русакова встретились с патрулями 69-й пехотной дивизии 1-й американской армии. Фронт немецко-фашистских войск был нарушен. Немецкие армии, находившиеся в Северной и Южной Германии, оказались отрезанными друг от друга.

Ну что же, и мы, в свою очередь, неплохо отметили этот день. Успешно развивались события к югу от канала Берлинер-Шпандауэр-Шиффарст, где наступал 79-й стрелковый корпус С. Н. Переверткина. Наиболее активно действовала его 207-я дивизия, которая продвинулась на два километра и вышла на рубеж Кенигсдамм, гавань Вестховен. 171-я дивизия тоже переправилась через канал, чтобы наступать на правом фланге корпуса. 150-я дивизия, нацеленная вдоль канала на восток, встретила сильное огневое сопротивление и успеха не имела.

Части 12-го гвардейского корпуса за день продвинулись незначительно. Положение 7-го стрелкового корпуса осталось без изменений. Таковы были общие итоги действий войск 3-й ударной армии за 25 апреля. И опять, как всегда, вечером я готовил телеграммы командирам корпусов. Ставились задачи на следующий день.

79-й стрелковый корпус должен был овладеть районом Моабит с выходом на реку Шпрее. 12-му гвардейскому корпусу приказывалось двигаться в южном и юго-восточном направлениях, чтобы овладеть районом Северного и Штеттинского вокзалов, и тоже достичь реки Шпрее. 7-й стрелковый корпус продолжал наступать к центру Берлина с северо-востока.

3

Войска 3-й ударной вышли к центральному оборонительному сектору Берлина. Здесь бои достигли высшего напряжения: фашистские фанатики защищали наиболее важные жизненные узлы рейха — имперскую канцелярию, в бункерах которой находился Гитлер со своими ближайшими соратниками, и рейхстаг.

С севера, откуда наступала наша армия, центральный сектор прикрывала река Шпрее. С юга — Ландвер-канал. Почти все мосты были взорваны. Не знаю, по каким соображениям, немцы оставили только мост Мольтке. Однако он был защищен с двух сторон противотанковыми препятствиями и простреливался многослойным пулеметным огнем. Подступы к мосту прикрывала артиллерия.

В системе обороны противника в этом районе особо выделялись массивные здания рейхстага и министерства внутренних дел («дом Гиммлера»), превращенные в мощные узлы сопротивления. Сильные укрепления с разви-

той сетью траншей и ходов сообщения были созданы и в парке Тиргартен.

26 апреля мы продвигались вперед медленно, отвоевывая метр за метром. Солдаты и офицеры самоотверженно сражались за каждую улицу, каждый дом. Бои вспыхивали в подвалах, на лестничных клетках, на чердаках. Только за один день войска армии уничтожили около 1500 гитлеровцев.

В этот же день наши артиллеристы открыли прицельный огонь непосредственно по рейхстагу. Честь произвести первый залп была доверена лучшему дивизиону 136-й пушечной бригады, прошедшей вместе с армией весь трудный путь от Великих Лук до Берлина. Командовал этим дивизионом майор Д. А. Чепель. А бригаду все три года возглавлял отличный артиллерист полковник А. П. Писарев, удостоенный в боях за Берлин звания Героя Советского Союза.

Стрелковые полки рвались вперед, к центру города, к Королевской площади. Как всегда в последнее время, хорошо действовал 79-й стрелковый корпус. Его дивизии вышли на северный берег Фербиндунгс-канала, вклинившись в городской оборонительный обвод. Взаимодействуя с частями 12-го гвардейского танкового корпуса 2-й танковой армии, которая также наступала в южном направлении, 79-й корпус на следующий день завершил прорыв городского обвода на участке от станции Юнгефернхайде до Фербиндунгс-канала.

Пытаясь удержать район Моабит и не допустить наши части к Шпрее, немцы бросили сюда зенитную артиллерию, танковый полк и наспех созданные боевые группы из гражданского населения. Штурмовые отряды 79-го корпуса с большим трудом пробивались по узким, плотно застроенным улицам. Пехоту сопровождали танки 9-го танкового корпуса. Когда путь пехоте преграждали баррикады и пулеметные точки, танкисты уничтожали их огнем и гусеницами.

Вместе с пехотой и танками шла артиллерия. Особенно помогла она при форсировании Фербиндунгс-канала. А когда канал удалось преодолеть, на его восточный берег немедленно переправились пять батарей 86-й тяжелой гаубичной бригады.

Моабит — самая старинная и густонаселенная часть Берлина. Улицы узкие, словно ущелья. Войскам негде

было развернуться. Штурмовые отряды действовали мелкими группами, проникая через подвалы, проходные дворы, через проломы в стенах. Многие баррикады, возведенные посреди улиц, наши подразделения обошли, а затем ударили по ним с тыла.

Саперы разбирали завалы и баррикады, привлекая для этого местных жителей.

Практиковался и другой метод. Специально выделенные батареи в сопровождении автоматчиков быстро выдвигались вперед, останавливались на перекрестке и открывали губительный огонь по окнам, подъездам, подвалам.

Штурмовые отряды 207-й стрелковой дивизии приблизились к крепости-тюрьме Моабит. На помощь им подоспели подразделения 150-й стрелковой дивизии. Наши войска ворвались в эту огромную тюрьму.

В Моабите томилось около 7000 военнопленных и политических заключенных. Дождавшись освобождения, многие из них сразу взяли в руки оружие, чтобы отплатить гитлеровцам за свои муки.

Через некоторое время мне довелось побывать в мрачном здании тюрьмы, которое занимало целый квартал. В пустынных коридорах стояла гулкая тишина. Мы осмотрели камеру, где томился вождь немецкого пролетариата Эрнст Тельман. Это была маленькая подвальная комната размером около 6 квадратных метров. Пол каменный, холодный. В зарешеченное окошко под потолком едва пробивался луч света. Стены заплесневели от сырости.

Нам показали страшную механизированную гильотину XX века, установленную в специальной комнате, где производились казни.

Тогда я еще не знал, что в этой же тюрьме сидел революционный певец немецкого народа Эрнст Буш, что здесь писал свои замечательные стихи Муса Джалиль, обреченный фашистами на смерть.

От 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий, которые наступали навстречу, нас отделяло всего два — два с половиной километра. Возникла реальная угроза взаимного обстрела наступающих войск. Штаб армии принял срочные меры, чтобы исключить такую возможность: были уточнены районы, по которым могла вести огонь артиллерия каждой армии.

Теперь правее нас наступала двумя корпусами 2-я гвардейская танковая армия. Ее части вели бои за расширение плацдармов, захваченных на южном берегу Шпрее юго-восточнее Сименсштадта. Кроме того, армия производила рокировку своих сил к левому флангу, чтобы переправить танки по мосту западнее станции Юнгефернхайде.

5-я ударная армия, продолжавшая наступать на запад по обоим берегам Шпрее, вела очень напряженные бои. Правофланговые корпуса ее смогли продвинуться за сутки всего на 400—500 метров.

Учитывая обстановку, генерал-полковник В. И. Кузнецов решил перегруппировать основные силы 12-го гвардейского корпуса к правому флангу армии, в район Веддинга, оставив на всем остальном участке лишь 52-ю гвардейскую дивизию. Из района Веддинга нашим гвардейцам предстояло развернуть наступление в юго-восточном направлении, используя успех 79-го стрелкового корпуса.

Доставить приказ генералу Казанкину было поручено полковнику Туру. Он отправился с двумя офицерами на виллисе в сопровождении броневика. Им же вменялось в обязанность проследить за своевременной перегруппировкой частей и соединений корпуса. Одним из офицеров был работник оперативного отдела майор К. К. Муравьев, помогавший начальнику направления 12-го гвардейского корпуса подполковнику Вишнякову. Второй — высокий капитан, фамилию которого, к сожалению, установить не удалось. Знаю только, что он выполнял обязанности офицера связи.

По дороге Тура и его товарищей несколько раз обстреляли немцы, засевшие в нашем тылу. Однако на командный пункт корпуса офицеры прибыли благополучно. Там выяснилось, что уже несколько часов нет связи с 23-й гвардейской дивизией. А время не ждало. Требовалось срочно вручить боевой приказ на перегруппировку дивизии ее командиру генералу Шафаренко. Кроме того, необходимо было выяснить обстановку на участке дивизии. С такой задачей туда отправились майор Муравьев и капитан.

О том, что произошло дальше, сообщил мне впоследствии сам Муравьев:

Мы с капитаном благополучно пересекли около десятка улиц, перебегая из подъезда в подъезд. Несчастье

случилось, когда уже приближались к нашим действующим подразделениям. Нам требовалось пересечь улицу шириною метров в пятнадцать, которая простреливалась со второго этажа дома, находившегося слева от нас. По темпу стрельбы я определил, что стрелял один человек. Но, судя по числу жертв, лежавших на улице, это был снайпер, имевший автоматическую винтовку с оптическим прицелом. На обход опасного места у нас не оставалось времени.

Договорились, что первым через улицу побегу я. После того как немец выстрелит по мне, сразу должен сделать перебежку капитан. Я прикинул, что перебежка должна занять не более четырех секунд. За такое время трудно произвести следующий прицельный выстрел.

Дождавшись очередного выстрела, я тут же сделал бросок. Пуля попала в стенку, когда я уже достиг подъезда дома. Мне посчастливилось: отделался ссадинами от осколков кирпича на лице и на руке. В подъезде я оглянулся, уверенный, что капитан бежит следом. Но он только готовился к перебежке. Момент был упущен. Я крикнул ему «Стой!». Но рефлексы уже сработали, и капитан побежал. Он не достиг и середины улицы, как упал, сраженный пулей. Потом приподнялся и пополз ко мне на четвереньках. Я бросился навстречу, обхватил его, потащил в подъезд. Мы оба оказались совершенно открытыми, и снайперу ничего не стоило нас прикончить, но выстрелов не последовало.

Девушка — фельдшер полкового пункта медицинской помощи, которую я разыскал, осмотрев раненого, сказала, что он безнадежен.

Выполнив задание, я на обратном пути зашел навестить капитана, но в живых его уже не застал...

За мужество, находчивость и отвагу, проявленные при выполнении ответственного задания, майор Муравьев был награжден орденом Красного Знамени.

4

Начальник штаба Михаил Фомич Букштынович жил одной мыслью: рейхстаг должна захватить 3-я ударная армия! Он сумел внушить эту идею генералу Кузнецову и штабным офицерам и всю свою энергию отдавал достижению этой цели.

Как уже говорилось, 3-я ударная имела вначале задачу наступать на северные пригороды Берлина. Центр города должны были штурмовать 5-я ударная армия генерала Н. Э. Берзарина и 8-я гвардейская армия генерала В. И. Чуйкова. Обе они двигались на Берлин кратчайшим путем с востока. Но этот короткий путь оказался не самым успешным.

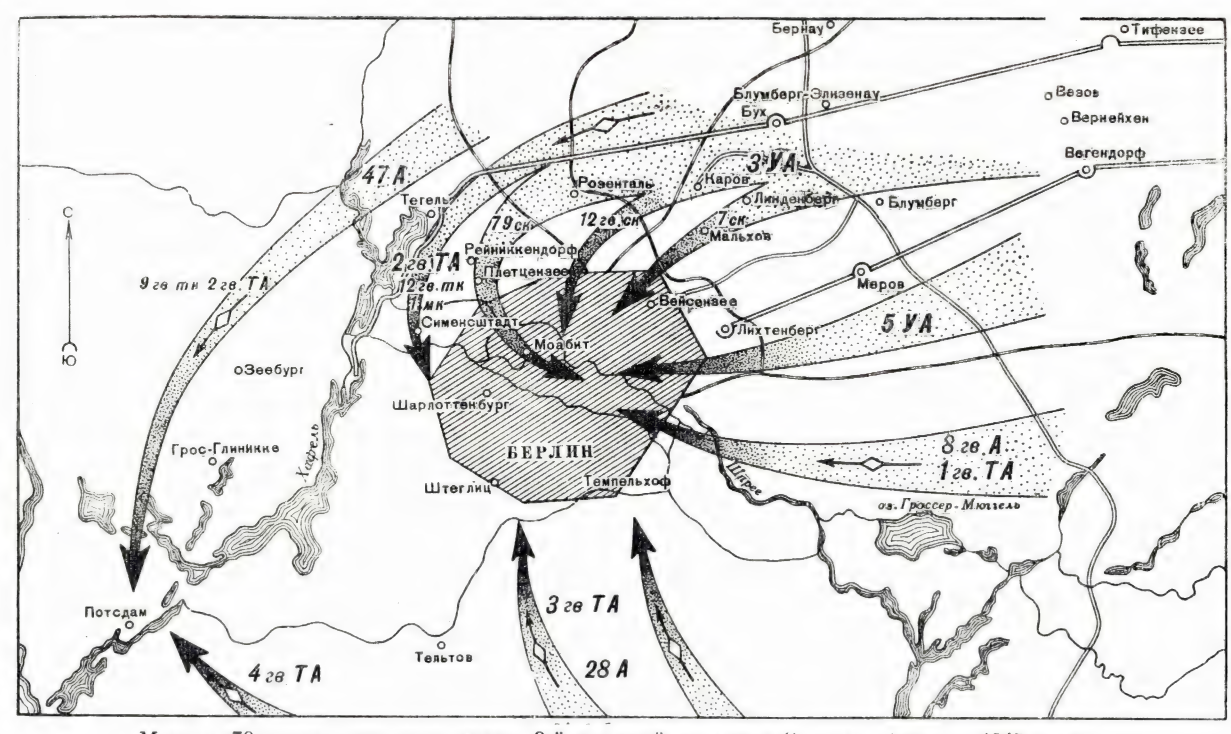
3-я ударная продвинулась вперед быстрее других. Мы вообще могли бы «проскочить» мимо центра Берлина на запад. Но уже в те дни, когда только завязались бои за вражескую столицу, генерал Букштынович начал планомерно проводить в жизнь свою мысль. По его инициативе 79-й стрелковый корпус повернул сначала на юго-запад, потом на юг, а затем на восток. Следом, описывая крутую дугу, поворачивали и остальные соединения нашей армии.

Оставив в стороне вопрос о рейхстаге, надо сказать, что этот маневр сам по себе был смелым и целесообразным. Теперь мы наступали на центр Берлина с запада, то есть оттуда, откуда гитлеровцы меньше всего ждали появления советских войск. Естественно, здесь было меньше укреплений. Чтобы защитить себя с этого направления, фашистам пришлось срочно перебрасывать части из других районов.

Даже после того, как 3-я ударная повернула на центр города, рейхстаг все же не входил в полосу ее действий. Согласно разграничительной линии, брать его должен был наш сосед — 5-я ударная армия. Однако события развивались не совсем так, как было предусмотрено планами.

Войска 3-й ударной наступали стремительнее других. Прогрызая оборону гитлеровцев, дивизии 79-го стрелкового корпуса вечером 28 апреля вышли на северный берег излучины Шпрее против железнодорожных путей Лехтерского вокзала. Таким образом, мы выполнили в этом районе свою задачу. Противоположный берег Шпрее был полосой другой армии. Но наши соседи отстали. Мы ближе всех подошли к рейхстагу.

Заручившись поддержкой генерала Кузнецова, Михаил Фомич Букштынович позвонил по ВЧ в штаб фронта добиваясь разрешения наступать на рейхстаг через Шпрее. В самом деле, не стоять же 79-му корпусу на месте, когда кровопролитные бои в Берлине продолжаются с неослабевающей силой.

Маневр 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии в Берлине (апрель 1945 года)

Командование фронта приняло разумные доводы нашего начальника штаба и согласилось с его предложением.

В эти исторические дни командарм Кузнецов неотлучно находился на командном пункте 79-го корпуса. Там развивались главные события. Успехами дивизий генерала Переверткина жила тогда вся наша армия. И мы, работники штаба, не являлись исключением.

Особенно было приятно, что успех сопутствовал нашему коренному корпусу, прошедшему в составе 3-й ударной большой путь. Хорошо действовали и другие корпуса нашей армии, тоже стремившиеся выйти к центру Берлина, но они наступали значительно медленнее. Это объяснялось многими факторами. Командир и штаб 79-го корпуса мастерски управляли своими войсками. Они сумели отлично организовать взаимодействие пехоты с другими родами войск, особенно с артиллерией и авиацией. Непрерывно велась разведка противника, безупречно была налажена информация во всех звеньях.

Много раз за время войны приходилось мне встречаться с командиром 79-го корпуса генерал-майором Переверткиным. Это был умелый руководитель, пользовавшийся большим авторитетом у всех, кто его знал. В ответственные минуты боя Семен Никифорович появлялся там, где возникали трудности. Опыт и знания сочетались у него с выдающимся личным мужеством.

Приветливое лицо, высокий лоб, ясные и живые глаза. Обаятельный человек. Мысли свои он формулировал кратко и четко. Доклады его в штаб армии всегда отличались объективностью.

Как настоящий военный человек, генерал Переверткин имел хорошую строевую выправку, любил подтянутых, исполнительных офицеров и терпеть не мог людей неряшливых, недисциплинированных.

Проявляя большую требовательность к себе и к подчиненным, он в то же время был очень общительным и доступным. Всегда корректный и вежливый, Семен Никифорович однако не стеснялся крепко пробрать любого офицера или солдата за совершенный проступок.

В успехах 79-го корпуса важную роль играл его командир.

Начальники родов войск и служб нашей армии стремились сделать все возможное, чтобы помочь штурмовым

отрядам скорее захватить рейхстаг. По их предложениям на передовую дополнительно направлялись танковые, артиллерийские, инженерные и другие части. Батальон фугасных огнеметов, который был переброшен в район рейхстага, возглавил неутомимый энтузиаст своего дела начальник химической службы армии инженер-полковник М. Б. Марра. Ему активно помогал инженер-подполковник А. И. Буйкин.

Вечером 28 апреля, согласовав с генералом Переверткиным боевую задачу, Марра, Буйкин и начальник химической службы 79-го корпуса отправились в огневой батальон. Там обсудили с комбатом предстоявшие действия. Огнеметчики должны были помогать стрелковым подразделениям при штурме рейхстага, выжигая засевших в подвалах гитлеровцев.

Закончив работу в огнеметном батальоне, полковник Марра в сопровождении трех солдат поехал на командный пункт армии.

Перед отъездом он сказал Буйкину:

— Мы с тобой уже третьи сутки не спим. Поеду домой, отдохну. А ты помоложе, оставайся здесь. Завтра сменю.

Но увидеться им было не суждено. Возле станции Гезундбруннен машина Марры попала под огонь противника и загорелась. Сам М. Б. Марра был смертельно ранен разрывной пулей. Эта скорбная весть дошла до штаба армии поздно ночью. Через два дня мы похоронили нашего товарища на восточном берегу Одера.

Весь путь нашей армии от Невеля до Берлина был отмечен красными флагами. Эта традиция родилась как-то сама собой. Перед боем флаги вручались лучшим солдатам, лучшим агитаторам, которых у нас называли боевиками. Они шли впереди, увлекая за собой товарищей.

22 апреля, когда перед нами встал Берлин, на самом крайнем доме его взвился красный флаг, установленный солдатом-гвардейцем Гусаровым. А потом так и пошло: от дома к дому, от улицы к улице. Рядом с белыми полотнищами, которые вывесили немцы, повсюду алели наши красные флажки. В боях за город они играли не только символическую роль. На разбитых незнакомых улицах, где легко было потерять ориентировку, флажки довольно точно показывали, какой район освобожден и где проходит линия соприкосновения с врагом.

Член Военного совета нашей армии генерал А. И. Литвинов не раз говорил, что красные флажки боевиков явились предшественниками учрежденных затем знамен, предназначенных для водружения над главными пунктами вражеской столицы. Военный совет армии учредил девять таких знамен — по числу стрелковых дивизий. Каждое знамя имело свой порядковый номер.

Например, знамя номер пять было вручено командиру 150-й стрелковой дивизии генерал-майору В. М. Шатилову. А он передал знамя командиру 756-го стрелкового полка полковнику Ф. М. Зинченко, когда тот первым в армии доложил: «Вижу рейхстаг!»

28 апреля по специальному решению Военного совета армии всем бойцам батальонов, выделенных для штурма рейхстага, были розданы красные флажки. Этот акт имел большое вдохновляющее значение. Бойцы словно несли вперед частицу общего знамени, и в то же время каждый из них мог водрузить флажок — свидетельство личного мужества — в самом центре фашистского логова.

Командиры частей получили указание: представить к званию Героя Советского Союза того воина, который первым ворвется в рейхстаг. Но независимо от этого принять участие в штурме последней гитлеровской твердыни стремились все солдаты и офицеры 79-го стрелкового корпуса и приданных ему средств усиления.

Овладеть кварталом правительственных зданий было приказано частям 150-й стрелковой дивизии генерала В. М. Шатилова и 171-й стрелковой дивизии полковника А. П. Негоды. 207-я дивизия составляла второй эшелон корпуса.

Прежде всего требовалось преодолеть реку Шпрее, имевшую отвесную гранитную набережную высотой три метра. Но как сделать это? Форсировать реку на подручных средствах трудно и долго. Оставалось только использовать полуразбитый, забаррикадированный мост Мольтке, по обеим сторонам которого стояли заграждения и противотанковые препятствия.

Разгорелся жестокий огневой бой. Воздух звенел от множества пуль, от осколков снарядов и мин. Несколько атак ничего не дали. Лишь небольшая группа смельчаков перебежала мост и укрылась на противоположном берегу.

В ночь на 29 апреля через мост Мольтке прорвались

бойцы 1-го батальона 756-го полка 150-й стрелковой дивизии под командованием капитана С. А. Неустроева и 1-го батальона 380-го полка 171-й стрелковой дивизии под командованием старшего лейтенанта К. Я. Самсонова. Гитлеровцы вели ураганный огонь. Положение осложнялось и тем, что северный берег реки к этому времени еще не был полностью очищен от врага. Ночью немцы предприняли попытку захватить и взорвать мост, но бойцы капитана Неустроева и старшего лейтенанта Самсонова отбили атаку. Им помогли орудия и танки, стрелявшие с противоположного берега. Плацдарм был удержан.

Вслед за передовыми батальонами через Шпрее переправились подразделения 380-го и 525-го полков 171-й стрелковой дивизии, 756-й полк 150-й стрелковой дивизии, а также орудия сопровождения, танки и фугасные огнеметы. Утром 29 апреля, после десятиминутного массированного огневого налета, эти части возобновили наступление. Завязались упорные бои за расширение плацдарма и за строения на подступах к рейхстагу.

Особенно рьяно цеплялись фашисты за «дом Гиммлера» и за швейцарское посольство. Ворвавшись в здание посольства, бойцы 756-го полка дрались буквально за каждый метр. Немцы пытались выбить наших солдат, которых возглавлял парторг роты старший сержант И. Я. Сьянов, недавно назначенный командиром этой же роты. Наши бойцы подпустили гитлеровцев поближе и встретили их автоматным огнем. Фашисты откатились. Однако борьба внутри здания продолжалась с неослабевающим напряжением. Лишь после того, как в ночь на 30 апреля сюда были направлены подразделения 674-го полка 150-й дивизии под командованием подполковника Плеходанова, этот узел обороны противника пал. Одновременно другие подразделения очистили от гитлеровцев здание министерства внутренних дел — «дом Гиммлера». До рейхстага оставалось не более 500 метров. Но развить успех и сразу овладеть этим огромным зданием наши части не смогли. Началась подготовка штурма.

О борьбе за рейхстаг написано уже много. Не вдаваясь в детали, я расскажу лишь об общем ходе событий, как они представлялись нам в штабе армии, и о некоторых, наиболее запомнившихся эпизодах.

Особенно напряженной была для наших войск ночь

на 30 апреля. Командиры изучали подходы к рейхстагу и огневую систему врага. Под прикрытием темноты на южный берег Шпрее переправились танки. К утру туда же было переправлено около 100 орудий различного калибра, вплоть до тяжелых гаубиц. Готовились к залпам по рейхстагу и реактивные установки. Батальоны и роты улучшали свои исходные позиции, вели разведку, запасались боеприпасами. Все понимали, что предстоящий бой, может быть последний, будет упорным и трудным.

Рейхстаг и находившаяся западнее его Кроль-опера были превращены в сильные узлы сопротивления. Между ними поддерживалось тесное огневое взаимодействие. В оконных проемах рейхстага, аккуратно заложенных кирпичами, находились бойницы и амбразуры для стрелков и пулеметчиков. Сооруженные возле рейхстага железобетонные точки прикрывали огнем северные и западные подступы к нему. В 200 метрах от здания были отрыты траншеи с пулеметными площадками и ходами сообщения, ведущими в сторону рейхстага. Западнее, через Кенигплац, проходил глубокий ров, который немцы 29 апреля залили водой, превратив его в труднопреодолимое препятствие.

Гарнизон рейхстага насчитывал до 2000 отборных солдат и офицеров. В него входили курсанты морской школы, переброшенные по воздуху из Ростока, эсэсовские подразделения, зенитные и авиационные части. Кроме того, к югу от рейхстага оборонялось до 20 групп фольксштурма, по 30—35 человек в каждой. Перед рейхстагом гитлеровцы установили несколько зенитных орудий для стрельбы прямой наводкой. Пять артиллерийских батарей, расположенных на закрытых позициях, составляли основу огневой мощи немцев, защищавших этот район. Не хуже было подготовлено к обороне и здание Кроль-оперы.

Предстоящий штурм требовал от всех его участников мужества, выдержки и упорства. Вечером в подразделениях состоялись короткие партийные и комсомольские собрания.

На комсомольском собрании своего батальона старший лейтенант К. Я. Самсонов спросил:

— Кто хочет разведать путь к рейхстагу и поднять на нем знамя?

— Разрешите мне, — выступил вперед младший сержант М. Еремин.

— Пошлите и меня! — шагнул следом рядовой Г. Савенко.

Желающих оказалось много, но Самсонов остановил свой выбор на этих двух комсомольцах, уже отличившихся в боях. Им был вручен батальонный флаг. Еремин прижал полотнище к груди и произнес торжественно:

— Приказ Родины будет выполнен! Знамя мы водрузим на рейхстаге! *

В батальоне 576-го стрелкового полка водрузить красный флаг было поручено лучшему воину 1-й роты младшему сержанту П. Н. Пятницкому.

Командир корпуса генерал С. Н. Переверткин и начальник политотдела корпуса полковник И. С. Крылов отобрали из коммунистов и комсомольцев две группы добровольцев по 20 человек, которым доверялось поднять над рейхстагом корпусные флаги. Эти группы возглавили лучшие офицеры штаба майор М. М. Бондарь и капитан В. Н. Маков.

Наступило утро. От Шпрее поднимался туман, но сквозь него уже просматривалось огромное серое здание рейхстага. Взоры всех бойцов и офицеров тянулись к нему. Командиры рот и взводов еще раз напоминали, кто в каком направлении должен атаковать. Командиры батарей, находившиеся вместе с командирами рот, уточняли цели и объекты противника, которые требовалось подавить в первую очередь.

Наши части вышли на Королевскую площадь в 4 часа утра. Огонь противника скашивал все живое. После мощной артиллерийской подготовки, атаки повторились. Но и на этот раз штурм не удался. Немцы опять встретили наши подразделения сильным пулеметным огнем. Вражеская артиллерия ставила на подступах к рейхстагу завесы заградительного огня.

Особенно трудно пришлось 380-му полку 171-й стрелковой дивизии, которым временно командовал начальник штаба майор В. Д. Шаталин. Полк понес большие потери. Воспользовавшись этим, гитлеровцы предприняли контратаку. Фашистов поддерживали несколько танков. Основной удар пришелся по 5-й стрелковой роте. Завязалась рукопашная. Командир роты старший лейтенант И. Я. Щиголь, несмотря на контузию, не покинул поля

---

* Архив МО СССР, ф. 3 УА, оп. 4320, д. 77, л. 163.

боя. Оставшись с бойцами, он уверенно руководил их действиями. Командир взвода младший лейтенант И. И. Афанасьев гранатами уничтожил 10 гитлеровцев и продолжал драться до тех пор, пока его не сразила вражеская пуля. Много фашистов уничтожили пулеметчики младший сержант Г. Е. Федоренко и рядовой Бакун. Отразив контратаку, подразделения полка подошли во второй половине дня к глубокому рву, преграждавшему путь к рейхстагу.

Бойцы 756-го и 674-го полков 150-й дивизии, тоже достигшие рва, были встречены губительным огнем и залегли. Попытки отдельных солдат преодолеть ров успеха не имели.

Наступившая пауза была использована для подготовки решающего штурма. В поредевшие роты направлялось пополнение, подтягивались танки для стрельбы прямой наводкой, снова готовились открыть огонь артиллеристы.

В 13 часов свыше 100 орудий ударили по району рейхстага. Бойцы дружно поднялись в атаку. Наступать пришлось по совершенно открытой площади. Стреляя на бегу из автоматов и пулеметов, люди перебегали от воронки к воронке. Через заполненный водой ров перебирались кто как мог.

Чтобы обеспечить правый фланг частей, штурмовавших рейхстаг, командир 79-го корпуса ввел в бой 207-ю стрелковую дивизию полковника В. М. Асафова. Ей было приказано овладеть зданием Кроль-оперы. Через некоторое время огонь противника из этого района ослабел. Воспользовавшись этим, подразделения 756-го и 674-го полков переправились через ров. До рейхстага оставалось не более 150 метров!

На командном пункте армии в этот день находились генерал М. Ф. Букштынович и я. Командарм и член Военного совета были в 79-м стрелковом корпусе. За ходом событий в районе рейхстага пристально следили не только мы, но и штаб 1-го Белорусского фронта. Там было известно, что на сегодня назначен решающий штурм.

Начальник штаба фронта генерал-полковник Малинин почти каждый час справлялся по ВЧ, как идут дела. Он предупредил генерала Букштыновича, что донесение о взятии рейхстага надо представить сразу, без малейшего промедления.

Михаил Фомич, живший мыслью о захвате рейхстага, связался по телефону с генералом Переверткиным, который находился на своем передовом командном пункте вблизи моста Мольтке. Букштынович потребовал, чтобы о всех изменениях в районе рейхстага Переверткин немедленно докладывал прямо ему. Мне начальник штаба приказал непрерывно следить за обстановкой в 79-м стрелковом корпусе. Михаил Фомич сам заранее написал проект небольшого донесения о взятии рейхстага, оставив место для того, чтобы проставить часы и минуты. Затем вызвал к себе подполковников Федотова и Немировского и приказал им дежурить на узле связи.

В 14 часов артиллерия и танки опять открыли массированный огонь. Снова ринулись вперед подразделения, возглавляемые старшим сержантом И. Я. Сьяновым, лейтенантом А. П. Берестом и старшим лейтенантом К. В. Гусевым. Одновременно поднялись в атаку и подразделения, залегшие перед каналом: 1-й батальон 674-го полка под командованием капитана В. И. Давыдова и 1-й батальон 380-го полка под командованием старшего лейтенанта К. Я. Самсонова.

Стремительный удар наших бойцов опрокинул врага. Одним броском преодолев оставшиеся метры, советские воины ворвались в рейхстаг. Колонны и выступы здания сразу расцветились множеством красных флагов и флажков. Взвился красный флаг младшего сержанта П. Н. Пятницкого, который первым вбежал на ступени рейхстага. Пулеметная очередь сразила героя. Флаг покачнулся, но его подхватил младший сержант П. Д. Щербина. Еще несколько секунд — и флаг укреплен на колонне у главного входа. Рядом развевались флаги лейтенанта Р. Кошкарбаева и рядового Г. П. Булатова из 674-го стрелкового полка, сержанта П. С. Смирнова, рядовых Н. Т. Беленкова и Л. Ф. Сомова из 2-й роты 525-го стрелкового полка, сержанта Б. Я. Япарова из 86-й тяжелой гаубичной артиллерийской бригады. Здесь же прикрепили свой флаг отважные бойцы М. Еремин и Г. Савенко из 380-го стрелкового полка. Всех солдат и офицеров, донесших свои флаги до рейхстага, перечислить невозможно. Их было очень много. Массовый героизм

советских воинов — вот что являлось самым примечательным в этом штурме!

Не теряя времени, генерал-майор С. Н. Переверткин донес Военному совету армии: «В 14.25 30.4.45 части корпуса в результате двухдневного ожесточенного боя над южной частью рейхстага водрузили Красное знамя. Идет очистка здания от остатков противника. Ваш приказ выполнен. В боях отличились части генерал-майора Шатилова, полковника Негода, полковника Зинченко, подполковника Плеходанова, подполковника Николаева, майора Шаталина. О танкистах и артиллеристах будет донесено дополнительно».

Таково было первое донесение о важнейшем историческом событии. Однако бой за рейхстаг еще не закончился. Подразделения, ворвавшиеся в здание, встретили там яростное сопротивление. Гитлеровцы забрасывали наших бойцов гранатами, вели огонь из автоматов, пулеметов, стреляли фаустпатронами.

В одной из комнат первого этажа разместился командный пункт командира 1-го батальона 756-го полка капитана С. А. Неустроева. Бой передвинулся на второй этаж. Там сражалась с врагом и группа добровольцев под командованием капитана В. Н. Макова. Бойцы группы старшие сержанты Г. К. Загитов, А. Ф. Лисеменко и сержант М. П. Минин несли красный флаг. Прокладывая себе путь гранатами и огнем автоматов, они вырвались на крышу и укрепили там красное полотнище.

В это время командир 756-го стрелкового полка полковник Ф. М. Зинченко по указанию командира дивизии генерала В. М. Шатилова приказал доставить в рейхстаг Знамя, врученное 150-й дивизии Военным советом армии и хранившееся в штабе полка. Знамя это числилось под номером пять. Через несколько минут полковнику доложили по телефону, что Знамя понесли разведчики сержант Егоров и младший сержант Кантария.

Полковник Зинченко поставил перед разведчиками задачу водрузить Знамя на куполе рейхстага. Возглавляемые лейтенантом А. П. Берестом, наши отважные товарищи Михаил Егоров и Мелитон Кантария отправились выполнять приказ. Их сопровождала группа автоматчиков и ручных пулеметчиков.

В вестибюле рейхстага слышалась стрельба пулеметов и автоматов, раздавались взрывы гранат. Бой продолжался.

На втором этаже группу Береста обстреляли гитлеровцы, пытавшиеся пробиться в подвал. Автоматчики разделались с ними.

Поздно вечером, при активной поддержке автоматчиков, знаменосцы взобрались на купол рейхстага. Здесь было закреплено знамя 150-й стрелковой Идрицкой дивизии. Это историческое событие произошло в 22 часа 50 минут.

Напряженный бой в рейхстаге продолжался и на следующий день. Пленные показывали, что в подвалах находится до 1500 солдат и офицеров. Сдаваться они не хотели и вели борьбу, надеясь вырваться из казематов. Только к вечеру 1 мая у одного из входов в подземелье гитлеровцы вывесили белый флаг. Остатки гарнизона рейхстага полностью капитулировали в ночь на 2 мая.

Поздно ночью 2 мая радиостанция 79-й гвардейской дивизии 8-й гвардейской армии приняла радиограмму на русском языке: «Алло, алло, говорит 56-й танковый корпус. Просим прекратить огонь. К 12 часам 50 минутам ночи (по берлинскому времени) высылаем парламентеров на Потсдамский мост. Опознавательный знак — белый флаг на фоне красного цвета. Ждем ответ».

В указанное время на мост прибыли немецкие парламентеры во главе с начальником штаба 56-го танкового корпуса полковником фон Дуфингом, заявившим от имени генерала Вейдлинга о прекращении сопротивления и капитуляции корпуса.

Генералу Вейдлингу, который возглавлял гарнизон Берлина, было передано требование маршала Г. К. Жукова о том, что части 56-го танкового корпуса к 7 часам утра должны полностью разоружиться и организованно сдаться в плен.

Сам Вейдлинг перешел линию фронта в 6 часов. Он заявил, что решение о капитуляции принял без санкции Геббельса, который, по имевшимся у него сведениям, покончил жизнь самоубийством. Однако это решение о капитуляции распространяется пока только на части 56-го танкового корпуса, командиром которого он являлся.

Вейдлингу было предложено написать приказ о капитуляции всему гарнизону. Текст гласил:

Берлин 2.5.45.

30.4.45 фюрер покончил с собой, предоставив нас, давших ему присягу, самим себе.

Вы думаете, что согласно приказу фюрера все еще должны сражаться за Берлин, несмотря на то что недостаток тяжелого оружия, боеприпасов и общее положение делают дальнейшую борьбу бессмысленной.

Каждый час вашей борьбы увеличивает ужасные страдания гражданского населения Берлина и наших раненых. Каждый, кто гибнет сейчас за Берлин, приносит напрасную жертву.

Поэтому с согласия Верховного Командования советских войск приказываю вам немедленно прекратить сопротивление.

Вейдлинг — генерал артиллерии и командующий обороной Берлина *.

С утра 2 мая вражеские войска начали сдаваться в плен целыми подразделениями и частями. Немцы поднимали белые флаги, высылали парламентеров и организованно складывали оружие. К 15 часам сопротивление берлинского гарнизона прекратилось. Вечером вся территория города была занята советскими войсками.

В этот день части 3-й ударной армии пленили 20 140 солдат и офицеров, а также 10 генералов.

Всего в районе Берлина советским войскам сдалось свыше 134 тысяч немецких солдат, офицеров и генералов. Бесконечные колонны пленных во главе со своими начальниками уныло двигались по улицам поверженной вражеской столицы.

Над логовом фашистского зверя гордо реяли победные красные стяги!

5

Поздно вечером 2 мая Военный совет армии устроил праздничный ужин в честь победы над берлинской группировкой врага. Во время ужина раздался телефонный звонок. Маршал Жуков вызывал нашего командующего. Маршал сказал, что, по имеющимся у него сведениям, через боевые порядки 3-й ударной армии из Берлина прорвались на запад немцы, которые вышли на тылы 47-й

---

* Архив МО СССР, ф. 3 УА, оп. 4306, д. 547, л. 129.

армии. Генералу Кузнецову было предложено разобраться на месте в случившемся и доложить. Командарм поручил это дело мне.

На рассвете я с группой офицеров штаба находился в пути.

В штабе 47-й армии нас принял заместитель начальника оперативного отдела. Он подтвердил, что в ночь на 2 мая группировка противника численностью до 17 тысяч человек при поддержке 80 танков и штурмовых орудий прорвала юго-восточнее Вильгельмштадта растянутый фронт 125-го стрелкового корпуса 47-й армии и устремилась к Эльбе. Борьба с этой группировкой велась уже второй день.

Фашисты прорвались не через боевые порядки нашей армии. Об этом мы и доложили своим начальникам.

Красное знамя, поднятое над зданием рейхстага, символизировало конец тяжелой и кровопролитной борьбы, немалую роль в которой сыграли и войска 3-й ударной. Ее вклад в разгром немецко-фашистских войск в Берлине высоко оценила Родина.

79-му стрелковому корпусу, 23-й и 52-й гвардейским, 150-й, 171-й и 33-й стрелковым дивизиям было присвоено наименование Берлинских. 12-й гвардейский корпус и 364-я стрелковая дивизия были награждены орденом Красного Знамени. 207-й и 146-й стрелковым дивизиям вручили соответственно орден Суворова и орден Кутузова.

Тысячи солдат, сержантов, офицеров и генералов нашей армии получили правительственные награды. 75 человек были удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них командующий армией генерал-полковник В. И. Кузнецов, командир 79-го корпуса генерал-майор С. Н. Переверткин, командир 52-й гвардейской дивизии генерал-майор Н. Д. Козин, командир 150-й стрелковой дивизии генерал-майор В. М. Шатилов и командир 171-й стрелковой дивизии полковник А. И. Негода.

Член Военного совета армии генерал-майор А. И. Литвинов был награжден орденом Ленина, начальник штаба генерал-майор М. Ф. Букштынович — орденом Суворова I степени. Орден Суворова II степени в числе других товарищей получил и я.

Не могли не радовать меня заслуги 33-й стрелковой ди-

визии, которая в числе первых советских соединений в июне 1941 года приняла на себя удар танковой группировки врага западнее Каунаса и, пройдя через всю войну, участвовала в завершающем берлинском сражении. С волнением и гордостью я узнал, что пять воинов моей родной дивизии заслужили высокое звание Героя Советского Союза. Это командир отделения 92-го саперного батальона старшина С. М. Кемченок, командир взвода 44-го артиллерийского полка старший лейтенант П. А. Синельников, командир роты 92-го саперного батальона старший лейтенант Н. А. Скидин, командир батальона 82-го стрелкового полка капитан Р. С. Кудрин и командир 164-го стрелкового полка подполковник Н. Г. Пейсаховский. Орденом Суворова II степени был награжден командир дивизии генерал-майор Василий Иванович Смирнов.

В берлинском сражении враг понес огромные потери. Только войска 3-й ударной армии в период 16 апреля — 3 мая взяли в плен 36 616 солдат и офицеров противника, кроме того, в ходе ожесточенных боев было выведено из строя около 26 тысяч человек. В качестве трофеев войска армии захватили 35 768 винтовок и автоматов, 1042 пулемета, 929 орудий и минометов, 99 танков и штурмовых орудий, 2856 мотоциклов, 8880 автомашин, 207 различных складов и много другого вооружения и военного имущества *.

6

В ночь на 9 мая из Москвы по радио передали текст акта о безоговорочной капитуляции Германии. Одновременно объявлялось, что война закончена.

В ту ночь никто из нас не ложился. Мы поздравляли друг друга с победой, обнимались, целовались, не стыдясь радостных слез.

Утром по предложению партийной организации мы провели торжественное собрание оперативного отдела.

Днем во всех подразделениях и частях прошли митинги. Солдаты и офицеры с гордостью говорили о величии нашей Родины, провозглашали здравицы в честь Коммунистической партии и советского народа, вспоминали пройденный путь, друзей, павших в боях, мечтали о будущем.

---

* Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 548, л. 20.

С особым вниманием слушали бойцы и командиры товарищей, отличившихся при штурме рейхстага. На митинге в 674-м стрелковом полку первым выступил капитан Неустроев.

— Боевые друзья, — сказал он. — Нашему батальону выпало счастье штурмовать рейхстаг и водрузить над ним Знамя Победы. Бойцы, сержанты и офицеры батальона сражались как подлинные советские богатыри. Имена героев штурма Гусева, Сьянова, Щербины и многих других навеки войдут в историю Великой Отечественной войны. Их подвиги вечно будет славить народ... *

Тепло, проникновенно звучали слова сержанта Егорова, который высказал мысли и чувства, близкие и понятные всем воинам:

— ...На мою долю выпала почетная боевая задача — водрузить Знамя Победы над рейхстагом. Ни пули, ни фаусты, ни огонь вражеской артиллерии не смогли остановить меня. С младшим сержантом Кантария мы преодолели все, донесли это Знамя и водрузили его. В день окончания войны я с гордостью говорю об этом потому, что я честно сделал все, что мог, для своего народа и Родины **.

Внимательно слушали собравшиеся младшего сержанта Кантария:

— Сегодня, в день всенародного торжества, мне хочется вспомнить тот путь, который я прошел за время войны, — сказал он. — Двадцать второе июня сорок первого года меня застало на западной границе. Сейчас я в Берлине. Мне посчастливилось водрузить Знамя Победы над рейхстагом. Я горжусь своим подвигом, и я заявляю, что и впредь не пожалею своей жизни во славу нашей любимой Родины» ***.

Во второй половине дня я возвращался из 146-й стрелковой дивизии. Когда проезжал мимо штаба инженерных войск армии, кто-то окликнул меня по имени. Я велел старшине Ходько остановить машину. Ко мне бежал сержант. В первую минуту я не поверил своим глазам — это

---

* Газета 3 УА «Фронтовик», № 115, 10 мая 1945 года.

** Там же.

*** Там же.

был мой младший брат Виктор, с которым мы не виделись более пяти лет.

Вслед за братом подошел невысокий подтянутый полковник с золотой звездочкой на кителе — мой давний товарищ Иван Порфирьевич Корявко. Он командовал инженерной бригадой на 1-м Украинском фронте и с группой своих офицеров приехал посмотреть Берлин. А Виктор служил в его бригаде разведчиком. Через начальника инженерных войск нашей армии Михаила Ивановича Марьина им не составило большого труда разыскать меня.

Отправились прямо ко мне в отдел. Я сказал Мите Ходько, чтобы готовили хороший ужин, а сам позвонил начальнику автомобильного отдела армии и попросил найти и доставить ко мне второго брата — Владимира. Через два часа он был с нами.

С болью в сердце первым делом вспомнили мать, отца и сестру, погибших от рук фашистов... Потом мы вышли на улицу, чтобы сфотографироваться на память о победе. Стали плечом к плечу — три брата. Вокруг было тихо. Сквозь запах гари и дыма отчетливо пробивался запах цветов: в поверженный Берлин пришла весна. Бело-розовой кипенью покрылись черешни, вишни, сливы. Чистым свадебным нарядом одевались яблони. Но самым приметным цветом был в Берлине в тот день красный. Наши советские флаги алели повсюду. Они реяли даже в небе: над городом проносились самолеты эскадрильи связи 3-й ударной армии, к крыльям которых были прикреплены красные стяги.

Счастливыми глазами глядел я на братьев. Сердце ликовало в груди. Да и как было не гордиться! Нам, трем братьям Семеновым, выпало счастье оказаться в числе участников великих событий. В разных местах: под Москвой, возле Ленинграда и в Крыму — начались наши фронтовые дороги. А закончили мы боевой путь в столице Германии!

СЛОВО О БОЕВЫХ ДРУЗЬЯХ

Много лет прошло с той поры, как отгремели последние военные залпы, много свершилось важных событий. Большие изменения произошли и в моей жизни. Окончил Академию Генерального штаба, служил на западе, на Дальнем Востоке, в Прибалтике. Потом меня снова направили в ту же академию, но уже не слушателем, а заместителем начальника по научной работе.

Каждое утро в любую погоду я выхожу из дому и направляюсь к Москва-реке. Полчаса туда, полчаса обратно. Для меня такие прогулки не только физическая, но и своего рода духовная зарядка. Я люблю Ленинские горы, как любит их, наверное, каждый русский человек, даже не бывавший в столице. Но мне эти места особенно близки. Вот здесь, где высится теперь прекрасное здание университета, оборудовали мы когда-то батальонный район обороны. Отсюда сделал я первый шаг по фронтовой дороге, которая привела к стенам рейхстага.

Хорошо постоять на краю крутогорья, по склонам которого растут старые березы, липы и тополя, полюбоваться просторной и величественной панорамой столицы. Здесь особенно часто вспоминаются боевые друзья: они словно бы тоже приходят на Ленинские горы вместе со мной.

Фронтовое товарищество незабвенно. Почтальон часто приносит мне письма от бывших сослуживцев, со многими мне доводилось встречаться. Но, увы, годы делают свое дело: ряды ветеранов 3-й ударной армии неумолимо редеют. Нет в живых бесстрашного генерала Симоняка. После войны он снова командовал соединением, прославившимся в боях под Ленинградом. Однако здоровье Николая Павло-

вича быстро ухудшалось, он вынужден был уйти в отставку и скончался в 1956 году в городе, у стен которого воевал в тяжкие дни блокады.

Один из старейших командармов генерал-полковник В. И. Кузнецов, человек большой скромности и душевной щедрости, долгое время самоотверженно трудился на руководящих постах и лишь за несколько лет до смерти оставил военную службу. Умер Василий Иванович в Москве в 1964 году.

Мне всегда казалось, что у двух выдающихся генералов нашей ударной армии, Михаила Фомича Букштыновича и Семена Никифоровича Переверткина, много общего. Кипучая энергия, деловитость, незаурядные организаторские способности — вот их характерные черты. И не случайно, вероятно, что в 1946 году их почти одновременно перевели в центральный аппарат Министерства обороны. На плечи Михаила Фомича легла большая работа по обучению сухопутных войск. А Семен Никифорович активно помогал ему в этом важном деле.

С Михаилом Фомичом Букштыновичем мне доводилось в тот период встречаться на службе и дома. Работа в аппарате его не удовлетворяла, он высказывал желание уйти на должность начальника штаба округа, но желание это так и не осуществилось. У него появились боли в области сердца, и в 1950 году генерал-лейтенант М. Ф. Букштынович скончался.

Семен Никифорович Переверткин продолжал свою службу в Москве. В 1958 году ему было присвоено звание генерал-полковника. Мы довольно часто виделись. Несмотря на высокое служебное положение и большую занятость, он был прост в обращении с людьми, всегда находил время поговорить с бывшими однополчанами. Многие из тех, кто раньше служил с Семеном Никифоровичем, попадая в столицу, хотели обязательно побывать у него, поделиться своими успехами и неудачами. Он всегда был готов помочь человеку и словом, и делом.

С. Н. Переверткин трагически погиб 17 мая 1961 года при исполнении служебных обязанностей. Очень трудно примириться с мыслью, что его больше нет среди нас...

Ушел из жизни и мой первый наставник в штабной работе Иван Семенович Юдинцев. После войны он был старшим преподавателем в Академии Генерального штаба. Я, как и раньше, не раз обращался к нему за советами.

Скончался Иван Семенович в 1965 году. Мы, боевые соратники и ученики, похоронили его со всеми воинскими почестями.

Лет через десять после войны я случайно встретился в Художественном театре с Кузьмой Никитовичем Галицким. Оказалось, он приехал на сессию Верховного Совета. В разговоре незаметно пролетел антракт. Галицкий очень подробно расспрашивал меня о последней работе — я только что вернулся из длительной командировки и ждал нового назначения.

А буквально на следующий день меня вызвали в управление кадров и предложили должность в штабе Одесского военного округа, которым командовал в ту пору генерал Галицкий. Я, разумеется, согласился. При всей своей строгости и требовательности Кузьма Никитович был очень справедлив, и это как бы сглаживало резкие черты его самобытного характера.

Наша совместная служба на этот раз, к сожалению, продолжалась недолго. Галицкий был переведен на другую работу, ему присвоили звание генерала армии.

В 1962 году Кузьма Никитович ушел в отставку по состоянию здоровья. Живет он в Москве и возглавляет военно-научное общество при Центральном доме Советской Армии.

По-прежнему полон энергии бывший член Военного совета генерал-майор Андрей Иванович Литвинов, прослуживший в 3-й ударной армии почти всю войну. Он, естественно, постарел, но держится бодро. При встречах мы делимся новостями, рассказываем друг другу о том, как сложилась дальнейшая судьба знакомых нам ветеранов 3-й ударной.

Вот, например, легендарный герой Хасана и наш боевой товарищ Гани Галимович Галимов. Он успешно закончил после войны Академию Генерального штаба, затем несколько лет служил в Забайкалье. Потом вернулся в родную Уфу и стал преподавателем одного из институтов.

Ныне полковник в отставке Галимов работает на телевидении. Несмотря на сугубо мирную профессию, характер его не изменился. Он, как и прежде, непримирим к недостаткам, решителен и принципиален во всем. За прямоту и откровенность суждений товарищи по работе очень уважают Гани Галимовича.

Академию Генерального штаба окончил также Иван Феоктистович Топоров, работавший затем преподавателем в Академии имени М. В. Фрунзе. Ныне Иван Феоктистович на заслуженном отдыхе.

Ушел на пенсию и Борис Васильевич Вишняков. Здоровье у него неважное, но он не сидит сложа руки, принимает посильное участие в жизни своей партийной организации.

Несколько слов о наших женщинах-связистках. Давно уже уволилась из армии инженер-майор Агриппина Яковлевна Лисиц. Живет она в Москве, активно работает в Советском комитете ветеранов войны. Благодаря ей я разыскал наших бывших телефонисток.

Телефонистка Клава Печенкина (теперь Леньшина) осталась верна своей профессии. У нее хорошая семья, двое детей.

Недалеко от Москвы, в городе Ожерелье, живет и трудится Лиза Симакова. Она стала ударником коммунистического труда. Это мне удалось узнать. А вот свое отчество Лиза сообщить не захотела. «Зачем? Я еще молодая!» — сказала она.

Лучшая наша телеграфистка Мария Федоровна Рыжикова, которую все звали Мариной, обосновалась в городе Кургане. Муж у нее — тоже ветеран 3-й ударной. У них уже взрослые дети.

Каждый год в День Победы мы с женой бываем в Подмосковье у Дмитрия Ивановича Ходько, вместе с которым я исколесил многие фронтовые дороги. Наш бывший шофер после войны женился на официантке штабной столовой Зине Розановой. Живут супруги душа в душу.

За праздничным столом мы снова и снова вспоминаем боевых друзей. Особенно тех, кто сложил свою голову, защищая любимую Родину. Пусть никогда не умрет память о них!

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Дорога на фронт	3
Штаб ударной армии	37
Успешный экзамен	83
Западнее Невеля	107
К Балтийскому морю	126
Главное направление	179
Бросок на Берлин	229
Конец фашистского логова	269
Слово о боевых друзьях	300

Георгий Гаврилович Семенов
НАСТУПАЕТ УДАРНАЯ
Редактор *М. Д. Конюшенко*
Художник *В. В. Васильев*
Художественный редактор *А. М. Голикова*
Технический редактор *Г. Ф. Соколова*
Корректор *С. Н. Штынова*
* * *

Г-69027 Сдано в набор 4.6.69
Подписано к печати 3.10.69
Формат 84 × 108 1/32. Печ. л. 9 1/2 (усл. печ. л. 15,96) + 4 накидки + 1 вклейка.
Печ. л. 9/16 (усл. печ. л. 0,945)
Уч.-изд. л. 17,594. Тираж 100 000. Цена 77 коп.
Изд. № 3/898 Зак. 769
* * *

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР
Москва, К-160
1-я типография Военииздата
Москва, К-6 проезд Скворцова-Степанова, дом 3

).
3
37
33
07
26
79
29
69
00

Цена 82 коп.

